

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Общая тетрадь

Москва 2013

Издание выходит раз в квартал
Наш электронный адрес:
e-mail: msps@msps.su
[http: //www.msps.su](http://www.msps.su)

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский
Е.В. Барабанов
Р. Брейтвейт (Великобритания)
И.М. Бусыгина
С.А. Васильев
Н.В. Злобин
М. Мертез (ФРГ)
С.В. Мошкин
Е.М. Немировская
Д. Пинто (Франция)
Б. Рубл (США)
В.А. Рыжков
Ю.П. Сенокосов
А.Ю. Согомонов
А. Хиль-Роблес (Испания)
Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор: *Ю.П. Сенокосов*

Ответственный секретарь: *С.А. Максимов*

Художественный редактор: *Людмила Иванова*

Верстка: *Валерия Козак*

Фото: *Олег Начинкин*

*Издание этого номера журнала осуществлено при поддержке
Института «Открытое общество» (HESP), Фонда Ч.С. Мотта,
Стокгольмского института переходной экономики (SITE),
группы компаний «Рольф».*

Содержание

№ 2 (62) 2013

К читателю

- Турбьерн Ягланд*
Обращение к участникам встречи выпускников,
посвященной 20-летию Школы 5
- Владимир Лукин*
Поздравление 7

Семинар

- Почему я верю в силу духа* 8
Катрин Лалюмьер
- Дискуссия* 15

Тема номера

- Власть и мораль* 22
Альваро Хиль-Роблес
- Дискуссия* 28

Демократия и личность

- Выживет ли демократия в условиях недоверия к институтам?* 37
Иван Крастев
- Дискуссия* 43

Личность в истории

- Шекспир и Кейнс о деньгах* 55
Роберт Скидельски

Гражданское общество

- Гражданское образование в истории западной философии* 60
Александр Согомонов

Культура и политика

Общественные организации в России (традиция и современность) 66
Никита Соколов

Точка зрения

Вопросы для каждого из нас (Заметки о семинаре в США) 76
Станислав Станских

Наш анонс

Синий магистр 89
Сергей Белоконь

Книги

Шесть ипостасей Путина 100
Николай Петров

Региональное книжное обозрение 104
Гузель Ситдикова

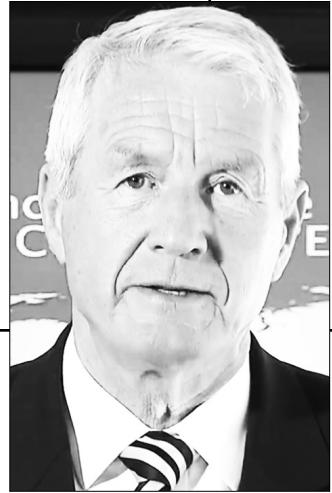
Контрапункт 107
Владимир Рыжков

Nota bene

Моральные уроки советской истории 114
Евгений Барабанов
Алексей Салмин

В оформлении номера использованы работы авторов из Великобритании, Германии, КНР, Мексики, США

**Обращение
к участникам встречи
выпускников, посвященной
20-летию Школы,
25 апреля 2013 года***

*Турбьери Ягланд,
генеральный секретарь
Совета Европы*

Уважаемые друзья, сегодня мы празднуем двадцатилетие Московской школы политических исследований. Это важный день как для Школы, так и для Совета Европы. Этот день символизирует двадцатилетие неустанной работы на благо гражданского общества в России. Это замечательный пример неразрывной связи гражданского просвещения с формированием политической культуры. Московская школа была первой школой подобного рода, чей успех вдохновляет многих людей в России и за ее пределами. Она стала прообразом для создания восемнадцати подобных школ, которые осуществляют сегодня свою деятельность не только в европейских странах, но также в Тунисе и в Марокко. Их деятельность — в Чехии, Словакии, Польше, Венгрии и в других государствах, — конечно же, направлена на поддержку участия граждан в делах их стран.

В ноябре этого года в Страсбурге состоится конгресс, который соберет более 350 представителей школ политических исследований. Европе необходима здоровая политическая среда и ответственное общество. Поэтому гранты Совета Европы предоставляются организациям в разных странах для развития гражданского общества. И я не могу переоценить важность существования и деятельности этих школ. По этой причине школы политических исследований являются и останутся приоритетом и Европы, и моим личным. Я убежден, что

** Выступление на первом Всемирном форуме за демократию в Совете Европы, 8 октября 2012 г.*

Московская школа политических исследований и подобные ей институты играют выдающуюся роль в качестве проводников демократии. Полагаю, что вы содействуете строительству демократической культуры в вашей стране, в Европе и во всем мире.

Мне хотелось бы поблагодарить в этой связи госпожу Немировскую и выразить свое глубочайшее уважение к Московской школе, ее успехам и пути, который она прошла с 1992 года. Мы не забываем о ее достижениях и надеемся на продолжение того свободного и плодотворного диалога, который ведется в Московской школе. Вы можете рассчитывать на поддержку Совета Европы.

Поздравление

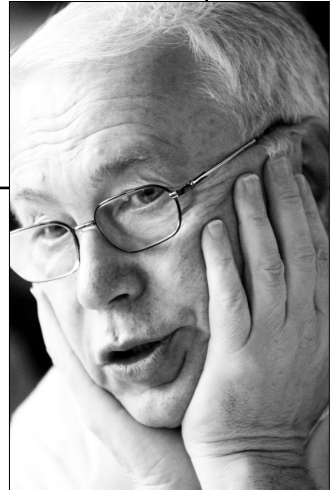
Дорогие друзья!

От души поздравляю вашу школу со все еще юным юбилеем.

У нашей страны, как известно, немало проблем. Но одной из самых острых проблем является, на мой взгляд, дефицит кадров для расширенного воспроизводства современного, динамичного, мыслящего и действующего гражданского общества.

Я убежден, что ваша школа уже внесла и будет вносить весомый вклад в решение этой сверхновой проблемы, стоящей на пути нашего успешного существования в XXI веке. Наша Родина богата традициями. И одной из самых прочных и устоявшихся традиций России является наличие на каждом этапе ее великой тысячелетней истории людей, способных противостоять косности, рутине, лености мысли и действия. Одним из таких людей, А.С. Пушкина, другой наш великий поэт, М.И. Цветаева, назвала «преодолением косности русской».

Я считаю, что ваша школа играет большую и исключительно ценную роль в поддержании и развитии этой российской традиции, без которой нам не продержаться в бурном и быстро меняющемся мире. Желаю вам успеха и преодоления трудностей.

*Владимир Лукин,
уполномоченный по правам
человека в РФ*

*Катрин Лалюмьер,
генеральный секретарь
Совета Европы (1989–1994)*

*Почему я верю в силу духа**

Елена Немировская, основатель Московской школы политических исследований

Когда мы обсуждали программу юбилейного семинара, мы решили, что завершать его будет мадам Катрин Лалюмьер, потому что это она 22 года назад, когда Россия еще не была членом Совета Европы, а Катрин была генеральным секретарем, поддержала наш с Юрой проект о создании Школы. Расскажу, как это случилось, вернее, что этому предшествовало.

В декабре 1990 года мне предложила историк Диана Пинто, которая вскоре стала шеф-редактором французского журнала *Belvédère*, быть московским корреспондентом. На его страницах в то время публиковались статьи, посвященные событиям в посткоммунистических странах. Я согласилась, и в осеннем номере *Belvédère* 1991 года появилось мое «Письмо из Москвы» об августовском путче**. А перед этим, летом, когда я и Юра были в Париже, мы рассказали Диане и ее мужу Доминику Моизи, известному политическому аналитику, о нашей мечте создать школу для молодых людей из российских регионов для обсуждения проблем демократии и правового государства с участием зарубежных экспертов. Нашим новым друзьям идея понравилась, и они сказали, чтобы мы написали об этом странички две в виде проекта, а они передадут их кому-то в Совете Европе.

Но случился путч, а спустя примерно три недели после него звонит по телефону Доминик и говорит: «Завтра к Ельцину на встречу едет мадам Лалюмьер. Она с ним будет беседовать часа полтора, а после восьми у нее свободный вечер. Поэтому мы хотели бы, чтобы вы с ней познакомились». И добавил:

* Выступление на семинаре Школы в Голицыно 27 апреля 2013 г.

** См.: *Lena Nemirovskaia. Lettre de Moscou // Belvédère. La revue Européenne de l'Express. — Paris, 1991, № 3, octobre — novembre. — P. 75–77. — Прим. ред.*

«Только, пожалуйста, не путайте генерального секретаря Совета Европы с председателем Европарламента. И Страсбург с Брюсселем». Я не могу сказать, что много знала в то время, но о европейских международных институтах была наслышана.

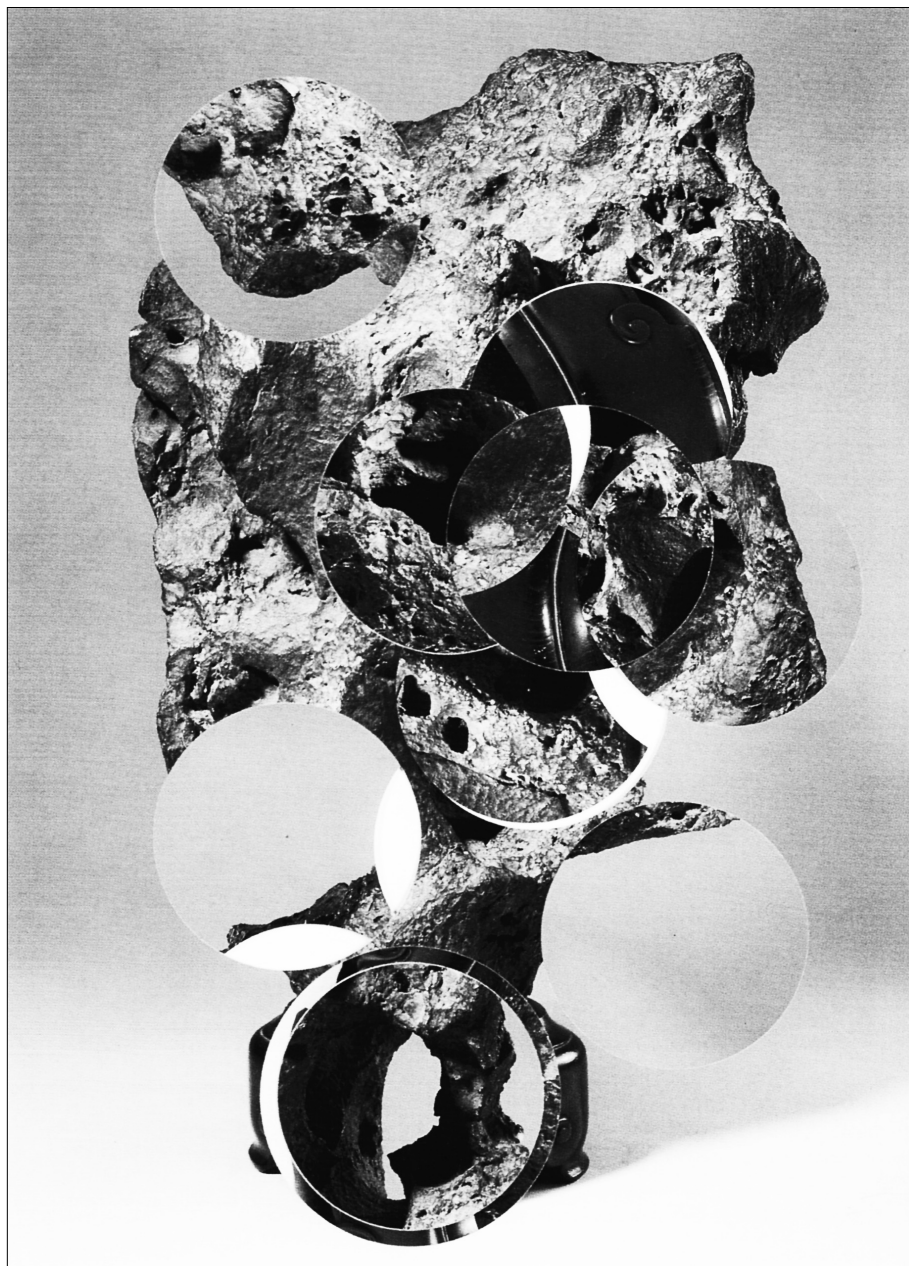
И вот назначенные восемь вечера. Проходит четверть часа, половина... И где-то около девяти к нам в квартиру входит красивая женщина, генеральный секретарь. Я как человек из советского небытия была потрясена... Нет, я всегда понимала в туалетах, но в этот момент меня поразила французская женская элегантность, и в нашу квартиру.. И с ней пять или шесть важных мужчин. В том числе и Джек Ханнинг, с которым сегодня вы познакомитесь, в настоящее время он является секретарем Европейской ассоциации школ политических исследований. Входит Катрин, входят мужчины, и мы садимся за стол. Джек переводил, потому что мадам говорила по-французски. Разговаривали, разумеется, о демократии, ее важности и так далее. Юра, помню, что-то говорил о французской философии и Декарте. А затем примерно около двенадцати ночи все собрались уходить, и один из мужчин сказал: «Я знаю, что у вас есть какие-то странички о школе. Можно, я их возьму, и мы их посмотрим». Я так была поражена случившимся, что, ничего не сказав в ответ, быстро достала их из ящика письменного стола и отдала, не рассчитывая, что они будут прочитаны, хотя, конечно, хотела этого.

Прошло еще девять месяцев, и нам снова позвонили, на этот раз уже из Страсбурга, и меня пригласили срочно приехать. И вот я в кабинете генерального секретаря, все такая же красивая женщина принимает меня в окружении тех же мужчин, начальников департаментов. А я только подруга француз-

ских друзей, то есть человек практически с улицы. Мы начинаем разговаривать, она спрашивает меня о России, работе, но неожиданно разговор прерывается, и ассистент докладывает, что в приемной с мадам Лалюмьер кто-то ждет встречи. Она не говорит мне, кто это, мы продолжаем беседу еще минут двадцать, и уже расстаемся, когда я слышу, что, возможно, Школа будет пионерным проектом Совета Европы, еще какие-то слова. И тут открывается дверь... Оказывается, в приемной сидит посол Российской Федерации в США Владимир Петрович Лукин, который, улыбаясь, подходит ко мне и восклицает: «А ты как сюда попала?!» На что, зная его уже тридцать лет, я ответила: «Попала». А Катрин, обращаясь к послу, сказала, что мы обсуждали проблемы демократии и гражданского общества, а также наш проект создания в Москве школы гражданского просвещения, и она считает, что он важен для России.

А потом, спустя еще несколько месяцев, от нее пришло официальное письмо, где было сказано, что, поскольку Россия не член Совета Европы, наш с Юрой проект будет ее личным проектом, который она поддерживает. После этого в декабре 1992 года мы зарегистрировали Школу как неправительственную организацию, задача которой — содействие развитию демократических институтов и гражданского общества в России. И в начале апреля 1993 года провели наш первый семинар.

Я никогда не забываю наши встречи с Катрин, бесконечно ей благодарна и всегда помню о том доверии, которое не только нам с Юрой, но, думаю, и всем сидящим сегодня в этом зале когда-то было оказано. Двадцать два года назад Катрин и Джек вошли в нашу квартиру. А теперь мы снова здесь вместе.

Габриель Ороско. Разъеденные камни. 1998

Катрин Лалюмьер

Дорогая Лена, уважаемые участники семинара.

Прежде всего я хочу поблагодарить Лену за ее теплые слова. Но при этом хочу добавить: для меня самое главное — это то, что конкретно было сделано в

Школе под ее руководством, и то, к чему пришла Школа. К своему двадцатилетию она многого добилась. И я испытываю большое удовлетворение. Я очень рада вновь видеть Лену и счастлива, что нахожусь сегодня среди выпускников Школы. Ведь существ-

вуют не только проблемы, но и моменты счастья. Поэтому позвольте после ее волнующих слов перейти к выступлению.

Я думаю, вы согласитесь, что когда мы рассуждаем о политической власти — экономической и финансовой, то не случайно соотносим ее с критериями демократии и морали, понимая, что хотя оба эти понятия связаны, они могут вступать в противоречие. А характер и степень противоречия зависят от цели. Ясно, что в идеале цель праведной власти в том, чтобы построить самое лучшее общество в мире, где бы все — женщины, мужчины, дети и старики — были бы счастливы. Но что такое подлинное счастье? Иметь много денег? Да, безусловно, деньги нужны, чтобы была возможность вести нормальный образ жизни. Но счастья на деньги не купишь, это известно. Количество денег позволяет продвигаться к счастью, появляется социальная защищенность. Но нужна еще и стабильность, и важно человеческое достоинство. И тогда, в зависимости от соотношения этих свойств, в обществе приятно или неприятно жить.

Все эти элементы — мораль, демократия, политика, потребность в стабильности, эффективность власти — находятся в современном мире в сложнейшем взаимодействии, определяющем концепцию власти и отношения между властью и гражданами. А их формирование восходит к XVIII веку, когда политическими философами были сформулированы понятия прав человека, ценности плюрализма, разделения властей и их независимости. То есть связано с событиями и общественными процессами в таких странах, как Англия, Франция. В России знали об этих процессах и новых ценностях, но она не была в числе первых стран, в которых они воспринимались бы как базовые.

И вот эти ценности были торжественно подтверждены после Второй мировой войны, когда в 1949 году был создан Совет Европы. Отцы-основатели европейского здания в то время хотели примирить между собой европейцев, для того чтобы построить мир. Это было довольно сложное предприятие, потому что в течение многих веков европейцы постоянно воевали между собой. Но отцы-основатели хотели построить новую мирную Европу, пережив опыт тоталитаризма тридцатых годов и ужас войны. И стремились добиться одновременно необратимого мира и чтобы Европа снова не скатилась к тоталитаризму, варварству. Поэтому европейская конструкция должна была обустраиваться на фундаменте ценностей и принципов политической философии, который скрепил бы ее, так как мало кто верил вначале в концепт единой Европы: настолько сильно давило прошлое. Но постепенно новые ценности приняли все члены Совета Европы. Сейчас их сорок семь, включая Россию. И эти ценности, должны быть защищены не только судебной властью, или, например, Европейским судом по правам человека, который заседает в Страсбурге. Это еще и дело гражданского общества. Никто не оспаривает роли государственных учреждений, но именно от активной позиции гражданских ассоциаций, сообществ, профсоюзов в первую очередь зависит поддержание благоприятной среды, в которой люди чувствуют себя комфортно. Однако так, к сожалению, бывает далеко не всегда, с реальным обеспечением ценностей связано много проблем. Политика и мораль не всегда состоят в гармонии.

Очень трудно объяснить, что такое мораль. Это и откровенность, и жесткость, и транспарентность, и множество психологических критериев, ко-

торые мы называем обычно порядочностью человека независимо от того, является он простым гражданином или политическим руководителем. Поэтому мораль нас помещает в некую иную область, это не демократия. Для того чтобы она могла существовать, необходимо, чтобы служители демократии были моральными людьми. Потому что если политический руководитель обладает «эластичностью» морали, тогда демократия теряет всякую опору.

У политических руководителей много соблазнов. Существуют политики, для которых на первом плане личные амбиции, они хотят обогатиться, заработать много денег, получить какие-то преимущества. Другие стремятся к власти ради власти, им нравится быть начальниками и чтобы им подчинялись. Это почти что наркотик. И многие находятся под действием этого наркотика. Но амбиции политика не обязательно являются индивидуальными. Существуют амбиции и коллективного свойства. Например, политик может желать величия своей стране и действует как бы в интересах собственного народа. Есть такие политические лидеры, которые ближе к жестокосердному властителю Креонту, чем к Антигоне из известной трагедии Софокла. Подобный Креонту политический деятель действует — или ему кажется, что он действует, во имя государственных интересов. Ибо что может быть выше государственных интересов? Например, во Франции государственные интересы всегда играли огромную роль, и человек, который говорил от имени государства, воспринимался как божественный персонаж. Это характерно для моей страны. Президент республики у нас и сегодня, что странно, почти что монарх, божьим именем возведенный на трон. Такова традиция власти,

которая строилась вокруг государственных интересов.

Но не доминирует ли государственный интерес над интересами личности? И не определяет ли он политику? Какую роль играют моральные обязательства государства и нравственные критерии государственного интереса? Этот вопрос тем более важен сегодня, когда количество государств существенно увеличилось за последние два десятилетия. Каждый народ пытается создать свое собственное государство. И каждое государство претендует на независимость и суверенитет, даже если у некоторых так называемых государств на это просто нет сил. В истории никогда не было такого количества государств как сейчас, которые пытаются сохранить свои государственные прерогативы.

В современном мире люди стараются совершенствовать международное право, создавая международные организации, цель которых заключается в том, чтобы стремиться формировать коллективную волю, ограничивая тем самым волю отдельных государств, что рождает проблемы.

Россия, например, не очень довольна, когда против нее принимаются решения Европейского суда по правам человека. Но тут Россия не одинока. Премьер-министр Великобритании Дэвид Камерон не так давно тоже выступил против решения Евросуда от имени своей страны. Как и венгерский премьер-министр Орбан, протестовавший после того, когда Венгрия проиграла дело в Евросуде. Так что очевидно, что ЕСПЧ был учрежден не ради одной только России. Хотя все страны признают этот механизм, его применение вызывает часто протесты или претензии. То есть существует дилемма, постоянное противоречие между государством, его правами и обязанностями, и

людьми, гражданами, у которых тоже есть права. И такие организации, как Совет Европы и другие, пытаются как-то организовать отношения в сообществе, устанавливая правила игры, которые позволили бы добиться равновесия между различными интересами, стремлениями, входящими в противоречие, и построить общество, в котором более комфортно жить людям и где государство эффективно работает.

Конечно же, политическая власть стремится к тому, чтобы сосредоточить как можно больше полномочий, а общество должно ее контролировать. Еще Монтескье говорил, что любая власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно. Поэтому нужен механизм противовеса, или, скажу так, нужна определенная деонтология, мораль, или, если хотите, цивилизованность, основанная на морали. Это достаточно сложно. Искушение прибегнуть к насилию не раз одерживало верх в решении внутренних и внешних задач и целей. Арсенал военно-экономических средств достаточно широк. Есть страна, которая обладает экономической и военной мощью и иногда использует свое могущество, чтобы «исправить поведение» той или иной страны, основываясь на своем представлении о миропорядке.

Но существуют и другие силы — основанные на ценностях, то есть на культуре, о которой говорил Никита Соколов за этим столом, потому что человек не животное. И если он не хочет впасть в состояние варварства, он не должен полагаться только на жесткую силу.

Сейчас мы в Европе стоим перед огромной ответственностью, потому что не так давно в нашей долгой истории были

и мрачные страницы: взаимное истребление в войнах, холокост, ГУЛАГ... Но были в европейской истории и светлые страницы, люди, которыми все восхищаются, это все же не политики, хотя некоторые из них достойны восхищения. Главное наше достояние — это

*Материальные основы мира
не должны подменять собой мир идей
и мир культуры, мир философских
и моральных ценностей*

мыслители, философы, писатели, которые создавали ценности и идеи и продвигали человеческую мысль вперед. Это Шекспир, Локк, Кант, Гете, Пушкин, Толстой, Достоевский, Паскаль, Вольтер, Гюго — им нет числа. И давайте не будем забывать наших далеких предков — Сократа, Платона, Аристотеля — величайших философов античной Греции. И пророков великих религий, которые сосуществуют в Европе. Все эти великие люди создавали культуру, они ее воплощают. Конечно, никуда не деться от материального потребления, но подлинное величие Европы — это величие мысли, величие ее культуры.

Было бы очень жаль, если бы современная Россия не разделяла эти ценности, потому что она обладает глубочайшей культурой. У России есть свои слабости в организации политических институтов, мы об этом говорили на семинаре. Но культура — это шанс, который у вас есть, и одновременно это ответственность. Когда у вас есть такое наследие, вы должны быть достойны этого наследия.

Я прекрасно понимаю, что существует разрыв между тем, что я говорю, и ре-

альностью, которая существует. Европа переживает кризис. У вас он пока не такой, как в Западной Европе, но это некоторая отсрочка, потому что кризис может ударить и по вам. Итак, есть экономический кризис, достаточно травмирующий. Есть социальный кризис, который затронул наиболее незащищенные слои общества. И есть моральный кризис. Люди все меньше и меньше верят в великие принципы. Все, о чем я вам рассказала, может показаться неактуальным. Прагматизм и материальные блага определяют в наши дни рейтинг ценностей не только в Европе, но и во всем мире. Критерий успеха — это деньги. Кто зарабатывает больше — тот и преуспел. Цинизм и эгоизм становятся для многих единственно возможной моделью поведения.

На фоне кризиса, в том числе и во Франции, а не только в Голландии и Австрии, проявляется национализм. Люди замыкаются на своих проблемах, каждый защищается сам, мы забываем, что такое человеческая солидарность. Но, несмотря на то что происходит в Европе и во всем остальном мире, я все-таки верю более чем когда либо в то, что говорил Франсуа Миттеран, когда был президентом Республики: «Я верю в силу духа!» Может быть, я несколько устарела в этом смысле, может быть, моя вера абсурдна, но я считаю, что сила духа остается для человека лучшим способом выбраться из пучины хаоса.

И наш семинар, на котором мы сегодня присутствуем здесь, в Голицыно, прекрасная возможность совместно подумать о задачах, которые стоят перед всеми людьми, в особенности перед европейцами объединенной Европы, перед представителями сорока семи

стран Совета Европы. Ни одна из стран западной, центральной или восточной части Европы не свободна от нарушений прав человека, рецидивов прошлого. У нас есть поводы опасаться этого. Но именно поэтому мы должны еще настойчивее бороться против этих отклонений.

Я хотела бы сказать в этой связи о мемуарах одного пожилого человека, героя французского Сопротивления, узника Бухенвальда, правозащитника, который недавно умер, Стефана Хесселя. В 1993 году он опубликовал небольшую брошюру, которая была издана во всем мире. Ее читала молодежь во многих странах, она называется «Протестуйте!» (Indignez — vous!). В чем смысл его обращения к молодежи? Он призывал ее не быть пассивной и безразличной к нападкам на демократию, на свободу личности, на свободу человека, когда мы являемся свидетелями утраты моральных ценностей. У каждого в памяти может быть пример политических лидеров, которые нарушили любые моральные установки. И вот Стефан Хессель говорит нам: «Не оставайтесь безразличными! Возмущайтесь! Протестуйте! Действуйте!»

В современном обществе, пронизанном информационными технологиями, Интернетом и прочими инструментами коммуникации, которых не было у наших родителей, мы обязаны использовать все эти средства, чтобы воспитывать, объяснять, показывать, что материальные основы мира, конечно же, важны и необходимы, но они не должны подменять собой мир идей и мир культуры, мир философских и моральных ценностей. Все это более важно, чем материальные аспекты жизни. Я в это глубоко верю.

Дискуссия

Джамбулат Оздоев, уполномоченный по правам человека в Республике Ингушетия:

— Вы в своем выступлении упомянули о Европейском суде по правам человека и сказали, что его решения вызывают раздражение у национальных правительств. Исключением не является и Российская Федерация. Здесь также вызывают недовольство определенные решения. Проблема, однако, в том, что выплачивается компенсация, а само содержание нарушения не устраняется. Сегодня кажется, что сфера действия Евросуда несколько сужается. Какова в действительности тенденция работы этого суда?

Второй вопрос, если вы позволите, касается лидеров европейских стран. Сейчас нередко политологи говорят, что происходит обмельчание лидеров Европы. Такие харизматические фигуры, как де Голль, Тэтчер, Гавел, ушли в прошлое. А приходят невыразительные фигуры, которые большее отношение имеют к бюрократии. В связи с этим: поскольку в Европе происходит прощание с частью национального суверенитета и встает вопрос о Евросоюзе как об общем государстве, как этот процесс будет проходить, какими будут обще-европейские лидеры? И вообще, есть ли такая тенденция, о которой я сказал?

Катрин Лалумьер:

— Первый вопрос о Европейском суде по правам человека. В настоящее время этот суд завален жалобами, и Россия этому во многом способствует. Но жалобы идут не только из России, рост их количества носит взрывной характер. Поэтому суд просто физически не в состоянии рассмотреть все жалобы.

Что делать в этой ситуации? Первое — предоставить большее финансирование, чтобы набрать новых сотрудников и рассматривать большее количество жалоб и обращений. Это путь, по которому страны-члены, в общем-то, идут, несмотря на определенные сложности: увеличиваются кредиты, направленные на функционирование суда.

Настоящее же лекарство заключается в том, чтобы государства соблюдали законы, принимали во внимание постановления суда и действовали соответствующим образом, чтобы не поступало больше жалоб на те же самые правонарушения.

Например, Францию часто суд осуждал по двум вопросам. Первое — за затягивание процедуры рассмотрения дел французскими судами.

Франция сейчас ускоряет эти процедуры. И второе — это обращение с заключенными в тюрьмах. Это скандал для Франции, и тут решение находится внутри страны. Она должна улучшить содержание заключенных в тюрьмах и ускорить процедуру рассмотрения дел. В Италии такая же ситуация.

То есть лучшая возможность помочь суду — это провести необходимые реформы в национальных законодательствах, чтобы граждане стран не были вынуждены присылать жалобы в Европейский суд. Суд выносит решение для того, чтобы государство исправило положение. И можно только сожалеть, что государства, против которых выносятся такие решения, не стремятся его исправить.

Такая богатая страна, как Россия, может использовать часть средств для того, чтобы улучшить ситуацию. Я не указываю пальцем на Россию и не обвиняю, Франция тоже далеко не лучшим образом выглядит в этом отношении.

Второй вопрос — качество лидеров в Европе. Это очень большая проблема и для Евросоюза, и для Совета Европы, и вообще для всей объединенной Европы. В прошлом Европе повезло. Во главе стояли подлинники лидеры. Я говорила об отцах-основателях европейского здания. Так вот, можно только еще раз преклониться перед деятельностью этих людей после войны. Я не хочу сказать, что они были революционерами. Они не ходили с флагами по улице, не устраивали демонстраций, но они были провидцами. Европа только что вышла из страшной войны. Большинство семей потеряло своих близких. Многие погибли в лагерях, были депортированы. И вдруг вас призывают примириться с Германией, протянуть руку немцам. То, что они сделали, заслуживает высшей похвалы. Если бы в то время провели референдум, я думаю, что они проиграли бы его. Но они были провидцами. Они строили свои прогнозы на хорошем знании истории, на хорошем знании культуры всех европейских стран. У них была хорошая основа знаний. И именно благодаря этому они смогли вообразить картину будущего. Это очень важно.

Мне также повезло. Когда я стала интересоваться европейскими проблемами, в Европейском союзе сложился определенный треугольник, в котором заключался европейский проект: канцлер Коль, президент Миттеран и председатель Еврокомиссии Жак Делор. Эти три человека помогали друг другу, совместно работали над европейским строительством, вовлекая в него все больше компетентных людей.

Сегодня я должна просто выступать в качестве критика. Могу только сожалеть, что Европейский союз испытывает сейчас дефицит лидеров. Можно политикой заниматься разными способами. Я различаю тех, кто осуществляет политическую власть ради собственной выгоды, и тех, кто работает в интересах общества. И поэтому вижу, что многие люди просто не способны соответствовать требованиям их высоких должностей. Сегодня в условиях кризиса, возможно, Европе требуются лидеры другого качества, обладающие широкими познаниями не только в специальных областях, но и в культуре.

На уровне Центрального европейского банка два руководителя: Жан-Клод Трише и Марио Драги. Они профессионально работали на уровне Центрального европейского банка, где сыграли свою роль. Но на уровне высших политических постов, конечно, требуются люди другой профессии. Это очень важно.

Но тут важна и роль обычных граждан. Я часто езжу по разным странам, часто общаюсь с гражданами, особенно во Франции, но не только. И я вижу, что все это понимают. Нужно, чтобы люди чувствовали, что самолет ведет квалифицированный пилот. Если нам кажется, что пилоту не хватает квалификации, то, конечно, возникает чувство страха. И вот это чувство страха переживают граждане во многих странах Европы. Кризис требует от нас пилотов, которые способны уверенно вести самолет. Сегодня, я говорю это совершенно откровенно, у нас нет ощущения, что мы удовлетворены нашими лидерами. Надеюсь, ситуация улучшится...

Елена Рукавишникова, менеджер департамента управления проектом «Сочи-2014» компании «Ростелеком», Краснодарский край:

— Госпожа Лалюмбер, прежде всего позвольте вас поблагодарить за красоту публичной деятельности. Это не так часто сейчас встречается. Вы высказали прекрасную идею, что политика и мораль не очень хорошо сочетаются. Была ли у вас ситуация, когда ваши высказывания как публичного деятеля вступали в конфликт с вашими личными морально-этическими принципами? Если да, то как вы решали эту дилемму?

Катрин Лалюмьер:

— Вы знаете, когда я работала на различных должностях, не помню, чтобы у меня была необходимость принимать или выполнять какие-то решения вопреки внутренним убеждениям, не было такого противоречия. Может быть, мне повезло. Потому что, если бы такое противоречие возникло, мне просто нужно было бы уйти в отставку. Эта возможность всегда у вас есть, как у публичного деятеля.

Но вокруг меня были примеры, которые заставили меня задуматься. В частности, я думаю о двух примерах, которые достаточно жалко выглядели с моей точки зрения, но дают пищу для размышления.

Первый касается Доминика Стросс-Кана, директора МВФ, то есть высокого международного чиновника. Я достаточно хорошо его знаю. Умный человек, блестящий экономист, знающий много языков. В общем, человек очень мощный. Но в смысле поведения, в семье, да и не только... Все это привело к тому, что он потерял должность, друзей, стал изгоем в обществе. Короче, его жизнь потерпела крах.

Казалось бы, у человека было все, для того чтобы играть важную политическую роль. А полное отсутствие моральных принципов привело к тому, что он не только разочаровал французский политический класс, он разрушил собственную карьеру. Его жизнь закончилась полным фиаско. Я привела этот пример, чтобы показать, что отсутствие моральных принципов бумерангом может ударить по человеку, привести к политическому самоубийству. Это, как если бы вы чистили пистолет и оставили патрон в патроннике.

И еще один случай касается Жерома Каузака, министра бюджетного планирования Франции. Он тоже блестящий экономист, умный руководитель. Перед ним открывалась просто великолепная карьера. Он повел себя плохо не в частной жизни. Министр бюджета, представьте себе! Выяснилось, что у него был счет в Швейцарии и еще в одном офшоре, чтобы увести свои доходы от французских налоговых органов. То есть главный человек, который занимается вопросами налогообложения, оказался виновен в бегстве от налогов. Это представить себе невозможно!

Более того, когда все это обнаружилось, он соврал перед парламентом. На вопрос «Вы обманули налоговые органы?» он ответил: «Нет, я никого не обманывал». То есть абсолютно аморальный поступок. В результате его карьера закончена. Правительство ослаблено. Все разговоры о фискальной дисциплине и социальной справедливости, конечно, выглядят, мягко говоря, странно. И мы видим, что аморальное поведение одного человека имеет отрицательное влияние на политику на самом высоком уровне.

Вчера мы говорили о коррупции в России, но во Франции все-таки существует достаточно устоявшаяся система налогообложения. То есть всегда и всюду будут люди, которые захотят уйти от налогов, показать меньшие доходы. Если мы с этим будем мириться, то отсутствие моральных принципов станет политическим явлением, и от этого будут страдать все.

Дмитрий Лебедев, заместитель главы муниципального образования «Черная речка», Санкт-Петербург:

— Уважаемая Катрин, в своем выступлении вы упомянули проблему роста национализма в Европе. Как вы относитесь к росту национализма в России? Вообще, европейские умы занимает данная тематика?

Катрин Лалюмьер:

— Сейчас происходит пробуждение национализма во всех странах Европы, включая Россию. И это ощущение достаточно естественное. Градус национализма несколько снижается, когда народы встраиваются в единое пространство, а элита участвует в совместных организациях. Национализм не исчезает, но становится менее заметным. Тем не менее он существует. И когда ухудшается экономическая ситуация, он снова пробуждается.

Национализм в России, разумеется, волнует нас. Но, вы знаете, многие руководители часто стремятся использовать национализм в своих собственных целях. Это касается стран, которые находятся в состоянии кризиса, и когда они не могут выйти из него, ищут козлов отпущения. И национализм является прекрасной возможностью этот вопрос как бы решить. Это происходит во всех практически странах в разной степени. И часто это сопровождается еще одним явлением — популизмом. Что такое популизм? Это демагогия. Мы обращаемся к людям, говорим: «Вот если бы мы были у власти, у вас была бы работа, у вас было бы третье, пятое и десятое».

Подъем национализма и популизма, во всяком случае по моим ощущениям, сегодня достаточно опасное явление в Европе.

Гасан Гасанов, преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Одицовского государственного института, Республика Дагестан:

— Я хотел задать вопрос о последних политических событиях, которые произошли во Франции. Они были восприняты по-разному мировым сообществом, в том числе и гражданами России. Вопрос касается однополых браков. Не давая какой-либо нравственной и правовой оценки, я хотел бы понять вашу оценку этой ситуации через призму общего блага и ценности семьи как ячейки общества, учитывая и то, что в еврозоне, в частности в самой Франции, очень сложная демографическая ситуация...

Известно, что модель семьи является моделью общества для растущего ребенка, которая прививается через родителей, через мать и отца. Через них формируется его мировосприятие. Переходя из этого микрообщества в общество граждан, я думаю, он и понесет эти ценности.

Катрин Лалюмьер:

— Я ждала этого вопроса, так как вижу, что в России французский закон вызвал недоумение, шокировал. Одно замечание, которое я хотела бы сделать. Все семейные проблемы за последние годы прошли определен-

ную эволюцию, достаточно быструю не только во Франции, но вообще в европейских странах. И в частности, однополые браки тоже еще несколько лет назад были немыслимы, если мы вспомним, что гомосексуальность в прошлом была уголовным преступлением. Произошел слом общественного мнения, но это происходило постепенно.

О том, что касается потребности увеличения рождаемости. Я вас, видимо, удивлю. В свое время, когда мы разрешили аборт, многие говорили: «Это просто катастрофа. Детей больше не будет. Все женщины будут прерывать беременность. Показатели рождаемости упадут». Но в 1975 году был принят закон, и Франция стала европейским лидером по рождаемости. И уж если есть причинно-следственные связи, то этот закон скорее вызвал противоположный эффект, чем ожидалось. Согласно демографическим данным, рождаемость во Франции очень хорошая. Несмотря на то, что сейчас увеличивается количество безработных, у нас рождается много детей. И от разрешения однополых браков количество детей не уменьшится. Тут никакой причинно-следственной связи я не вижу.

Еще несколько лет назад мне такое не могло прийти в голову. Я просто не думала, что эти люди захотят регистрировать брак. Тем не менее они захотели. Об этом шла очень острая и напряженная дискуссия. И что мы увидели в итоге? Что есть группа людей, которые ведут себя законопослушно, являются гражданами, но при этом имеют нетрадиционную сексуальную ориентацию. Врачи это связывают скорее с определенным генетическим отклонением, а не с какой-то болезнью или отрицательным поведением людей. Есть люди, которые рождаются гомосексуалами. И отказ в регистрации брака для них был серьезным испытанием. Брак дает им уверенность в будущем. Брак ведь это не только продолжение рода, это еще и безопасность людей, вступающих в такие отношения. Они помогают друг другу во время болезни, в старости и так далее. Поэтому, если мы им откажем в регистрации их отношений, мы поставим их в сложное положение.

И в конечном счете я тоже являюсь одной из тех, кто изменил свое мнение. Я спросила себя: «Почему нужно отказывать в юридической защите этим людям?». Уточню, во французском законодательстве, как и во всех четырнадцати странах, принявших этот закон, речь идет о регистрации брака в гражданском порядке, а не церковном. Церковь признает брачные отношения только между разнополыми супругами. Государство же должно всех рассматривать как своих граждан. Поэтому у государства нет никаких аргументов, чтобы запрещать однополые браки.

Я не специалист в истории семьи. Но крупные специалисты в этой области скажут вам, что гетеросексуальный брак, который одобрялся церковью с момента возникновения христианства, на самом деле не такой уж древний. И семейная структура была не такая, которая нам известна сейчас. Если мы углубимся в историю человечества, то отношения между матерью и ребенком тоже достаточно недавнее изобретение.

Если бы мне в молодости рассказали о регистрации однополых браков, я была бы поражена. Но в конце концов это может помочь части людей почувствовать себя не такими одинокими, почувствовать себя более счастливыми. Я была знакома с очень несчастными людьми именно из-за того, что они принадлежали к сексуальному меньшинству. Их осуждала собственная семья, у них не было друзей. И это несправедливо. Они же в этом не виноваты, они такими родились. Вот почему я поддерживаю этот закон. Я не понимаю, каким образом этот закон может дестабилизировать семью как ячейку общества. Ребенок может быть несчастлив и в гетеросексуальной семье. Сколько детей воспитывается в семьях алкоголиков и т.д. Там детям совсем уж тяжело. Неправильно было бы противопоставлять однополые семьи разнополым и говорить, что несчастный ребенок, у которого две мамы или два папы. Конечно, хорошо, чтобы были и мама, и папа, и чтобы они были добрыми. Но реальность сложнее.

Учитывая все эти обстоятельства, после многочисленных обсуждений мы пришли к заключению, что необходим такой закон. Хиль-Роблес говорил сегодня утром об Испании. Там тоже принят закон о регистрации однополых браков, и никакой катастрофы не произошло.

Россия будет поступать так, как сочтет необходимым. Я думаю, что концепция семьи и вообще права человека — это не нечто застывшее. Все в мире развивается — и нравы, и политика. Ничто не дано раз и навсегда. Все должно постоянно адаптироваться к реальности, следуя лучшим критериям нравственности и справедливости.

*Альваро Хиль-Роблес,
профессор Университета
Комплутенсе, Мадрид,
комиссар по правам человека
Совета Европы (1999–2006)*

Власть и мораль*

Сегодня я хотел бы поразмышлять о соотношении власти и морали, которые принято считать категориями антагонистическими. Мораль и власть — это как вода и масло, которые не смешиваются в силу противоположных свойств. Почему власть растлевает, насколько свойственна коррупция для власти, как ей сопротивляться, можно ли разделять властные полномочия и почему ими злоупотребляют?

Эти вопросы ставил еще Цицерон в своих «Катилинариях», четырех известных речах в римском сенате. «Доколе же ты, Катилина, будешь злоупотреблять нашим терпением?» — обратился Цицерон в своей первой речи к диктатору.

От Римской империи до сегодняшних дней власть и злоупотребления властью идут рука об руку, если не делается что-то, чтобы помешать этому. Политическая власть, как и экономическая, если ее не контролировать и не устанавливать сдерживающие правила, может впасть в злоупотребления. Я говорю о демократическом строе, что уж говорить о диктатурах, где таких правил нет.

Возможно, мы найдем ответы на эти вопросы, если разберемся, для чего и как осуществляется власть. Потому что легитимное использование власти — это нечто большее, чем просто формальное отправление властных полномочий, соответствующих некой структуре норм и существующих институтов. Это еще и дух, в соответствии с которым она осуществляется и толкуются нормы. Так как закон можно толковать либо очень строго, и таким образом нарушать основные права, либо воспринимать и трактовать его в духе ценностей, свойственных демократии, и тогда закон действительно отвечает своей цели.

** Выступление на семинаре Школы в Голицыно 27 апреля 2013 года.*

Я подвожу к тому, что моральный фактор абсолютно существен. А что такое моральный фактор? Это общественные ценности, лежащие в основе современной демократии.

В демократическом обществе (я говорю о нашем европейском опыте) недостаточно иметь конституцию и законы, благодаря которым она соблюдается, недостаточно иметь международные договоренности и соглашения. В Европе у нас прекрасные международные соглашения в сфере прав человека — Европейская конвенция по правам человека, естественно, Хартия прав человека ООН, есть Хартия Европейского союза и так далее. Проблема, однако, в том, как мы применяем эту законодательную базу, учитывая, что можем делать это правильно либо так, что свободы и права, которые заложены в текстах, на практике будут выхолащиваться. Поэтому, я считаю, так важно понимание того, что защищать демократию надо ежедневно, это ежедневная работа для всех, включая власть.

В Европе в последнее время идет серьезный диспут по поводу соотношения безопасности и свободы, в связи с борьбой с терроризмом. До этого мы полагали, что правовая безопасность — это ценность, которой нельзя жертвовать ради физической безопасности. Однако, когда среди европейских правительств под влиянием США возникло ощущение террористической угрозы, принцип безопасности стал выдвигаться на передний план в ущерб правам и свободам людей. Мы это видели, например, во время незаконных арестов подозреваемых, когда людей тайно переправляли через территорию Евросоюза на

секретных самолетах и содержали в каких-то тайных тюрьмах, что было совершенно немыслимо за несколько лет до этого. Правительства и общество закрыли на это глаза, потому что безопасность и эффективность борьбы с терроризмом, говорили нам, превы-

*Политическая власть, как
и экономическая, если ее не контролировать
и не устанавливать сдерживающие
правила, может впасть в злоупотребления*

ше всего, это главное. И можно позволить на какое-то время бороться с терроризмом методами противозаконными. Обществу не хватило сил и убеждения, чтобы сказать правительствам: «Это невозможно!»

Сошлюсь на еще один пример — относительно недавних событий в США, после взрывов в Бостоне. По поводу раненого задержанного начинается дискуссия. Сначала ему не зачитали его права, потом радикалы настаивали на военном трибунале, потому что тогда легче было бы приговорить его к смертной казни, меньше правовой защиты. А президент Обама высказался в пользу гражданского суда со всеми гарантиями защиты как любому американскому гражданину, хотя в принципе могли отдать его под военный трибунал как «участника боевых действий на стороне противника». Но американцы не захотели мести взамен правосудия, чтобы не уподобляться террористам.

Лучшее средство против соблазна авторитарно трактовать законы или изменять их, направляя против основных прав граждан, заключается в ценностях и принципах как неотъемлемом элементе идентичности.

Эдвард Кинхольц и Нэнси Реддин Кинхольц. Оракул. 1987

Теракты в Испании в 2004 году, когда были взорваны три поезда и погибли почти двести человек, нанесли стране тяжелую рану. Однако, когда на улицы вышли миллионы людей, огромные плакаты гласили: «Справедливости — да! Мести — нет!», «Не меняйте нам законы!» То есть мы боремся с терроризмом, но закон остается нашей гарантией свобод и прав, мы не намерены от них отказываться. В Испании во времена диктатуры мы жили в отсутствие свобод, поэтому в условиях демократии не хотели отдать террористической группе возможность лишить нас этих гарантий. Когда они становятся нормой, мы не можем допустить, чтобы они были снижены или чтобы у нас их отняли.

Что произошло Европе в 1920–1930-е годы, когда демократические ценности были недостаточно прочными? Тут же возникли контрценности — фашизм, нацизм, коммунизм, три системы, которые отрицали ценность человеческой жизни. В итоге произошла страшная война, были разрушены наши общества, часть Европы оказалась под прессом коммунизма и долгие годы испытывала подавление прав человека. А остальная Европа после войны решила строить другую Европу. Вспомните отцов-основателей ЕС, речь Уинстона Черчилля «Пробудись, Европа» в августе 1946 года в Цюрихе, вспомните планы Робера Шумана, Конрада Аденауэра или Альчиде де Гаспери, которые говорили о важности не только экономического, но и политического объединения Европы, победителей и побежденных. На этот месседж некоторые страны тогда не обращали внимания (на его политическую часть), полагая, что можно построить Европу на основе единого рынка. Однако были необходимы противовесы власти, которые не позволили бы вернуть-

ся к диктатуре. Так возникает Совет Европы, Европейская конвенция по правам человека и провозглашаются принципы и ценности, ставшие ориентиром движения к демократическому обществу.

Когда Испания и Португалия избавились от диктатуры, они вошли в Совет Европы, признав тем самым, что стали свободными демократическими нациями и вошли в коллектив этих наций. И Россия, кстати, сделала то же самое. Первая фундаментальная ценность для всех нас сегодня: легитимная власть не должна быть абсолютной. Любая власть должна подчиняться правилам выборности, ответственности, транспарентности, поскольку мы признаем культуру мира как ценность.

Мы не верим в культуру войны, конфронтацию, уничтожение другого как способ решения проблем. Мы выступаем за культуру мира, которая предполагает уважение к человеческой жизни, и поэтому мы против смертной казни, потому что это не наказание, а месть; у человека нет права отнять жизнь у другого человека. Естественно, единства по поводу смысла казни ни в одном обществе нет. Но мы учимся понимать, почему этого нет, в силу каких убеждений — идейных, идеологических, религиозных? Каждый может исповедовать ту или иную религию или иметь свои взгляды на жизнь и политические идеи. Но есть ли предел для выражения политических идей? Например, я не буду терпеть, чтобы кто-то настаивал сегодня в Испании на необходимости диктатуры. Для меня это и есть предел, потому что это угроза демократической системе. А если вы, скажем, считаете, что коммунизм был хорошим начинанием, это ваше личное мнение. Но если хотите его устанавливать, здесь мы начинаем спорить.

Уважение к человеку и его идентичности. В Европе есть особый случай — Франция, где общество вело острую дискуссию о гей-браках, которая продолжается. Почему мы не можем в этой связи признать право людей проживать свою сексуальность, как они считают нужным, если уважают права других? Почему должны создавать какие-то критерии неравноправия в современном обществе? Мы должны уважать идентичность другого человека, несмотря на его сексуальную ориентацию или вероисповедание. Я уважаю тебя как человека. Живи своей жизнью, создавай семью и участвуй в коллективной жизни.

Когда меня спрашивают, что такое демократические ценности, я отвечаю: это идеи и принципы, принимаемые людьми как общее, совместно разделяемое благо, которое позволяет человеку жить свободно и ответственно. Это главное в демократическом обществе, его фундамент.

Насколько эти ценности живы в испанском обществе, в отношении которого я достаточно критичен? В моей стране во время транзита и после, было глубочайшее убеждение, что демократические ценности абсолютно необходимы для будущего Испании. Мы с большим энтузиазмом искали какие-то меры, создавали партии, вели диалог. Мы делали многое, потому что считали, нам необходимо отказаться от конфронтации, чтобы найти нечто общее для движения вперед в условиях демократии, которой мы лишились на сорок лет.

Однако по мере экономического развития в стране произошел сбой, за что мы сейчас расплачиваемся. Это строительный пузырь и многое другое... В результате духовные ценности стали растворяться, их стали заменять другие — главным образом материальные. Боль-

ше денег и побыстрее; личный успех превыше всего, а критерии те же — деньги, два-три мобильных телефона, три любовницы, пять автомобилей. Главное — демонстрация успеха, все остальное второстепенно. Демократия уже построена, так что пусть политики этим занимаются. И, естественно, в итоге снижение ответственности и солидарности привело к тому, что в экономике, в бизнес-сообществе, в политике стала расти коррупция. Коррупционеры работали исключительно ради наживы, использовали власть для воровства, создавали тайные состояния. Сейчас ряд резонансных коррупционных скандалов рассматривается в судах, практически каждый день мы слышим о новых судебных процессах. Что произошло?

Мы забыли, что истинные ценности не сводятся к материальным, и демократия — не просто торговая марка, это форма коллективной ответственности. А альтернатива этому — декадентство и упадок, поскольку власть уже не отвечает тем целям, которые мы перед ней поставили. Она использует полномочия для своих целей и действий, которые безнравственны.

Как и во всех иных проявлениях жизни — в бизнесе, в семье — этические принципы и нормы неотъемлемы от легитимной власти, которой доверено управление.

Не везде это получилось, не хватило прозрачности, этической основательности, воспитания политикой и сейчас мы за это расплачиваемся. Причем это происходит не только на юге Европы.

Нравственно-этические проблемы, самонадеянность власти, ее безответственность обнажил экономический кризис. Народ был счастлив до определенного времени. Вроде бы мы неплохо живем, здорово зарабатываем... Но

вдруг не стало работы, не стало денег, на дворе экономический кризис, и потерявший ориентацию народ говорит, что виновата во всем демократия, виноваты политики.

Как мы можем на это эффективно реагировать? На мой взгляд, в Европе необходимо вести серьезную работу по восстановлению ценностей. Если они не укоренены в обществе, в политическом классе неизбежно возникают авторитарные соблазны, которые реализуются в скверных

управленческих решениях и в политике и в бизнесе. Поэтому необходимо в первую очередь думать о передаче новому поколению демократических ценностей.

При этом речь идет не о семье, а о школе, которая должна готовить к взрослой жизни и воспитывать не только будущего хорошего математика, врача или адвоката, но и гражданина, то есть человека, который приходит в общество, зная свои права и обязанности, и способного защищать ценности демократии.

В моей стране, к сожалению, нынешнее правительство разрушает то, что создавалось с таким трудом. У нас была школьная дисциплина — воспитание граждан. Однако под давлением церкви сегодня вместо этого предлагается нечто разбавленное, учитывая, что это не вопрос правого или левого правительства или тех или иных политических сил, а вопрос будущего демократии. Либо мы будем воспитывать граждан, либо вступим в конфронтацию.

Не так давно я разговаривал с министром образования Франции о том, что можно назвать светской моралью. И спросил его, как он, будучи министром, относится к светской морали в школе? Это воспитание в духе этических ценностей, ответил министр и ска-

Как и во всех иных проявлениях жизни – в бизнесе, в семье – этические принципы и нормы неотъемлемы от легитимной власти, которой доверено управление

зал, что до сих пор во Франции этому не придавали значения, пока не увидели роста гомофобских и расистских настроений в обществе. И добавил, что люди не понимают, зачем нужны иммигранты, которые не стремятся к интеграции.

И это во Франции, где всегда принципы равноправия, солидарности, братства были не просто словами. И у нас они тоже исчезают, потому что мы перестали о них думать, считая, что они существуют сами по себе, без всяких усилий с нашей стороны. Следовательно, надо восстанавливать их смысл в контексте светской морали. Если мы этого добьемся, тогда найдем ответы и на вопросы, касающиеся власти, в том числе о причинах ее некомпетентности и злоупотреблений. Всегда ли они, то есть компетентность и коррупция, неразлучны? Нет, конечно! Они неразлучны, если общество не объединено ценностями. А если они есть, то мы сможем минимизировать ошибки власти и оградим себя от злоупотреблений чиновников.

Дискуссия

Алексей Расходчиков, директор Агентства социологических исследований, г. Саратов:

— Спасибо за интересную сессию. Вы дали ответы по поводу вызовов, которые сегодня испытывает демократия. Если говорить о ценностях, то они подвергаются сегодня сомнению и испытывают вызовы в том числе и со стороны исламского мира. Это спор ценностей. И одна из основных его претензий к Западу — разрушение традиционных исламских ценностей. Как вы считаете, будет ли какой-то... Ввиду того что мир все больше глобализуется и уже невозможно закрывать границы, будут ли меняться западные ценности под воздействием других культур, ценностей других обществ?

Станислав Станских, руководитель Центра конституционной истории, преподаватель Высшей школы государственного аудита МГУ им. М.В. Ломоносова:

— Спасибо большое. Действительно, ваше выступление воодушевляет. Я бы хотел тоже сказать несколько слов о ценностях и о конституции. Для России права человека очень большая тема. И во многом это связано с ценностным выбором, о котором вы говорили. В советское время приоритетом было социалистическое общество, коллектив, а не личность. Конституция 1993 года, по которой сейчас живет или пытается по крайней мере жить Россия, закрепила, что высшей ценностью является человек, его права и свободы. К сожалению, сейчас у нас в обществе не ощущаются демократические ценности: общество к ним или не готово, или не желает с ними считаться, или не понимает. Одним из возможных решений этой проблемы является, на мой взгляд, гражданское просвещение. Или, может быть, есть какие-то другие инструменты и механизмы по преодолению правового нигилизма?

Андрей Кабанов, уполномоченный по правам человека в Ивановской области:

— Сейчас подвергается сомнению в мире идея универсальности прав человека. Как козырь используется и то, что некоторые демократические страны не соблюдают эти права. Например, в США и Японии до сих пор существует и применяется смертная казнь; есть и другие нарушения. Считается, что права человека неприменимы в мусульманских странах. Дебатируется идея, что права человека в том виде, как они приняты в Европе, противоречат православному мировоззрению. Известна идея суверенной демократии, в которой права человека могут быть

ограничены в интересах общественного согласия и экономики государства. Как, по вашему мнению, можно ответить на эти вызовы? Это первый вопрос.

И второй вопрос. Вы были первым комиссаром Совета Европы по правам человека. Что из задуманного вами удалось сделать на этом посту, а что не удалось?

Альваро Хиль-Роблес:

— Ну что ж, попробую ответить максимально внятно, насколько мне это удастся.

Первый и последний вопросы практически об одном и том же. Насколько права человека в сегодняшнем мире могут быть общей ценностью? Есть ли какие-то права человека, которые отвечают западной культуре, или есть права, которые отвечают и соответствуют исламской культуре или индуизму? Я говорю «нет», если речь идет о правах человека. Это не проблема культуры.

Право на жизнь не меняется, мусульманин вы или христианин. Право на жизнь, на достоинство, на целостность личности — естественно и неотъемлемо. Борьба с пытками — это не вопрос религиозного кредо. Права человека не могут соблюдаться чуть-чуть или немножко нарушаться, они универсальны, независимы от верований и взглядов.

При всем уважении к различным культурным идентичностям (ни одна не лучше другой при этом) очевидно, что в некоторых культурах люди подвергаются очень спорным ограничениям. В исламском мире роль женщины, например, иная, чем в западном обществе. Я не говорю, что западное общество лучше. Пусть каждый сам судит. Но я думаю, почему у женщины должна быть какая-то второстепенная роль в сравнении с мужчиной? Почему ее уродуют, нанося увечья из-за каких-то воззрений? Надо уважать ее как человека на ее работе, в ее праве на креативность, в ее человеческом существовании в широком смысле. Точно так же трудно принять, если в силу определенного религиозного закона кому-то отрубает голову, руку, забивают камнями...

Естественно, я против смертной казни вообще, которая применяется в США или где бы то ни было. Ни у кого нет права отнимать жизнь, повторяю, потому что это месть, а не правосудие.

Я как комиссар в течение пяти лет в Совете Европы имел на эту тему дискуссии между представителями разных конфессий. Я видел, когда есть интеллектуальная честность, люди различных конфессий и верований могут найти точки соприкосновения в отношении важности категории достоинства человека. Но мы не должны использовать религию как инструмент угнетения, владычества.

Как в России воспринимаются демократические ценности? Именно над этим мы размышляем здесь. Мы не скрываем ошибки и трудности, которые у нас есть. Но, исходя из ошибок, должны думать, как их исправить. Это нелегко. Нет каких-то чудесных правил. Надо работать ежедневно. Тут будут остановки, будет продвижение вперед. У страны есть потенциал, значит, надо его реализовывать.

Мария Истомина, обозреватель газеты «Известия», Свердловская область:

Господин Хиль-Роблес, в своем выступлении вы затронули очень важную тему — этическое состояние общества. Я в последнее время тоже много думаю на эту тему. Что, на ваш взгляд, могло бы стать базисом для этического обновления общества? Это духовные ценности, это культурные ценности или какие-то другие общечеловеческие ценности?

Сергей Пономарев, эксперт Пермской гражданской палаты:

— Небольшая ремарка. Новость за сегодняшнее утро. Госдума хочет ввести штраф не только за гей-пропаганду, но и за оправдание гомосексуализма. То есть фраза в публичном пространстве о том, что гомосексуалисты такие же обычные люди, как и мы, будет караться штрафом с физических лиц в 4000 рублей, с организаций — до полумиллиона. А вы говорите, что права человека универсальны. И как идея это действительно так. Но, к сожалению, практика нам показывает, что права человека делятся на конвенциональные и неконвенциональные. То есть принимаемые, разделяемые обществом и не принимаемые им. Я думаю, присутствующие здесь согласятся с тем, что запрет пыток, свобода от рабства — это общеконвенциональные ценности. А вот, допустим, смертная казнь даже в этой аудитории вызовет дискуссию. Думаю, что права сексменьшинств скорее относятся к неконвенциональным. Наше общество их не воспринимает в силу традиций, в силу своей культуры и так далее. Не кажется ли вам, что конвенциональных прав человека, к сожалению, становится все меньше?

Наиля Вагабова, PR-менеджер рекламно-рекрутинговой компании «Троль», Республика Дагестан:

— Ваше выступление меня навело на мысль, что вы, наверное, единственный за эти три дня, кто, скажем так, представил образ народа совершенно с другой стороны. Для вас нет противопоставления «народ — личность». Если народ состоит из личностей, тогда появится и правитель, которого он достоин. Личность и есть народ.

И по поводу гомосексуальных браков. Буквально вчера вечером мы с коллегами обсуждали этот вопрос. Я с Кавказа, из Дагестана. У нас в республике очень жестко относятся к этому вопросу. Я же считаю, что нельзя препятствовать личным проявлениям людей. Иначе мы убиваем в человеке личность. С вашей точки зрения, насколько правомерна легализация браков и усыновление гомосексуальными парами детей?

Альваро Хиль-Роблес:

— Я думаю, все три вопроса, в общем, в одном русле более или менее. Права человека и защита ценностей. Это не что-то падающее с неба и остающееся с нами. Это нечто, что мы должны внутренне освоить, каждый из нас. И тогда индивидуальное поведение становится коллективным. Очевидно, что наши общества испытывали огромное влияние религиозных принципов, все, и западные тоже, которые и сегодня в

огромной степени влияют на культуру общества... Поэтому такие перемены зачастую происходят болезненно и травматично. Дискуссия о гомосексуальных браках в такой мачистской стране, как Испания, шла очень трудно. Но несколько лет назад закон был принят, и он работает. Есть много тысяч таких браков, когда усыновляют детей, и у родителей приемных есть все остальные права, как в любом другом браке. Сейчас в обществе нет дискуссии, нет никакой проблемы. Но такая дискуссия была, потому что церковь говорила, что брак — это союз только мужчины и женщины, а все остальные браки — грех. Но, понимаете, в обществе брак — это договор, контракт между двумя людьми для совместной жизни, и общество теперь это принимает. Если человек проживает свою сексуальность иначе, чем мы, разве подвергается опасности наша коллективная идентичность или наше демократическое общество? Но подобные перемены менталитета настолько трудны, что нужны смелые политики, которые запустили бы эти изменения даже против общественного мнения. В свое время во Франции президент Миттеран и министр юстиции Баденгер продвигали отмену смертной казни вопреки настроениям большинства. И они добились этого в конце концов. Есть вопросы, которые надо действием внедрять, воспитывать народ и принимать решение. Потому что нельзя их выносить на голосование, когда они касаются достоинства и жизни людей. Это не антидемократично, это просто необходимо для продвижения в процессе. Вопрос о страхе перед гомосексуальными браками и усыновлением. Конечно, а почему нет? Посмотрите, я думаю, что я достаточно свободен, чтобы это сказать. Я знал детей совершенно несчастных, рожден-

ных в гетеросексуальных браках. И знаю счастливых детей, воспитанных в гомосексуальных браках. И ничего в них не изменилось, ни личность, ни сексуальность. Надо извлекать призраки из головы, и принимать вещи, как они есть.

Вячеслав Стафеев, начальник юридического отдела филиала КБ «Банк БФТ», г. Вологда:

— Спасибо огромное за выступление. Мой вопрос: Европа подверглась серьезным потрясениям за последнее время. Это вопросы глобализации, это вопросы иммиграции, это вопросы распределения ресурсов. В этой связи мне бы хотелось услышать ваше мнение: подверглось ли каким-либо изменениям отношение человека к такому понятию, как патриотизм? Какое место в системе ценностей занимает сейчас это понятие? И насколько патриотизм и отношение к нему влияют на принятие непростых решений в рамках Евросоюза?

Ольга Насонова, заведующий сектором проектной и международной работы Министерства культуры Республики Коми:

— Несколько лет назад Школа выпустила сборник «Школа: о смысле и чувствах», где есть ваша статья-рассуждение о жизненных уроках. Вы там пишете о необходимости избегать жизненных ловушек. Сегодня вы говорили об одной такой распространенной ловушке — это стремление к легким деньгам, материальным благам и пр. Мы видим сейчас, насколько легко люди попадают в такие ловушки. Я имею в виду коррупционные скандалы, например. Но это может быть любой другой уровень, можно тему развивать. Скажите, пожалуйста, с позиций вашего жизненного опыта и профессиональной деятельности, какие еще могут быть риски и ловушки, которых стоит избегать?

Альваро Хиль-Роблес:

— Что касается первого вопроса. Европейский опыт показывает нам, что иммиграция была важнейшим фактором развития Европы. Европа исторически всегда была зоной миграции и переселения народов. Яркий пример — Испания, через которую прошли все народы: финикийцы, арабы, римляне...

Что происходит? Европа была всегда богатым регионом, и это, конечно, полюс притяжения для людей из других стран, живущих в нищете, в условиях войны, геноцида. У них нет будущего в своих странах. Они думают, что Европа или США — это именно такие полюса спасения. И, конечно, Европа получила много пользы от этих иммигрантов. Скажем, после Второй мировой войны экономики Франции и Испании во многом работали за счет иммигрантов.

Но со временем стали возникать конфликты идентичности, когда весьма сильно разрослась популяция иммигрантов в странах с другими культурными традициями. Все, что касается приезжих из Магриба или Африки к югу от Сахары, — это популяция, которая может жить в Голландии, во Франции, в Испании. И когда их мало — проблемы нет.

Но когда их много, очевидно, они становятся крупными религиозными, культурными сообществами. И надо как-то встроить эту реальность в наш собственный исторический контекст. Возникают трения с коренным населением, появляется напряженность в интеграции, проблемы национализма и ксенофобии. Но мы должны с этим бороться, объяснять, что у этих людей те же права, что и у нас, потому что они здесь живут на законных основаниях и уже не в первом поколении.

Но в некоторых странах, например в Скандинавии, возникает некое напряжение. Это небольшие народы, относительно больше количество иммигрантов, и коренное население опасается утери своей идентичности, растворения среди приезжих. Возникает напряжение, вспышки ксенофобии и расизма.

Что касается патриотизма, то сам по себе он не несет отрицательного смысла, если вы понимаете под патриотизмом гордость за свою страну, ее историю, культуру и пр. Но патриотизм не означает отрицания достоинств других стран, уважения к их народам, традициям, специфике, правам. Я не думаю, что есть какой-то европейский патриотизм. Его нет, а хорошо бы если был, потому что тогда мы, например, продвинулись бы еще дальше в строительстве единой Европы. Глядя на отдельные страны, могу сказать, что в некоторых местах Европы даже возрождается национализм, но все равно не подвергаю сомнению успех единого европейского проекта.

Вы говорили о жизненных ловушках, в частности о коррупции. Демократия полна ловушек, они повсюду расставлены. Ценности и контрценности идут рука об руку! Поэтому нужны бдительность и трезвый ум. Конечно, деньги могут быть контрценностью, но не надо предавать их анафеме. Если кто-то честно зарабатывает деньги, стремление к ним совершенно естественно. Другое дело — коррумпированность, связанная с властью, которая в той или иной форме растлеивает общество.

Полно и других ловушек. Использование власти для индивидуальных целей, например. Или искаженное понимание правосудия, неуважение меньшинств и так далее. Но если есть четкое понимание истинных ценностей, то эти ловушки можно преодолевать. Можно лишать их ореола истинности, праведности.

Батыр Джанкезов, юрист-эксперт Северо-Кавказского юридического института Саратовской государственной академии, Карачаево-Черкесская Республика:

— Профессор Хиль-Роблес, я хотел задать два маленьких вопроса. Права человека в истории человечества актуализировались в различные периоды. Если в XIX веке были важны личные, затем политические права, для XX века — социальные права, как вы считаете, какие права актуализирует логика человечества в XXI веке? В информационной сфере, в биологической сфере и так далее?

И небольшая цитата. Один из отцов-основателей США, Франклин, сказал: «Если между свободой и безопасностью народ выбирает безопасность, в итоге он теряет и то и другое». Согласны ли вы с этим?

Лейла Мачавариани, специалист-эксперт административного департамента Министерства транспорта Грузии, Тбилиси:

— Вы говорили, что власть и злоупотребление властью, по сути, идут рука об руку. У меня вопрос: много ли на вашем жизненном пути встречалось людей, наделенных властью, но не злоупотреблявших ею?

Ольга Артамонова, ведущий социолог Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород:

— Вы сказали, что нужно прививать ценности, но семья не может этого сделать, и отдали приоритет школе. Я работаю в высшей школе, я понимаю, что и в обычную школу, и в высшую дети идут из семьи, где они получили какие-то основы воспитания и социализации. И, бывает, беседую со студентами на тему в том числе и сексуальных меньшинств. Так вот, очень сильны стереотипы в студенческой среде в том числе. Студенты даже не могут объяснить, почему они плохо относятся к этим людям. И, конечно, очень сложно их переубедить, потому что они даже не могут аргументировать свои мнения. Агрессия у них очень велика. Один мой студент как-то сказал, что готов даже ударить человека за то, что тот гомосексуалист. И в связи с этим у меня вопрос, поскольку я не могу с вами согласиться и считаю, что все-таки именно в семье должны прививаться ценности. Скажите, что должно произойти в обществе, чтобы семья вернула себе такие права, такую возможность?

Альваро Хиль-Роблес:

— Давайте начну с последнего вопроса. Я прекрасно понимаю ваши трудности работы со студентами. Почему этот парень так думает? Очевидно, он просто выражает те ценности, которые существуют в семье. А его родители усвоили ценности от своих родителей. Это проблема определенной культуры, которая исходила из религиозных догматов и создавала такое видение отношений в обществе. Поэтому работа в школе настолько важна, чтобы открыть ему глаза на другую реальность. Реальность, которая не противоречит ни ему, ни его достоинству, ни его личности. Просто сказать ему: «Уважай такого же, как ты. Он такой же прекрасный друг, такой же прекрасный спортсмен, как ты». Возможность показывать в школе другое, отличное... Это могут быть отличия религиозные, могут быть этнические, но надо воспитывать уважение к другим. Мы не должны быть все одинаковыми, быть одной религии и одной культуры. В других религиях и других культурах есть многое, чему мы можем научиться. Что-то нам не понравится, но что-то понравится, и наверняка там много полезного. Сложнейшая работа учителя в школе — объяснять ребенку, что признание отличий другого очень важно. Это должно сопровождать его всю жизнь. Потому что сегодня у него негативное отношение к сверстнику, из-за какой-то его особенности, а завтра он сам может оказаться в такой же ситуации. Поэтому надо учиться уважать другого, непохожего, со всеми его отличиями и качествами.

Что касается прав человека, диалектики безопасности и свободы. Я об этом уже говорил. Для меня нет свободы без безопасности и безопасно-

Дамиан Ортега. Мир космических вещей. 2002

сти без свободы. Это не противоречащие, а взаимодополняющие понятия. Я не представляю себе свободы без безопасности и уверенности в том, что я могу быть свободным. Я не могу быть в безопасности без уверенности в свободе. Все остальное — это диктатура. Это два абсолютно ключевых момента.

Как эволюционировали права человека. Конечно, развитие происходило и прогресс огромен. Хартия прав человека ООН или Европейская хартия — это очень простые тексты: право на жизнь, право на отсутствие пыток. Это справедливые элементарные вещи, связанные с естественными правами. Сейчас мы читаем Хартию основных прав Евросоюза, мы видим экономические и социальные права. И наши общества считают эти права не менее, а иногда и более важными. Право на жилье, право на работу и так далее. Эти социальные завоевания мы превратили в основные, фундаментальные права человека. Не только право на жизнь, но и возможность жить достойно, имея здравоохранение, образование, — все это записано в новые фундаментальные права хартии. Конечно, есть некая постоянная эволюция. Я могу вам сказать, что этот процесс никогда не остановится. Мы продолжаем над этим работать, и все общество работает над эволюцией в этом смысле.

Юрий Зельников, *уполномоченный по правам человека в Калужской области:*

— Дорогой Альваро Хиль-Роблес, спасибо за возможность очередной встречи с вами в Голицыно. Я хотел сказать несколько слов об

Альваро Хиль-Роблесе. Мы коллеги с ним, я тоже омбудсмен — региональный, калужский, а Альваро Хиль-Роблес десять лет был омбудсменом Испании. Интересно, что эта должность в разных странах называется по-разному, и в Испании, мне кажется, она звучит наиболее интересно и трогательно — защитник народа, и в этом вся суть. И вот, будучи десять лет на этом посту, Альваро Хиль-Роблес все силы своей души, весь свой пафос защитника народа проявил в полной мере. Ходит легендарная байка о том, как Альваро Хиль-Роблес признался, что после десяти лет служения на этом посту у него остались только два друга — король и премьер-министр. Все остальные его ненавидели (имеются в виду чиновники), потому что основная работа омбудсмена — это защита прав человека. А главный нарушитель прав человека — это власть.

Мы благодарны Альваро Хиль-Роблесу, потому что впервые комиссар Совета Европы по правам человека пригласил нас в Страсбург, в цитадель прав человека, где мы могли пообщаться и глубоко изучить различного рода проблемы этого направления деятельности.

И еще я хотел подчеркнуть одну очень важную особенность личности омбудсмена, потому что она играет часто ключевую роль в желании людей идти к нему за помощью. Это очень важно. Как раз личность Альваро Хиль-Роблеса является для нас, для меня во всяком случае, воодушевляющим примером. Недаром его портрет висит над моим рабочим столом. И я с радостью объясняю каждому посетителю, кто это такой.

И еще я хотел рассказать случай. Альваро Хиль-Роблес приехал в 2004 году с инспекционной поездкой в Россию и потом написал доклад. Мне посчастливилось быть первым, издавшим этот доклад на русском языке. Суть его свелась к тому, что в нем были достаточно жесткие требования к российской власти. И вот эти требования к властям, в том числе создание на местах института региональных омбудсменов, было чрезвычайно важно и полезно. Поэтому я еще раз, пользуясь случаем, благодарю Альваро Хиль-Роблеса за оказанную помощь. Такие люди, как Альваро Хиль-Роблес, придают нам сил. Спасибо вам, Альваро!

Альваро Хиль-Роблес:

— Спасибо за такие добрые слова. Я объездил вашу страну вдоль и поперек. Не как доктор Живаго, но почти. Я во многих уголках вашей страны бывал, многому научился. Научился не преподавать уроки, а слушать и стараться понимать.

Так вот, отвечаю на вопрос, на который не ответил: был ли мне знаком какой-либо честный политик? Я знавал честных политиков, которые ответственно относились к своей стране, и им было несладко. Да, знавал я честных политиков. Я не стал бы считать, что все, кто занимается политикой, пройдохи. Хотя, конечно, пройдох достаточно и их надо разоблачать. Но все же, повторяю, честные люди в политике далеко не редкость.

*Выживет ли демократия в условиях недоверия к институтам**

*Иван Крaстeв,
председатель Центра
либеральных стратегий
(София, Болгария),
научный сотрудник
Гуманитарного института
в Вене (Австрия)*

Я болгарин и знаю, насколько трудно, особенно когда живешь в провинции, быть активным порядочным гражданином и в то же время не быть героем. Не так уж много людей, которым героическая жизнь по душе.

Как достичь внутреннего когнитивного компромисса, который позволил бы уважать себя и, не теряя лицо, участвовать в гражданской жизни. По-моему, главное, что необходимо для этого, — это среда. Для меня Школа очень важное место именно с этой точки зрения. Когда есть возможность думать и обсуждать с другими людьми, как поступать в той или иной ситуации и знать при этом, что порядочно, а что непорядочно. На мой взгляд, среда с этой точки зрения намного важнее, чем лекции. Поэтому я испытываю настоящее удовольствие от того, что меня пригласили на семинар, посвященный 20-летию Школы.

И второй биографический факт. Впервые я посетил Россию ровно двадцать лет тому назад. В 1993 году я был членом президентского совета, и болгарский президент после расстрела вашего Белого дома послал в СССР трех человек, чтобы после возвращения мы рассказали ему, что происходит в стране. При этом двое в России уже неоднократно были, а я нет. Идея была в том, чтобы был человек, который раньше о стране ничего не знал.

Мне тогда было интересно. В Болгарии всегда было очень теплое отношение к России. В 1991 году, когда президентом России стал Борис Ельцин, первым государственным руководителем, который позвонил и поддержал его, напомним, был болгарский президент Желю Желев.

* Выступление на семинаре Школы в Голицыно 26 апреля 2013 г.

Позднее, посещая Россию, я ловил себя на мысли, что я не очень-то понимаю вашу страну. Но про себя знал главное: то, что происходит в России, не так уж специфично, как думают многие. Существуют общие тренды. Поэтому я не буду говорить о России, хотя с удовольствием отвечу на ваши вопросы.

Проблема, которая меня интересует: почему все меньше и меньше людей участвует в выборах. И, что самое поразительное, часто не голосуют как раз те, от которых вы ожидаете, что они будут самыми активными. Я имею в виду молодых людей. Почему демократизация жизни породила недоверие к общественным институтам?

Если вы посмотрите на социологические опросы, проводимые Евросоюзом, то увидите, что из пяти греков только один думает, что его голос может повлиять на ситуацию в стране. Один из пяти итальянцев... Почему это случилось? На мой взгляд, если западные критики России действительно хотят быть легитимными, они должны показать, что хорошо знают проблемы собственной политической системы, так как я не считаю, что демократия — это имитация каких-то моделей. Демократия — не имитация. Всегда есть какие-то особенности, проблемы, которые решаются всякий раз в зависимости от конкретной ситуации.

Например, является ли проблемой недоверие? Известный французский политолог, специалист по истории и теории демократии Пьер Розанваллон говорит, что демократия это не что иное, как режим общественного недоверия; что она появилась после того, как люди перестали доверять прежним институ-

там. Если бы им доверяли, демократия была бы не нужна.

Вопрос, который я предлагаю для обсуждения: существует ли в таком случае граница, после которой недоверие как инструмент демократии становится проблемой демократии? Есть ли такая граница недоверия, за которой возникает безвластие?

Отвечая коротко на эти вопросы, подчеркну: за последние пятьдесят лет на Западе произошло пять очень важных революций под влиянием растущих настроений недоверия, которые изменили наши общества*. Что это за революции?

Первая — the Woodstock-to-Wall-Street revolution — социально-политическая революция в США 1960–1980-х годов (от Вудстока до Уолл-стрита), когда вначале все говорили о культурной революции 1960-х годов, а затем о рыночной 80-х. Но, с моей точки зрения, это была одна и та же продолжавшаяся революция. Известно, что левые любят культурную революцию и не любят рыночную, а правые любят рыночную и не любят культурную. Но в итоге человек и его выбор оказались в центре общественных дискуссий на Западе, свидетельствующих об эмансипирующей силе революции и одновременно об исчезновении интереса к проблеме коллективного блага. Стало трудно и немодно говорить «мы», все, что предпринималось для коллективного блага, отступило на задний план. А политика — это все-таки то, что мы делаем вместе.

Затем произошла **вторая** революция, когда в 1989 году появилась идея конца истории, суть которой в объявлении безальтернативности модели либераль-

* Более подробно об этом см. в книге И. Крестева, появившейся в начале этого года в Интернете, — *In Mistrust We Trust: Can Democracy Survive When Don't Trust Our Leaders?* («В недоверие мы верим: может ли демократия сохраниться, если мы не доверяем своим лидерам?»). — Прим. ред.

ной демократии и закреплению в сознании людей необходимости западных институтов как наиболее отвечающих критериям подлинно демократического общества. Слово «эксперимент» стало непопулярным. Между тем демократия всегда была экспериментальным обществом, для которого характерна большая напряженность между разными его секторами. Оно никогда не было идеальным. Для меня проблема демократии не в том, что у людей есть возможность любого выбора, а в том, что когда они делают плохой выбор, они могут от него отказаться.

Как восточноевропейцу мне стало это очевидно, когда мы стали вести себя так, как будто на все вопросы знаем ответы, и забыли про сами вопросы, не понимая, как работает демократия. И, собственно, поэтому решили, что, если хотим, чтобы не было коррупции, достаточно проводить выборы, обеспечить экономический рост, необходимы работающие институты и т.д. Но этого далеко не достаточно.

Все любят цитировать слова Черчилля о демократии, забывая, что он говорил: «Лучший аргумент против демократии — пятиминутная беседа с обычным избирателем». И это верно. Нельзя заставить или убедить всех людей делать единственный выбор.

Третья революция — демографическая, о которой редко вспоминают. То, что за последние десятилетия стало меньше рождаться детей, не означает, что общества стали менее стабильными. Тем не менее появился страх, что все постарели, что будущее нам не принадлежит. Люди начинают бояться нового.

В этой связи интересно сравнить названные революции с тем, что происходит в арабских странах. В 1989 году у нас было ощущение, что мы можем менять мир. После революций в арабских странах появился страх, что

мир будет менять нас. Это типичное представление взрослого европейца, который сегодня больше думает о том, что он может потерять, чем о том, что может сделать.

Четвертая, очень важная революция, — информационная, она произошла в 90-е годы и тоже многое изменила. Люди стали думать, что институты представительной демократии больше не нужны. Есть Интернет, открывающий возможность электронной демократии, и, следовательно, все социально-политические проблемы могут быть решены как технологические проблемы.

Приведу пример. В корпорации Google была создана поисковая программа, с помощью которой избиратели могут сравнить позицию политика по конкретному вопросу с его предыдущими высказываниями на эту же тему. У Google есть свой исследовательский институт. Я был в нем. Его сотрудники горды тем, что они придумали, и считают, что не позволят политикам больше лгать, то есть говорить в разных аудиториях разное. А для меня это проблема. Потому что при демократии политики могут менять свое мнение, даже если оно кажется глупым, приводя соответствующие аргументы, но при этом, если вы рациональный политик, для вас самым главным будет показать, что вы своих мнений не меняете. И будете настаивать на этом, поскольку от этого зависит авторитет политика. Я спрашивал американцев, хотели бы они, чтобы ими управляли согласно тому, что кандидаты в президенты говорят в период предварительных выборов в разных штатах? Ведь иногда они говорят очень странные вещи. С этой точки зрения создается впечатление, что это просто инструмент, но этот инструмент меняет сущность политики.

Приведу еще пример. С появлением Интернета людям действительно стало

Томас Шютте. Большие духи. 1996

легче достучаться до власти и участвовать в политике. Президент Обама предложил, чтобы ему писали о том, какими должны быть приоритеты в американском государстве. Это было в начале его первого мандата. Знаете, какая проблема оказалась самой по-

пулярной среди тех, кто ему писал? Легализация употребления марихуаны. Не думаю, что это самая важная проблема в Соединенных Штатах. Дело в том, что Интернет позволяет небольшой, но активной группе людей проявить политическую инициативу. Так

что транспарентность власти вовсе не является лучшей альтернативой «демократии недоверия». Возможно, это поднимет рейтинг власти, но не решит проблемы в целом, учитывая явный упадок в мире публичного доверия.

Интернет очень важное и сильное оружие. Но верить, что оно может заменить то, что принято называть политическим, не так уж верно. Почему я об этом говорю? Потому что есть еще **пятая** — интеллектуальная революция. Я имею в виду новейшие научные исследования и открытия, распространение знаний, что делает нас «свободнее», чем когда-либо в истории. Одновременно знания порождают новые неравенства и превращают людей в скептиков в отношении власть имущих, усиливают коллективное убеждение в их неспособности осуществить адекватные перемены.

Известно, что политик всегда хочет кого-то в чем-то убедить. Но представьте, что в какой-то школе вы решили убедить детей не есть шоколад, потому что он не полезен для них, а есть фрукты. Что вы сделаете? Начнете кампанию «школа против шоколада». А бихевиористы вам скажут, что это не нужно, поскольку все зависит от того, на каком месте будут лежать в магазине фрукты и какая при этом будет табличка. То есть их расположение будет влиять на то, купите вы ребенку шоколад или фрукты. И политики сегодня во многих странах стремятся прежде всего к тому, чтобы люди оказались возле урн и проголосовали. А делается это так: человек получает письмо, где его спрашивают: знаете ли вы, что 92% ваших соседей будут голосовать? В результате шанс, что вы проголосуете, увеличивается на 30%. Но это уже другая политика!

То есть политики теперь не объясняют людям, что такое демократия и в чем смысл выборов, а их просто подталкивают к голосованию, поскольку власть

имущие обычно не верят в образование и не стремятся изменить людей. В отличие от советской власти, которая верила в создание нового человека. А в наши дни политик говорит избирателям, что они ему нравятся такими, какие они есть, и надо делать то, что ему хочется. И в этом проблема. Здесь как раз и появляется недоверие, так как в новых условиях политическая борьба ведется уже не за содержание, а за конструирование архитектуры выбора, когда из политики исчезают идеи и взгляды, а роль предвыборных кампаний сводится к применению приемов отвлечения внимания избирателей от реальных проблем, стимулированию якобы политических изменений с одновременным сохранением статус-кво. В результате гражданин, казалось бы, получает права и одновременно удаляется от центра событий, потому что он интересен власти скорее как несамостоятельная личность, которой можно манипулировать, а не как потенциальный агент коллективных действий.

Итак, проблема пяти революций в том, что, с одной стороны, они сделали нас более свободными, у человека появилось много больше возможностей. А с другой стороны, совершенно изменилось политическое пространство, оно стало другим. Проиллюстрирую это на двух примерах.

Когда случился последний финансовый кризис в 2008—2009 годах, все думали, что это кризис рынка и что теперь люди снова поверят в государство. Но этого нигде не происходит. В частности, был проведен опрос среди тех, кто участвовал в акциях «оккупации» Wall Street. Оказалось, что даже там не было большинства, которое хотело бы повышения налогов. Никто не был против высоких налогов для богатых людей, но когда речь шла о них самих, все были против повышения налогов. Безуслов-

но, это связано с разницей между рынком и государством. В отношении государства мы равны. Это хорошо видно в аэропорте: если у вас билет в бизнес-класс, то вы можете быстрее пройти проверку багажа, для вас открыта «быстрая линия», есть другие преимущества. Но их не существует на паспортном контроле, потому что здесь мы все граждане, все равны. Рынок позволяет идентифицировать тебя как индивида. Он все время как бы спрашивает, чего ты хочешь, и кто больше заплатил, тот в привилегированном положении. А государство говорит: «Я знаю, что тебе нужно. Бери». Но люди не хотят брать, то, что выбрали для них без их участия, они хотят, чтобы к ним относились индивидуально. И то государство, которое будет это делать, уже не будет прежним государством.

В этой связи появилась еще одна проблема — недоверие к приближенным к власти людям. Сошлюсь на пример Болгарии. У нас были протесты в результате высоких цен на электричество. Но не это главное. Люди сегодня не просто против политиков. Они не верят практически любому человеку с амбициями политика, которого видят по телевидению. Почему так получилось? Откуда появилось это недоверие?

Думаю, в первую очередь потому, что многие из нынешних политических деятелей управляли нами десять, и двадцать, и тридцать лет тому назад. Так что в конечном счете проблема не в том, что у этих людей оказалось больше денег, и растет социальное неравенство, а в том, что у людей появилось ощущение, что во время кризиса у элиты есть выход, а у простых людей его нет.

В Греции после кризиса количество денег, которые были заимствованы в ЕЦБ, составило 60% ВВП. Но оказа-

лось, что кризиса для верхушки бизнеса и бюрократии не существует. На что в этой связи рассчитывают люди? Они не хотят национализировать предприятия и не хотят революции, так как уже знают, чем это закончится. Они хотят «национализации» верхушки, поскольку видят, что ее не волнуют ни проблема с образованием (дети учатся в частных школах), ни проблема здравоохранения, тем более в условиях коррупции и криминала. И появилось желание всех увидеть в тюрьме. В России это бросается в глаза, потому что ваш привилегированный класс сделал свои деньги на природных ресурсах, а не заработал их. Но это не только российский тренд.

И последнее. Разумеется, недоверие играет важную роль в формировании и улучшении демократического общества. Однако, когда люди видят в политике только криминал, поверьте, очень трудно порядочному человеку решиться пойти в политику.

Следовательно, недоверие не надо абсолютизировать, а надо постараться создать нормальную атмосферу в обществе, чтобы люди захотели заниматься политикой. А это возможно, когда политика станет общим делом. Если политика сводится лишь к контролю над тем, чтобы не воровали, то этого недостаточно. Свою последнюю книжку я поэтому не случайно назвал *In distrust we trust* («Мы верим в недоверие»), так как даже вера в недоверие может быть проблемой. По этому поводу были разные мнения. Некоторые считают, что это симптом пессимизма. На мой же взгляд, есть разница между скепсисом и пессимизмом. Быть скептиком, я думаю, хорошо. Быть пессимистом — плохо. Об этом прекрасно сказал Окуджава: «Ведь грустным солдатам нет смысла в живых оставаться».

Дискуссия

Максим Новиков, *независимый политконсультант, г. Тверь*:

— Ваша точка зрения для меня новаторская. Но вопрос я хочу задать вполне традиционный. Как вы думаете, государство может прийти к демократии самостоятельно или только в результате внешних влияний? И еще: вы верите в управляемую демократию и в то, что могут существовать этнические демократии, с учетом местных особенностей?

Елена Немировская: *основатель Московской школы политических исследований*:

— Большое спасибо, Иван, за выступление. Я не знаю, как в Болгарии, а в России мы редко говорим о правовом государстве и верховенстве права. Не кажется ли вам, что это основное, а демократия — это лишь инструмент достижения правового государства?

Наталья Молекер, *директор государственного бюджетного учреждения Новосибирской области «Дом молодежи»*:

— Я обратила внимание на то, как вы разделили «я» и «мы». В связи с этим у меня вопрос-размышление. Школа для нас — это площадка для дискуссии о проблемах гражданского общества, о том, как мы можем повлиять на ситуацию. Скажите, что здесь является все-таки главным? Нам нужно дать свободу? Сказать: «Вот, уважаемые граждане, действуйте». Или здесь все-таки ключевым является то, что это «мы» не готовы и не можем стать свободными?

Роман Хабаров, *руководитель общественного движения «Честный город», г. Воронеж*:

— Вы сказали, что, когда Обама собирал пожелания, большинство выбрало легализацию марихуаны. Если бы у нас сейчас в России провели массовый опрос о смертной казни, то большинство населения наверняка высказалось бы за смертную казнь. Вопрос об ответственности политика: следует ли ему идти за народом или необходимо вести его вперед и принимать на себя ответственность?

И второй вопрос. С одной стороны, представление народа об элите у нас известное — там все жулики и воры. А с другой стороны, тот же народ предоставляет право элите быть жуликами. Как это преодолеть?

Иван Крастев:

— Все четыре вопроса о главном в демократии. Начну с управляемой демократии. Я все-таки убежден, что демократия — это свободные выборы, которые мы не знаем, как закончатся. Проблема же управляемой демократии в том, что это выборы, которые мы знаем, как закончатся.

Конечно, я понимаю, что перед российским руководством в свое время стояли важные проблемы. Скажем, как сохранить территориальную целостность России, если позволить всем голосовать так, как они хотят? Потому что во время избирательной кампании легче всего мобилизовать этнические чувства. Есть такая проблема.

Но я хочу сказать о другом. Когда-то власть шла от Бога, а сегодня мы живем в другом обществе, и, может быть, только в религиозных обществах еще верят, что власть от Бога, а мы узнаем, что «думает Бог», когда считаем бюллетени после голосования. Но при этом нет и революционной легитимности. Когда-то большевики говорили, что они большинство будущего. А где сегодня это большинство, если мы считаем, что источником власти является народ. И все это признают. Следовательно, многое зависит от того, как власть воспринимает и конструирует этот народ.

До недавнего времени выборы в России были манипуляцией, но никто не протестовал, так как все думали, что даже если бы выборы были честными, все-таки выбрали бы Путина. И это была абсолютно особая легитимность. После 2011 года ситуация явно изменилась, и у меня создается впечатление, что появились люди, которые готовы бороться за честные выборы. Думаю, это очень важно.

В разных странах есть разные конституционные проблемы. Я имею в виду самоуправляющиеся и саморегулирующиеся общества. Правовое государство, безусловно, необходимо и важно. Однако, как показывает опыт, намного проще организовать выборы, чем научить людей соблюдать право.

Для меня главная категория в демократии — опыт. Потому что как европейцы мы знаем, что с нами произошло. И реагируем на то, чего не хотим, чтобы произошло еще раз. Скажем, в Германии есть два самых популярных института: Конституционный суд и Бундесбанк. Это не выборные институты. Почему? Потому что у Германии свой демократический опыт. Ведь в свое время они проголосовали за Гитлера. И у них всегда в подсознании есть опасение, что выборы могут закончиться не так, как надо. Для них это абсолютно легитимно. А если ты скажешь англичанам, что они должны больше доверять институтам, которые не выбирали, они этого не поймут. Потому что у них другой исторический опыт.

Исторически сложилось так, что в Германии, скажем, страх инфляции имеет большее значение для формирования политики, чем проблема безработицы в Англии. Поэтому, когда говорят, что не у всякого общества есть возможность быть демократическим, то это, если перевести на нормальный язык, будет означать, что эти общества не могут сами

собой управлять, что у них нет коллективной мудрости. Я в это не верю. Конечно, в каждом обществе делаются глупые шаги. Но не позволять людям делать то, что они знают исходя из собственного опыта, я думаю, просто абсурдно.

Проблема либеральной демократии и правового государства — это проблема конституции. Всегда считалось, что конституция — это выражение мнений информированных людей. Но есть другая проблема. Между прочим, сейчас это хорошо видно в Европейском союзе, когда многие решения в экономической сфере начинают влиять на политику. Потому что в глобальном мире все зависят от всех, и каждая страна хотела бы избежать ошибки. А если в Пакте о стабильности и росте записано, что страна еврозоны не имеет права на дефицит государственного бюджета, превышающий 3% ВВП, то хотя в этом есть, несомненно, экономический смысл, но, с другой стороны, если ты избиратель, перед тобой встает вопрос: а что в таком случае решаю конкретно я? А это уже не только экономическая, но и политическая проблема, которую можно сформулировать как дефицит политики идентичности. Я всегда боялся, что в результате этого популизм станет главным инструментом борьбы между политическими партиями, когда в том числе будет нарастать культурный популизм — как основа конкуренции.

Так что, я думаю, и это сложилось исторически, едва ли разумно позволять людям делать то, чего они хотят сегодня. Общество на все болезненные проблемы всегда реагирует эмоционально.

Единственный институт, на мой взгляд, который есть сегодня в России, это дружба. Однако и с этой точки зрения я вижу проблему. Когда дружба остается единственным институтом на уровне управления государством, тогда все идет непредсказуемо и довольно эмоционально.

Михаэль Сульман, *председатель Шведского института внешней политики:*

— Я с интересом выслушал ваши ответы. Но я живу в Швеции, и, возможно, поэтому менее пессимистичен в том, что касается возможностей демократии. Чтобы упростить вопрос, сошлюсь на одного англичанина, который живет сейчас в Осло и занимается анализом последствий кризиса в Еврозоне.

Так вот, он предложил не смешивать процесс принятия решений с тем, какие они имеют последствия. То есть он различает или, точнее, разделяет легитимность решения «на входе» и легитимность результата. Если процесс принятия решения достаточно прозрачен и каждый, кто интересуется этим, может получить достаточно информации, то можно, считает он, освободиться от жуликов и выбрать новых людей, чтобы те, кто принимает решения, знали, что таковы правила и условия игры. То есть я хочу сказать об эффекте принятия решений в сегодняшней Европе. То, как они принимаются относительно евро, совершенно не соответствует демократическим критериям. И их результаты не устраивают людей. Но это не исключает того, что во многих странах ЕС люди все же ходят на выборы, и их участие в голосовании достигает порой 80%.

Брассай. Молния над Парижем. 1938

Иван Крастев:

— То, что вы сказали, очень важно. Разумеется, есть большая разница, живешь ли ты в Швеции или в Греции. Когда легитимна процедура и легитимен результат, у людей есть ощущение свободы и надежда на хороший результат. Я думаю, все мы прекрасно знаем истоки легитимности демократии.

Но достаточно ли это для того, чтобы гарантировать после принятого прозрачного решения легитимность демократических режимов? Это большая проблема. Потому что если вы посмотрите на социологические данные, то увидите, что даже когда люди верят, что институты достаточно прозрачно работают, им не нравятся результаты. Значит, прозрачности не всегда достаточно.

Я думаю, разница между авторитарным режимом и демократическим в том, что первый рассчитывает на принуждение. А при демократическом режиме есть возможность перемен. И для меня главное, чтобы у людей был выбор, который имеет смысл.

С этой точки зрения Болгария очень интересное место. В сегодняшней Болгарии легче воскреснуть, чем повторно выиграть выборы. С другой стороны, экономическая политика не меняется. В результате люди голосуют за перемены, но не получают того, что хотят. Другой вопрос, хорошо ли то, что они хотят и что приводит лишь к росту радикализации общества. Посмотрите на Италию, где каждый четвертый голосовал за партию, которая обещала, что она не будет у власти. А у нас в Болгарии управляли люди справа, слева, у нас был царь-премьер, а после этого премьером был его телохранитель. То есть просто менять людей тоже недостаточно. Надо, чтобы у людей, повторю еще раз, был реальный выбор. Если тот, кого ты выбираешь, не отличается особо от другого, это очень низкая мотивация для участия в политической жизни. И для меня самое важное в европейской политике, и именно в этом я вижу проблему: как найти тот баланс, когда выборы для граждан имели бы действительно политический смысл.

Сергей Мошкин, доктор политических наук, г. Екатеринбург:

— Я хотел бы сделать два замечания о генезисе российской демократии. Первое. Мне кажется, что у нас в начале 90-х годов произошла очевидная подмена. За борьбу с коммунизмом и со всем коммунистическим выдавалось строительство демократии. Казалось бы, это процессы связанные, почти синонимические. На самом деле это было не так. Приведу пример. Вторые выборы Ельцина, 1996 год. Его личный приоритет — не допустить Зюганова к власти — подтолкнул Ельцина на проведение нечестных выборов. В своем стремлении не допустить коммунистический реванш он пошел на предательство демократических принципов. Именно тогда, на мой взгляд, появилось недоверие к институту выборов как таковых. И эта родовая травма до сих пор нас преследует.

И вторая подмена. Почему-то в массовом сознании строительство демократических институтов связывалось с быстрым материальным

благополучием людей. И когда этого не случилось, люди стали задавать вопрос: «Это и есть ваша демократия?»

Светлана Шмелева, координатор *i*-класса Московской школы политических исследований:

— У меня комментарий. Вы говорили о том, как можно манипулировать большинством. А мне кажется, что большинство — это манипуляция ради манипуляции, никакой власти у большинства нет. Есть власть институтов. И для меня демократия это, безусловно, власть институтов. То есть они должны быть такими, как названы. Суд — это суд; закон — это закон; исполнитель — это исполнитель законов, а не чьей-то воли. Институты одинаково властвуют над гражданами и над чиновниками. И о словах «доверие» и «недоверие». Я считаю, что контроль над институтами возможен только на основе доверия. Потому что доверие — это то, что «до веры», — рациональная проверка. А когда мы проверили и выяснили, что тот или иной институт не работает, возникает кризис и недоверие, в которое, увы, мы начинаем верить.

Пилар Бонет, корреспондент газеты El País в Москве, Испания:

— Вопрос, который меня беспокоит как европейскую гражданку: как вы считаете, насколько важно самопожертвование? Или, другими словами, в условиях современной Европы, индивидуальное мужество. Подчеркиваю, индивидуальное — это не «мы», а «я», которое необходимо, чтобы появилась некая точка кристаллизации новых процессов в политике.

Иван Крастев:

— Я согласен, что генезис конкретного политического движения очень важен. Но прежде о России начала 1990-х, когда мне, например, было не очевидно, кто это «мы»? Государство, которое исчезло? Русские? Очень сложно консолидировать общность, когда это неизвестно. В условиях развитой демократии ты идешь на выборы и можешь сделать плохой выбор или хороший, но он легитимен. А когда речь идет о строительстве государства, все выглядит иначе. Если цель одной из партий, которая идет на выборы, в том, чтобы следующих выборов не было, тогда и возникает проблема демократии. В России в 1996 году это был экзистенциальный выбор. Теперь, я думаю, мы намного лучше знаем, что зюгановская партия была антисистемной. Но тогда это знать было не просто. Особенно для людей, имеющих советский опыт.

Почему я обращаю на это внимание? Потому что социальный сдвиг, который теперь происходит в России, напрямую связан с переменой того, как сегодня видятся 90-е. Я просматриваю постоянно много социологических опросов. Они не интересны сами по себе. А вот тренды, о которых они свидетельствуют, интересны всегда. Почему, например, люди думают, что коррупции больше сейчас, чем было в 90-е? Из опросов видно: легитимность сегодняшней власти обусловлена тем, что лю-

ням внушили — хуже, чем в 90-е, быть уже не может. Но появилось поколение, для которого уже более важно, что происходит сегодня, а не в 90-е годы.

И отсюда я перехожу к проблеме большинства. Если существует только одно большинство, то это уже не демократия. Ведь проблема не в том, чтобы защитить меньшинство, а в том, чтобы успеть сконструировать большинство. И такая возможность существует во время предвыборной кампании.

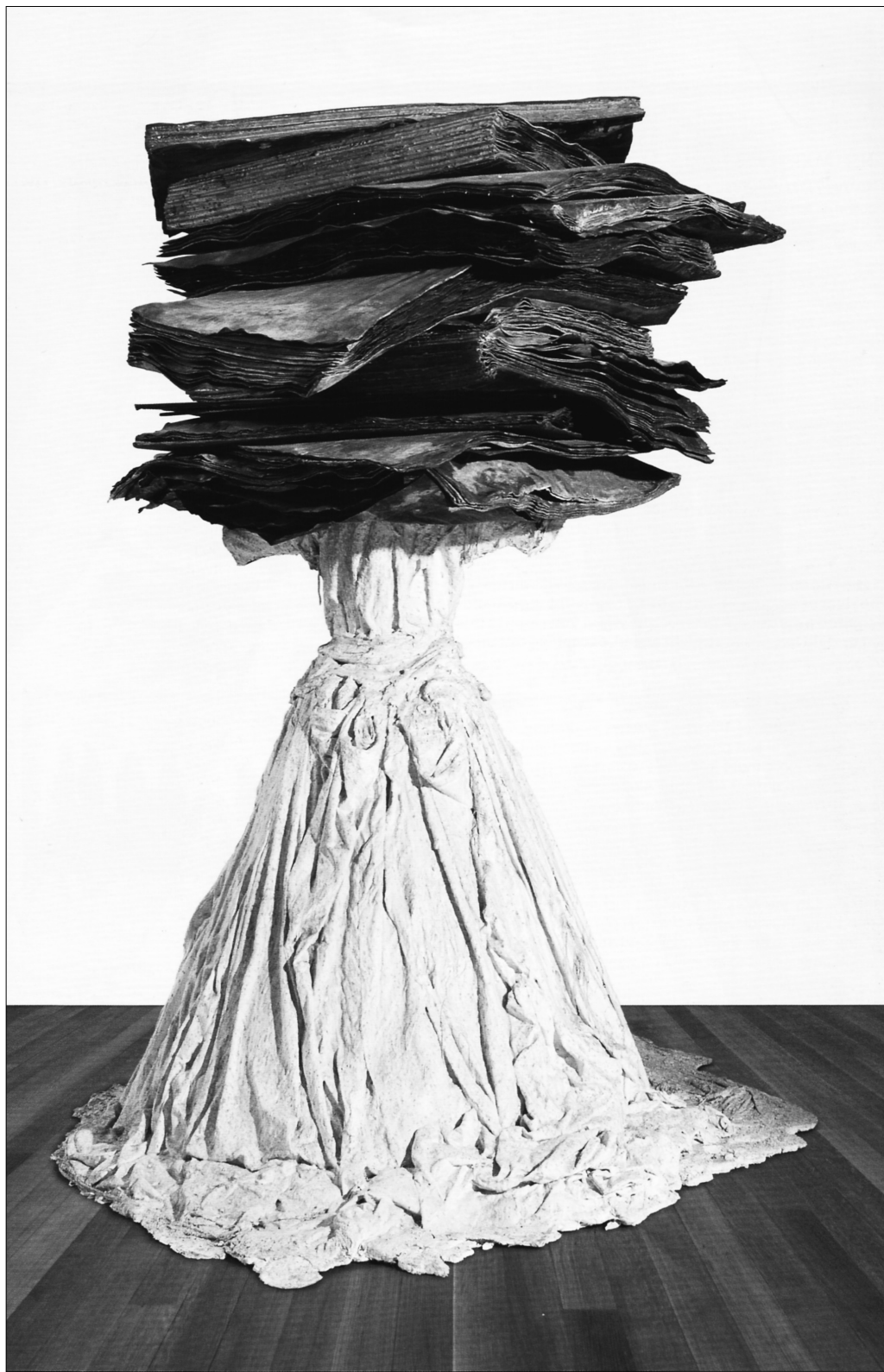
На мой взгляд, есть два типа политиков. Есть политики, которые, прочитав социологические опросы, делают то, как они думают, что люди хотят. А есть другие, для которых информация и социологическое опросы нужны для того, чтобы понять, что надо делать, чтобы люди их поняли.

То есть, я хочу сказать, что если у политика есть информационный инстинкт, и он стремится повлиять на происходящее, то для него социологический опрос это только начало, учитывая, что у людей всегда конформистский подход, скажем так, к несуществующему большинству. Приведу пример. В 2006 году американцам задавали вопрос: считаете ли вы, что война в Ираке была оправданной? 52% ответили — нет. Второй вопрос: считаете ли вы, что большинство американцев думает, что она оправданна? 56% американцев сказала — да. Третий вопрос: готовы ли вы согласиться с большинством? 70% сказала — да. Таким образом, большинство это не материальная среда. Оно может появляться и исчезать.

Доверие и недоверие. Я согласен, на Западе сейчас появилось много людей, которые считают, что прозрачности достаточно, чтобы возникла легитимность. Но это при условии, если бы люди знали, что такое истина. Истина в политике не то, чего мы не знаем, а то, что все мы знаем, но кто-то осмелился это высказать публично. И это все меняет. Поэтому я не думаю, что нужен был Интернет, чтобы граждане России узнали, что в стране есть коррупция. Важно, что какие-то люди сказали об этом публично, назвали имена и не скрывают, кто они. Прозрачность — это условие для определенного вида политической деятельности.

Очень важный вопрос о самопожертвовании в политике и о том, как оно выглядит. Я продолжаю думать, что оно рождается в каких-то критических ситуациях. Я не знаю, знакомы ли вы с таким фактом. В те шесть или семь месяцев, когда Солидарность в Польше, до введения военного положения, была легальной организацией, употребление алкоголя в стране снизилось в четыре раза. Потому что в обществе появилось ощущение, что происходит что-то важное. И надо было всем этим заниматься на трезвую голову.

И в продолжение сказанного. В декабре 1982 года во время военного положения, когда было арестовано шесть тысяч человек, включая лидеров Солидарности, власть обратилась к ним с предложением покинуть страну. Это было условием освобождения всех заключенных, и это был нелегкий выбор. Одиннадцать из двенадцати лидеров были склонны согласиться, а Адам Михник, который не был представителем ради-

Ансельм Кифер. Сульфид. 1999

кального крыла оппозиции, сказал: «Когда я в тюрьме, я не вступаю в переговоры». Позднее он был самым активным сторонником переговоров с коммунистами.

Люди в политике часто идут на какой-то риск. Например, радикальные левые в Греции. С экономической точки зрения то, что они говорят, для меня не имеет большого смысла. Но то, что они верят в то, что делают, вызывает уважение. Демократия выигрывает от этого.

Оксана Куровская, *советник председателя правительства Волгоградской области:*

— Большое спасибо за выступление. У меня реплика. Легко говорить, что люди, находящиеся во власти некомпетентны. Но те, кто так говорит, своих вариантов решения проблем не представляют. «Я тоже могу» должно быть основано на профессиональной компетенции. А ее нет. У нас были выборы, и состоялась дискуссия. Человека сняли с выборов за неправильно заполненный документ. Ему выражали сочувствие, говоря, что он хороший человек. Но он — гуманитарий, допускающий элементарные ошибки, идя на выборный процесс. И мы ожидаем, что он будет грамотно отстаивать наши интересы?

И по поводу большинства. Все мы тут большинство не представляем. Мы ищущие и пытаемся сформировать свое большинство. А реальное большинство идет что-то менять, когда его что-то не устраивает — безработица, чувство голода, страх. Но голода и страха мы не ощущаем. И, простите, нашей демократии не так много лет. Когда человеку 20, ему многое прощают, говоря, что он еще молод. У нас нет многовекового опыта демократии и люди не готовы что-то менять. Иногда они не идут на выборы, потому что занимаются огородом, или идут на день рождения. Демократия для нас скорее красивое слово или критика. Но ведь демократия — это не только критика, это ответственность. То есть выборы не являются для нас ценностью, мы за них не воевали.

Татьяна Коваль, *специалист департамента науки, промышленной политики и предпринимательства Москвы, Томская область:*

— В продолжение Светиного комментария. Верю и не верю — это, мне кажется, о Боге и любви. Доверяю и не доверяю — о дружбе. О личных отношениях. С государством история другая. Аналогия такая: родину мы любим, страну уважаем, а государство оцениваем с точки зрения безопасности и справедливости. И о контроле. Есть такая пословица: доверяй, но проверяй. Это к государству, к проверке, к тем самым институтам, которые мы выстраиваем.

Но здесь я тоже наткнулась на противоречие, пока мы размышляли. Говоря об опыте, надо учитывать, что у каждого свой опыт: у нас свой, у чиновников свой. Сегодня мы чиновники, а завтра снова станем народом. И «мы» каждый раз конструируется по-разному, в зависимости от того, что нам выгодно или нравится. «Мы» всегда другие. Поэтому для меня государство это более широкое понятие, благодаря которому возможно сопряжение разных акторов и политик. По-моему, так и созда-

валось правовое государство, на консенсусе нашего взаимного и часто противоположного опыта.

Зубайру Зубайруев, *заместитель министра печати и информации Республики Дагестан:*

— К вопросу о недоверии к демократии. Я не стал бы драматизировать ситуацию. Это недоверие к людям или институтам? Потому что если это недоверие к людям, то это еще как-то можно пережить, ибо с помощью институтов можно изменить людей. А если это недоверие к институтам, тогда встает еще вопрос: это недоверие к реальным институтам демократии или к той бутафории, которой сейчас так много в мире? Если мы ответим на эти вопросы, то, наверное, станем большими оптимистами. И, кстати, избавляться от бутафорских институтов как раз и является нашей задачей.

То, что на самом деле стоит преодолевать, это недоверие к институтам реальной демократии. Но и здесь, я бы сказал, все познается в сравнении. Предлагаю поэтому совершить экскурсию в те страны, где демократии нет, например в Афганистан или Пакистан.

Иван Крастев:

— Начну с последних вопросов. Расскажу одну историю. Был известный американский актер Гарри Грант, который был очень красивым. Как-то он пошел на вечеринку, но забыл приглашение. И женщина его не пустила. На что он сказал: «Но я Гарри Грант!». А она ему ответила: «Вы даже не похожи на Гарри Гранта». И тогда он ответил: «Никто не похож на Гарри Гранта». Это одна из проблем демократии. Я согласен с вами, на идеальную модель демократии не похожа ни одна существующая демократия. И поэтому дискуссия о демократии всегда была дискуссией о кризисе.

Для меня реальный кризис демократии начинается тогда, когда избиратель считает, что от него ничего не зависит. Но если от тебя не зависит, то от кого? В современном глобальном мире от правительств, которые мы выбираем, тоже не так уж много зависит, как двадцать или тридцать лет назад. И проблема не в том, что они не хотят что-то делать, они просто не могут, что подводит нас к проблеме компетентности, поскольку фактически любая власть уверена, что оппозиция всегда некомпетентна. А для власти компетентность состоит в том, чтобы вы думали, как она.

Когда появились новые социальные движения, их участникам, в частности в Испании, задавали вопрос, что они хотели бы изменить. Они ответили: «Политическую систему». Тогда их спросили: «Хорошо, а что в первую очередь?». И они предложили внести изменения в выборный закон на интеллектуальном уровне второго курса университета. Потому что когда ты хочешь все изменить, но не хочешь революции, это непросто; компетентность оппозиции зависит от ясного понимания того, что именно она хочет изменить. Но как она это делает? Это очень трудно, когда ты не у власти, учитывая, что одно из

самых важных различий между властью и оппозицией состоит в асимметрии информации.

Алексей Сокольский, *первый заместитель генерального директора компании «Региональный инновационный центр», г. Красноярск:*

— У нас очень интересное название сессии: «Выживет ли демократия в условиях недоверия к лидерам и институтам». Скажите, пожалуйста, Иван, допустим, демократия не выжила, что может быть после нее?

Наталья Назарова, *председатель комитета по экономической политике Молодежного парламента Пензенской области:*

— Вы говорили, что политик всегда хочет кого-то в чем-то убедить, а человек, идущий во власть, — поменять. Вопрос: есть ли, на ваш взгляд, политики, которые действительно знают, что они хотят что-то изменить?

Иван Крастев:

— Был такой советский анекдот. 1917 год. После захвата Зимнего сидят Петька и Чапаев. И Петька, думая о будущем, говорит: «А что будет через двадцать лет?». Чапаев отвечает: «Ну что будет? Будет 1937-й». Сегодня часто говорят о постдемократии, как о возможном развитии общества. Но нефункционирующая демократическая система в каком-то смысле как раз и является постдемократической. Известный гарвардский экономист Дэни Родрик сформулировал парадокс глобализации, согласно которому есть три цели: демократия, суверенитет и интеграция в глобальный рынок. Но можно ставить перед страной лишь две первые из них, и тогда третья цель, возможно, будет достигнута. Поэтому я всегда любил в демократии то, что это напряженное общество, когда ты все время думаешь, что нужно делать.

И по поводу второго вопроса. Многим кажется, что надо просто нечестных людей поменять на честных и все изменится. Скажем, в Болгарии проблема перемен сводилась к тому, что мы хотели, чтобы страной управляли те, кто до этого не был во власти. Но если в этом идея, то, может быть, стоит заменить выборы лотерей? Я считаю, что гораздо важнее, чтобы у власти были скромные проекты, поскольку от их реализации зависит прежде всего и доверие к власти, и вера людей в перемены. Приведу пример.

Лет десять назад в одном немецком городе был проведен конкурс на лучший проект, под который были выделены деньги, и его выиграл мужчина, который его придумал. Он предложил дать по сто евро каждой женщине, чтобы она купила себе новое красивое платье, и чтобы все женщины города надели обнову в один назначенный день. И люди увидели свой город другим. Нередко с таких успешных проектов начинаются перемены.

А теперь, допустим, вам не нравится вода, которую вы пьете, что вы делаете? Покупаете другую воду. А если политику не нравится его партия? Он создает сначала свою фракцию при определенном уровне

лояльности других членов партии. А когда это не срабатывает, он либо вообще выходит из партии, либо меняет ее на другую. И у меня такое впечатление, что сегодня, если власть считает, что ничего изменить нельзя, люди чаще всего относятся к власти и к партиям, надеясь на перемены, как к воде.

Станислав Корякин, советник заместителя председателя правления компании «Системный оператор Единой энергосистемы», Санкт-Петербург:

— Если я правильно понял, вы противопоставили институты с работающими процедурами и нормами проблеме доверия. Между тем мы пережили 2008 год и кризис, который привел к тому, что вся банковская структура, построенная на процедурах, посыпалась, так как возникло недоверие. И все институты, которые были выстроены, не выдержали этого недоверия. Как бы вы это прокомментировали и, может быть, соотнесли с демократией и демократическими институтами.

Иван Крастев:

— Если какой-нибудь инопланетянин спустился бы к нам на землю и решил изучить, как у нас здесь все устроено, и прочитал бы Конституцию России и какой-нибудь другой европейской страны, то не увидел бы между ними особой разницы. Проблема в том, работают нормы и правила или нет. Если люди не верят в какой-то институт, то института не существует.

Это классическая ситуация банка, например. Не существует в мире банка, который мог бы выжить, если люди решили бы взять из него все свои деньги разом.

Почему люди доверяют одним банкам и не верят другим? Ответ, на мой взгляд, очевиден, они исходят из опыта. Они доверяют какому-то банку, потому что он их никогда не подводил. Они надеются, что в критический момент банк их не подведет. При этом, как вкладчик, например, болгарского банка, ты можешь не знать, что твои сбережения вложены во что-то в Филадельфии. Тут важно, что твое доверие опосредовано в данном случае банковским институтом.

Качественная демократия как раз и обеспечивается такой работой всех публичных институтов, заслуживающих доверия общества, и тогда оно их содержит на свои средства и вправе корректировать их функционирование, в том числе и через гражданские структуры, непосредственно заинтересованные в справедливом их расходовании.

Следовательно, очень важно создавать такие условия, чтобы мы начали доверять друг другу и понимали, что от нас что-то зависит. С этой точки зрения Московская школа — это место, где мы не просто что-то говорим. Ее смысл в том, что когда мы говорим, у нас есть возможность в ходе дискуссии лучше понять, как должны работать демократические институты.

Шекспир и Кейнс о деньгах

Уильям Шекспир (1564–1616) и Джон Мейнард Кейнс (1883–1946) — самый знаменитый драматург и самый знаменитый современный экономист. На мой взгляд, интересно сравнить их взгляды на деньги в свете сегодняшних обвалов на биржах и роста количества миллиардеров, если не забывать о связях между деньгами и властью.

Известно, что Шекспир жил и писал свои пьесы в эпоху перехода от Средневековья к современному обществу, а Кейнс — во время перехода от «чистого» капитализма к капитализму организованному.

Кейнс заметил как-то, что, если бы Шекспир жил лет на 50 раньше, Англия не смогла бы себе позволить содержать его. Но было бы столь же справедливо сказать, что, живи Кейнс лет на 50 раньше, революции в экономике не потребовалось бы.

Говоря о Шекспире, Кейнс ссылаясь на значительное расширение состояния среднего класса в XVI веке за счет роспуска монастырей и роста торговли. Именно новое богатство позволяло строить театры, увеличивало их аудиторию, обогащало язык и разрушало традиционный порядок — короче, способствовало развитию капитализма в эпоху Возрождения. Новое богатство позволило сконцентрировать политическую власть в руках монархии и создало новый класс богатых «принцев-торговцев» — олигархов своего времени. В пьесах Шекспира исследуется в том числе и воздействие нового богатства на традиционное отношение к власти и к деньгам.

Обратимся к одной из них — пьесе «Венецианский купец», действие которой разворачивается, как известно, после того, как один из ее персонажей, Бассанио, просит своего друга купца Антонио помочь избавиться ему «от больших долгов, в какие мотовство [его] втянуло», чтобы жениться на Порции — богатой наследнице.

*Роберт Скидельски,
член палаты лордов
парламента Великобритании*

Антонио, выручая друга, обращается к Шейлоку — еврею-ростовщику:

Шейлок, хотя обыкновенья
Нет у меня ни брать, ни занимать,
Чтоб не платить и не взимать процентов,
Но правило свое нарушу я,
Чтоб выручить от крайнего
Стеснения приятеля*.

Напомню в этой связи о совете Полония сыну Лаэрту в другой пьесе Шекспира «Гамлет»:

В долг не бери и займы не давай;
Легко и ссуду потерять и друга,
А займы тупят лезвие хозяйства.

В эпоху Шекспира эти известные слова Полония уже казались старомодными — недаром Гамлет называет его «несносным старым дураком». Но это были традиционные взгляды, и традиция еще далеко не умерла. Это древняя народная мудрость. Поэтому не случайно разговоры о сегодняшних частных и государственных долгах тоже часто ведутся на языке Полония, достаточно почитать речи Ангелы Меркель.

Бассанио была нужна ссуда в 3000 дукатов на три месяца. Антонио, вложивший свои богатства в торговое предприятие, говорит, что возьмет эту сумму в долг у Шейлока.

Шейлок тоже знает, что товары Антонио связаны с торговым предприятием. И по сегодняшним нормам его требование процентов по ссуде как цены риска от невозвращения названной суммы было бы вполне оправданно. Однако, поскольку Антонио «человек хороший», Шейлок предлагает ему 3000 дукатов без процентов. То есть он отказывается тем самым быть ростовщиком, что становится причиной конфликта между ними. Дело тут в отноше-

нии к ростовщичеству. Чтобы понять этот непростой казус, обратимся к истории.

Для Аристотеля деньги (под которыми древние понимали золото) по природе своей бесплодны — в отличие от животных, растений и людей их нельзя «разводить». Поэтому было бы неестественно заниматься разведением денег из денег.

В Средние века христианские теологи разделяли аристотелевское отношение к деньгам. Однако, когда прибыльное использование денег прерывалось выдачей ссуды, то есть «упущенной выгодой», уплата процентов не исключалась. И лишь в 1546 году, когда «временная стоимость вложения капитала» была признана законной, появилось ростовщичество, то есть дача денег в долг на определенное время под высокий процент.

При этом евреи играли особую роль в средневековой экономике. По их законам запрещалось давать ссуды под проценты евреям и разрешалось давать неевреям, что, собственно, и стало источником антисемитизма.

Шейлок ненавидел запрет христианства на ростовщичество и считал уплату процентов справедливой, как вознаграждение за известную «бережливость». Экономист Альфред Маршалл позже скажет, что проценты — это вознаграждение за «ожидание». Кейнс же с этим был категорически не согласен. Для него проценты были просто ценой за расставание с деньгами, так как люди могут копить деньги ради денег, предпочитая их товарам. Таков всем известный характер скупца. Но они могут копить деньги и тогда, когда их не на что использовать, как это делают сегодня, вкладывая их в банки. С этим не

* Здесь и далее цитаты в переводе Т.Л. Щепкиной-Куперник.

связаны убытки от потребления — деньги нельзя съесть, а значит, в таких случаях нет особого смысла и выплачивать вкладчикам проценты.

Но вернемся к венецианскому купцу. Антонио, христианин, с презрением отвергает предложенную Шейлоком беспроцентную ссуду. Почему? Потому что предложение исходит от еврея.

Когда займы ты дать согласен деньги,
Так и давай — не как друзьям своим...
Ну, видано ль, чтоб дружба заставляла
Друзей платить проценты за металл
Бесплоднейший! Нет, как врагу скорее
Ты деньги дай, чтоб, если в срок тебе
Он не отдаст, ты мог, не церемонясь,
С него взыскать.

Шейлок настаивает, что проценты уплачивать не надо, и шутки ради заявляет, что в случае невозможности вернуть долг Антонио сможет его удовлетворить, пожертвовав фунт собственной плоти: «Чтоб выбрать мог часть тела я любую и мясо вырезать, где пожелаю».

Важно помнить, что это рассматривается как шутка, и принимает Антонио ее тоже как шутку. Но потом шутка оборачивается бедой.

Корабли Антонио терпят бедствие, и он не в состоянии вернуть Шейлоку ссуду в назначенный день. А тот упрямо добивается выполнения заключенного между ними договора.

Тем временем дочь Шейлока похитил один из друзей Антонио, Лоренцо, который тайно с ней обручился. Шейлока особенно злит, что его дочь Джессика должна будет выйти замуж за христианина и тем самым запятнает чистоту еврейского рода.

Его отвращение к взглядам христиан на евреев выражается в знаменитом монологе: «Да разве у жида нет глаз? Разве у жида нет рук, органов, членов, тела, чувств, привязанностей, страстей? Ра-

зве не та же самая пища насыщает его, разве не то же оружие ранит его, разве он не подвержен тем же недугам, разве не те же лекарства исцеляют его, разве не согревают и не студят его те же лето и зима, как и христианина? Если нас уколоть — разве у нас не идет кровь? Если нас пощекотать — разве мы не смеемся? Если нас отравить — разве мы не умираем? А если нас оскорбляют — разве мы не должны мстить?».

Антонио теперь во власти Шейлока. Шейлок требует свой залог: «Мой вексель! Против векселя ни слова! Я клятву дал, что получу сполна». Его требование должен рассмотреть суд Венеции. Дож просит Шейлока проявить милосердие, но тот отказывается. Антонио и Шейлок еще не знают, что Бассанио, которому Антонио и ссудил 3000 дукатов, взятые у Шейлока, уже женился на Порции, и она счастлива была бы вернуть ему эти деньги.

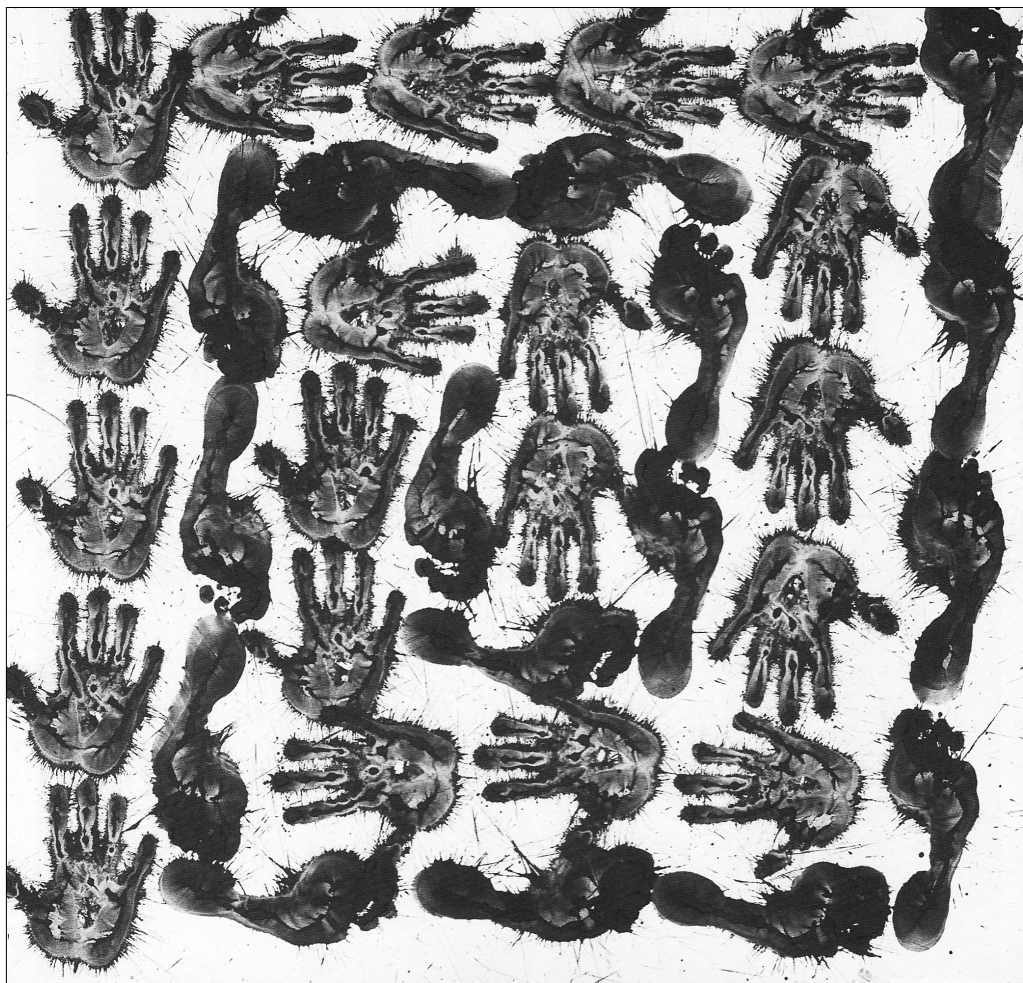
Бассанио предлагает Шейлоку деньги, но он с презрением их отвергает:

Вы спросите, зачем предпочитаю
Трем тысячам дукатов мяса фунт
Негодного? На это не желаю
Я отвечать. Положим, что скажу:
«Такой мой вкус!».

После этого Порция, нарядившись судьей, выносит решение в пользу Шейлока: «Фунт мяса от купца по праву твой. Так суд решил, и так велит закон». Однако —

Постой немного; есть еще кой-что.
Твой вексель не дает ни капли крови;
Слова точны и ясны в нем: фунт мяса.
Бери ж свой долг, бери же свой фунт мяса;
Но, вырезая, если ты прольешь
Одну хоть каплю христианской крови,
Твое добро и земли по закону
К республике отходят.

Теперь, когда счастье от него отвернулось, Шейлок пытается вернуть пред-

Ричард Лонг. Мир в Уайтчепел. 1987

ложенные 3000 дукатов, но это объявляется незаконным, поскольку он уже отказался от них. С новым поворотом захватывающего сюжета Шейлок теряет и ссуженные деньги, и свои земли. Ему разрешают сохранить только половину своего состояния, чтобы оно досталось его дочери Джессике и ее мужу-христианину. Его обращают в христианство — оскорбление, хуже которого быть не может.

В «Венецианском купце» Антонио и Порция выступают за христианский идеал щедрости, противопоставленный

«алчной» и «скаредной» природе Шейлока.

Вернемся к Кейнсу. Как я уже отметил, Кейнс отверг представление о том, что уплата процентов может оправдываться воздержанием от потребления. Проценты просто цена за расставание с деньгами. Если деньги только копят, тогда требование уплаты процентов по ним является ростовщичеством.

В сознании Кейнса ростовщичество ассоциировалось с определенным типом человека — скупца, скряги, который любит деньги сами по себе, а не

потому, что их можно как-то использовать. Вся его экономическая теория основывалась на борьбе с накопительством или, по его словам, с предпочтением ликвидности*, что неизбежно приводит к краху экономики и мешает ее восстановлению.

Чем больше банкир предпочитает ликвидность, тем болезненнее для него отказ от обладания деньгами и тем больший процент он будет требовать за то, что расстанется с ними.

Сегодня Кейнс сказал бы, что чрезмерное предпочтение ликвидности мешает банкам давать ссуды или заставляет их требовать с бизнеса очень высокую цену за заем. Поэтому, чтобы выйти из кризиса, правительству необходимо тратить суммы, эквивалентные тем, которые заморожены в хранилищах банков и резервах компаний; иными словами, прибегать к затягиванию поясов.

Но Кейнс шел еще дальше, считая «ростовщичеством», когда пользуются несчастным обращающимся за ссудой, чтобы заставить его платить проценты. В письме 8 апреля 1945 года он писал:

«Это именно ростовщичество, когда из заемщика выжимают сумму, превышающую истинные затраты кредитора, что оказывается возможным ввиду слабой позиции заемщика либо его крайней нужды в деньгах... Считают интересным представить это таким образом, потому что здесь происходит как раз то, о чем говорит моя теория предпочтения ликвидности».

Кейнс приводит три причины, почему долги следует прощать, — эта тема воз-

никает у него впервые в критике положений о репарациях Версальского мирного договора 1919 года.

Сначала он, как и дож Венеции в пьесе Шекспира, взывает к милосердию: долги следует отменить, если они накладывают на должника страдания, которые трудно вынести.

Вторую причину Кейнс видит в юридической системе, которая не позволяет отменить долг или снижать его объем, то есть дает слишком много власти кредитору или владельцу облигаций.

И, в-третьих, долги следует периодически прощать из благоразумия.

«Власть ростовщичества, — по словам Кейнса, — слишком велика. Если бы прирост процентов по закладным никогда не прерывался на протяжении нескольких поколений, половина населения была бы сейчас на положении рабов другой половины... Абсолютные приверженцы контракта — истинные родители революции».

На мой взгляд, если после сказанного проводить параллели с сегодняшним положением дел в Европе, напрашивается вывод: большинство банковских и государственных долгов, имеющихся сегодня, никогда не будут возвращены. А попытка кредиторов навязать их выплату за счет предоставления новых ссуд при условии снижения должниками расходов приведут лишь к продолжению стагнации или даже к краху экономической жизни и возвращению на континент политического экстремизма. И тем не менее я считаю, что Шекспир и Кейнс могут преподать нашему времени хороший урок.

* Ликвидность в экономике — способность активов быть обращенными в наличные деньги быстро и с минимальными потерями или вообще без потерь. Согласно Кейнсу, «предпочтение ликвидности» — это стремление владеть деньгами, а не другими активами (например, акциями или облигациями). Если инвесторы и управляющие финансами оказывают предпочтение ликвидным активам, это означает отсутствие доверия, и, значит, предпринимательская деятельность может испытывать затруднения от низкого уровня инвестиций. — Прим. ред.

*Александр Согомов,
академический директор
Центра социологического и
политологического
образования Института
социологии РАН*

Гражданское образование в истории западной философии* (Цикл третий)

Уже в своем раннем трактате «Правила для руководства ума» Декарт, по сути, предлагает читателю систематическую дидактику разума. Сомнение и истина, заблуждение и ошибка, разные пути и способы познания, интуиция и воображение и т.д. — всему было уделено достаточное внимание, чтобы утверждать: развитие интеллекта у Декарта и, естественно, после него становится стержнем всякого обучения, а картезианский метод познания — главным *культивируемым навыком* в общей концепции гражданского образования.

Понимая значимость своей философско-педагогической системы, поздний Декарт всерьез задумался над тем, как «вытеснить» Аристотеля из современных ему школ и заменить его новой философией образования**. Возможно, для этого он сочиняет «Размышления о первой философии» (первое латинское издание — 1641 г., первое прижизненное французское издание — 1647), где подробно пишет о том, как современному человеку следует изучать философию и мыслить философски.

Метод выступает у него главным средством развития человеческого интеллекта с целью познания Бога, мира, самого себя и социума. Человеку свойственны предрассудки, ошибки и просто лень ума. И тщательно рассмотрев все основания и нюансы того, как избавляться от них, Декарт предлагает такое видение мира, которое включает в себя социальную оптику, исключаящую, по его представлению, дорациональные заблуждения. То есть, другими словами, формализует «общественное» как явление, свойственное современной цивилизации. Свобода выбора, свобода

* Окончание, начало см.: *Общая тетрадь*, 2011, № 3; 2012, № 4.

** Современный понятийный тезаурус — слова и их смыслы — создан Декартом и по-прежнему составляет основу основ современного универсального языка. Ср.: Cottingham J. *A Descartes Dictionary*. — Oxford: Blackwell, 1993.

мышления и свобода воли — трижды повторенная «свобода» в этой формуле и есть картезианская сущность нового человека. Осваивая метод познания, человек становился современным, а свободная совокупность мыслящих людей — современным обществом. Словом, Декарт со своим методом стал своего рода «повивальной бабкой» как современного общества, так и гражданского образования, цель которого в воссоздании *универсальных первоначал в единичном* — общества в свободно мыслящем гражданине*.

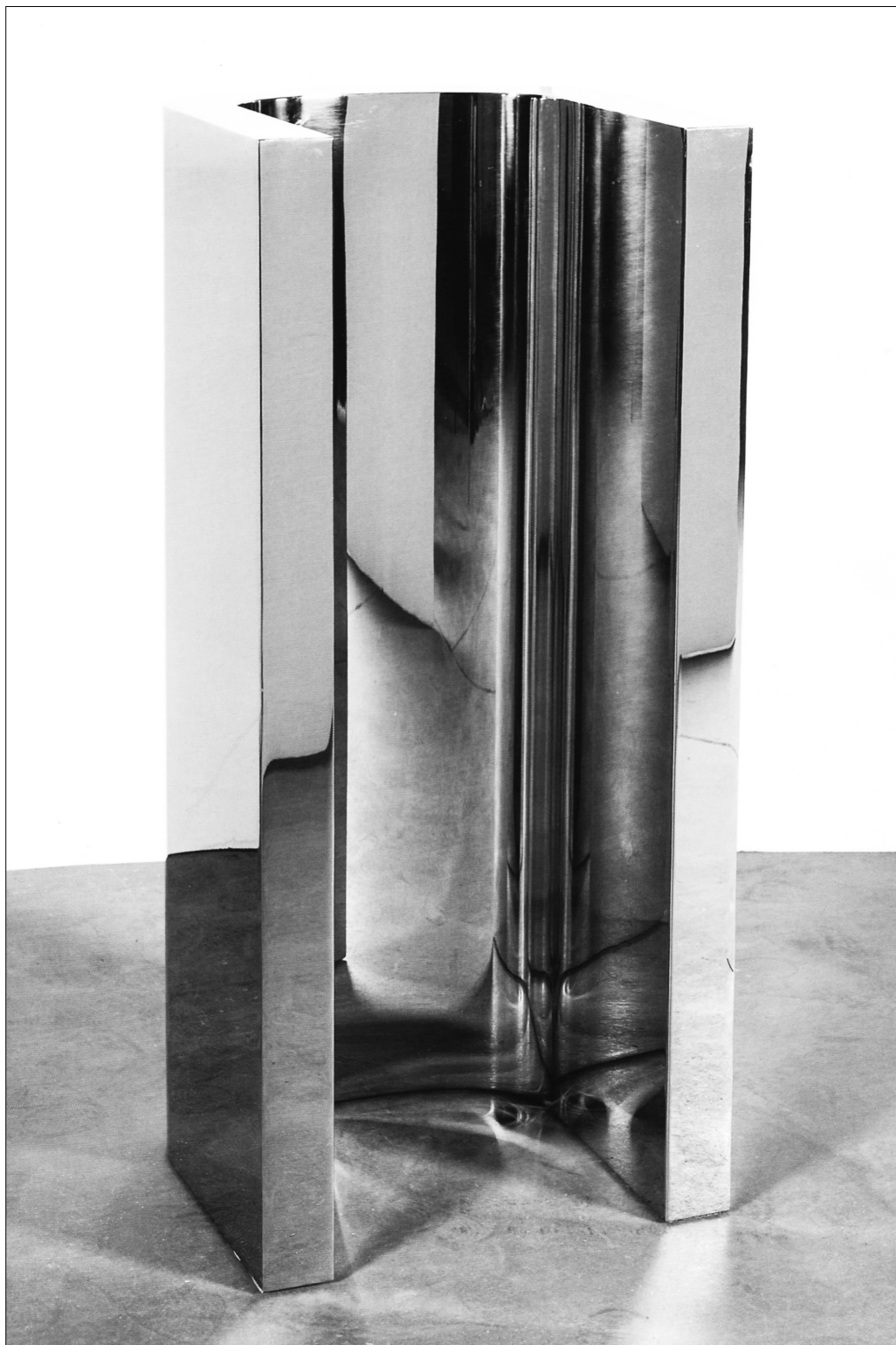
По легенде, Декарт, завершив учебу в колледже, выбросил все имевшиеся у него книги и отправился в путешествие по миру налегке, настолько сильно в нем было убеждение в мыслительном противодействии любым авторитетам. Однако, насколько этот принцип в таком случае распространяем на гражданское образование, если вслед за Декартом мы не будем признавать авторитет книг и учителей? Каким должно быть наше отношение к учителю, стоящему перед классом, который говорит ученикам, что им не следует слушать учителей**? Возможна ли в таком случае вообще гражданская педагогика?

Только на первый взгляд может показаться, что в декартовских «Размышлениях о первой философии» есть противоречие. На самом деле его принцип радикального сомнения открывает возможность выработки более адекватного и корректного подхода к гражданскому образованию, чем то, которым руководствуются обычно в школе. «Мы никогда, например, не сделаемся математиками, — писал он, — даже зная наизусть все чужие доказательства, если наш ум неспособен самостоятельно разрешить какие-то проблемы... мы увеличим только свои исторические сведения, но не знания». «Ибо мало иметь хороший ум, главное — хорошо его применять». И далее: «Я убедился, что... нельзя преобразовать государство, изменив в нем все до основания, и... точно так же мало можно таким способом преобразовать систему наук или установленный в школах порядок их преподавания»***.

* Картезианский «свет разума» привлек внимание многих философов второй половины XVII века к гражданской проблематике. Чаще всего этот интерес преобразовывался в этический дискурс (Спиноза, Паскаль, Лейбниц), но известны при этом и блестящие образцы курсов граждановедения, в которых гражданин выступал в качестве морально-правового субъекта. Среди них особняком стоит трактат Самуэля фон Пуфендорфа «Об обязанностях человека и гражданина соответственно естественному праву» («*De officio hominis et civis juxta legem naturalem*»). Опубликованный в Швеции в 1673 году он был вскоре переведен на главные европейские языки и в начале XVIII века по указу Петра I вышел на русском («О должности человека и гражданина по закону естественному», СПб, 1726). Известно, что император планировал с его помощью начать широкую просветительскую работу. Отредактированная версия трактата вышла в свет уже при Екатерине II («О должностях человека и гражданина», 1783), которая на многие десятилетия стала в России школьным пособием по цивилистике.

** См.: Garber D. *Descartes, or the Cultivation of the Intellect* // Oksenberg Rorty A. (Ed.) *Philosophers on Education*. — New York—London: Routledge, 1998. — P. 134—136.

***Ренэ Декарт. *Избранные произведения*. Пер. с франц. и лат. — М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1950. — С. 85, 260, 268.

Уэйд Гайтон. Скульптура в форме U. 2005

Декарт ратовал за диалогическую форму преподавания, считая диалог недогматическим способом передачи знания. Его сочинения «Рассуждение о методе», «Страсти души», диалог «Разыскание истины посредством естественного света», письма напоминают по своей стилистике и энергичности диспуты, в которых обмен аргументами помогает читателю проникнуться духом его философии, а не ведут по пути «правильного знания».

Иными словами, картезианский метод позволил сформулировать базовое методическое правило гражданского образования: учитель и ученики — партнеры в совместном поиске гражданских смыслов. Декарт не распола-

Декарт со своим методом стал своего рода «повивальной бабкой» гражданского образования, цель которого в воссоздании универсальных первоначал в единичном — общества в свободно мыслящем гражданине

гал этими смыслами а priori, но тем, кто готов был размышлять вместе с ним, предлагал свой метод.

Таким образом, Гоббс, о котором я рассказывал в предыдущей публикации, и Декарт концептуально и методологически открыли путь для нового этапа в развитии гражданского образования в Европе в эпоху Просвещения. Но для того чтобы этот путь стал необратимым, необходим был ценностный прорыв, подводящий своего рода смысловой итог интеллектуальным исканиям XVII века. И эту культурную миссию выполнил англичанин Джон Локк (1632–1704).

Локк — эмпирик и либерал, натуралист и экономист, врач и педагог, толкователь Библии и правовед — сформировался как мыслитель под влиянием Декарта и Гоббса, хотя впоследствии стал их оппонентом. Он так же, как и они, начинал интересоваться философией с изучения проблем познания, логики, опыта и человеческой психологии. Позже всерьез занялся педагогикой, правом и философией политики. Возможно, правы те исследователи, которые не считают Локка самостоятельным мыслителем, но именно он впервые начинает разрабатывать либеральную модель гражданского образования. У него ясная концепция гражданского общества и прав индивида, четкое представление о правовом государстве и конституционализме и, наконец, совершенно оригинальная теория образования и нравственного воспитания гражданина.

Читая сочинения Локка не перестаешь удивляться, насколько изменился его язык философствования в сравнении со старшими коллегами по перу всего за одно поколение*. Он пишет, во-первых, по-английски, не испытывая зависимости от латинской терминологии, отставшей от времени. Во-вторых, делает общим достоянием новые понятия, характеризующие современное общество и современного

* См. подробнее: Yolton J.W. *A Locke Dictionary*. — Oxford: Blackwell, 1993; *Lock's Philosophy. Content and Context*. Ed. by G.A.J. Rogers. — Oxford: Clarendon Press, 1994.

человека. Первым в истории европейской мысли формализует, определяя, понятия собственности, разделения властей, верховенства права, гражданского общества в рамках различения «естественного человека» и «гражданской личности». Более того, он принципиально отличался от своих предшественников и по политическим предпочтениям: его отец служил в войсках Кромвеля, а сам он приложил руку к осуществлению «славной революции» 1688 года. Политическим консерватором Локк никогда не был, но к нему внимательно прислушивались все английские политики, хотя никаких особых постов он не занимал, жил скромной жизнью чуткого к историческим переменам европейского мыслителя.

Свои главные сочинения общественно-политической направленности Локк публикует в конце 1680-х — начале 1690-х годов: «Послание о веротерпимости» (1689), «Опыт о человеческом разумении» (1690), «Два трактата о правлении» (1690), «Мысли о воспитании» (1693). Судя по заголовкам книг, он не претендовал на роль системного философа, но новатором, очевидно, хотел быть всегда.

Развивая теорию общественного договора, Локк утверждал, что основным мотивом объединения людей становится защита собственности — имущества индивида, его свободы и жизни*. Так понимаемая собственность, равно как и свобода на передвижение, труд и его результаты, составляют естественное право человека. Вместе с тем, несмотря на то что гражданское общество исповедует терпимость и человеколюбие**, оно имеет право на борьбу против тирании власти, когда она подавляет индивидуальные свободы и естественные права.

Локк как исследователь увязывает развитие человека и эволюцию общества. По его мнению, подобно тому, как ребенок взрослеет, овладевая навыками и знаниями окружающей жизни, так и общество исторически движется от своего догражданского состояния к гражданскому. И то и другое суть взросление и переход от естественного состояния к цивилизованному. Лишь принимая во внимание эту параллель, можно «разгадать» секрет локковской педагогики.

Воспитанию подлежит «природный» ребенок, из которого предстоит сформировать полноценную гражданскую личность — индивида с присущими ему чертами характера, склонностью ума и темпераментом. Поэтому подход к нему должен быть индивидуальным. То есть гражданская педагогика ответственна за партикулярный (частный) статус личности, так как у людей есть рассудок и как следствие — способность к самоконтролю: над своими чувствами, эмоциями, действиями, языком. На «старте» мы имеем дело с ребенком, лишь мотивированным стать ответственным гражданином. И это изначально задает совершенно иной смысл и иную цель гражданской педагогике: если гражданское общество нацелено на защиту личности, то образование — на ее «воспроизводство».

* *Гражданская идентичность (person-identity) — тоже собственность человека, писал Локк в «Опыте о человеческом разумении». А чуть позднее во «Втором трактате» лаконично формулирует: «...every Man has a Property in his own Person» (у каждого человека есть право собственности на свою личность). О значениях понятия «собственность» у Локка см.: Kramer M.H. John Locke and the Origins of Private Property. — Cambridge: Cambridge University Press, 1997.*

** *Следует отметить, что Локк трактовал «гражданское общество» как сознательное единение людей на основе права и таких ценностей, как веротерпимость, уважение, взаимопомощь, равенство, милосердие.*

Гражданское общество, согласно Локку, гарантирует людям большую безопасность и порядок благодаря праву, сознательному поведению и пониманию со стороны его членов. «Ни для одного человека, находящегося в гражданском обществе, не может быть сделано исключения из законов этого общества. Ведь если какой-либо человек может делать все, что ему заблагорассудится, и на земле не будет места, куда можно было бы обратиться для исправления причиненного им зла или защиты от него, то, спрашиваю я, не будет ли такой человек все еще полностью в естественном состоянии»*. В этом смысле новое качество общества обеспечивается не неким сакральным

*Ни для одного человека,
находящегося в гражданском обществе,
не может быть сделано исключения
из законов этого общества*

Джон Локк

началом, а исключительно качеством граждан его составляющих.

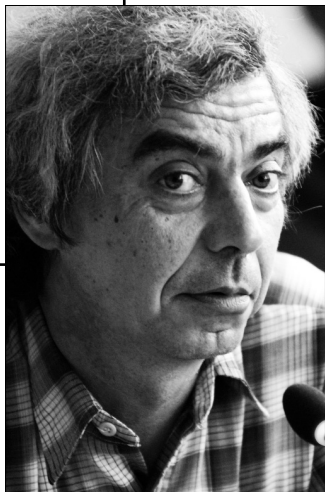
Локк-рационалист был традиционалистом. Он не выводил нравственное воспитание за скобки гражданского образования, а разум согласовывал с верой. «Добродетель — это сознание своего человеческого долга, — пишет он в «Мыслях о воспитании», — а выполнение последнего заключается в повиновении творцу, в следовании указаниям того света (вспомним «свет разума» Декарта. — А.С.), который Бог даровал человеку...»**. И может показаться, что Локк обращается к разуму, чтобы преодолеть теологическое обоснование человеческого поведения.

Локк — фигура переходная, традиционное верование у него по-прежнему служит истине. Но теологические узы гражданского образования и нравственности им существенно ослаблены, и следующие за ним английские философы-моралисты (Юм, Хатчесон и Шефтсбери) переведут мораль в ранг природного свойства человека.

Итак, *Долг — Рассудок — Добродетель*. Эта гражданская триада объединила всех наших героев начала Нового времени. И эту триаду мы без труда обнаруживаем в наследии классической античности и у гуманистов эпохи Возрождения. И XVII век, опираясь на это наследие, устранил культурные и иные препятствия для наступающего XVIII секулярного века европейского Просвещения с его пафосом общественного прогресса.

* Джон Локк. Сочинения в 3 т. Т. 3. — М.: Мысль, 1988. — С. 316–317.

** Там же, с. 449.

*Никита Соколов,
шеф-редактор журнала
«Отечественные записки»*

Общественные организации в России *(традиция и современность)*

Постараюсь вначале ответить на вопрос, почему самые, казалось бы, далекие от политики общественные организации в России были вынуждены к концу XIX века ступить на тропу если не прямо оппозиционной, то близкой к ней околополитической деятельности.

Но прежде — два слова о самих общественных организациях, учитывая, что это сравнительно новое явление в европейской культуре. Их принципиальная новизна заключается в том, что люди начинают объединяться в какой-то момент по доброй воле, а не под влиянием внешнего принудительного фактора. Это уже не гильдии, не средневековые корпорации и не приходские общины, куда вступали по месту рождения или вероисповеданию. Для появления общественных организаций необходима свободная воля и некие цели. То есть, другими словами, это некая общность свободно объединенных людей для частной цели, получающая право на существование в эпоху Просвещения.

В России эта идея пробивает себе дорогу фактически в это же время по мере разрушения традиционной культуры и появления приватного пространства. А именно — в 1765 году, когда возникает первая общественная организация — Вольное экономическое общество. Причем возникает примерно так же, как начинают утверждаться когда-то своды правил о политических и социальных правах в Европе — сверху вниз.

И то же самое происходит с общественными организациями в России. Вольное экономическое общество создается по прямому почину императрицы Екатерины II, которая, впрочем, действует анонимно: анонимно пускает в оборот учредительные письма, анонимно субсидирует эту организацию. Связано это с тем, что правительству Екатерины II чрезвычайно ну-

жна была такая структура после неудачных попыток обсуждения вопроса об отмене крепостного права (к чему было уже готово правительство, но оказалось, что не готово общество). И тогда в качестве инструмента влияния на общественное мнение в сословное российское общество запускается совершенно новый институт, внесловный, состоящий пока из высших чиновников и вельмож, где обсуждения ведутся свободно, публично. И тем самым задается высокая планка стандартов общественной жизни и высокая степень защищенности этого приватно-общественного пространства.

Но сама по себе эта инициатива большого распространения не получила. До середины XIX века в России было всего несколько десятков общественных организаций. И самая многочисленная из них в Москве — Английский клуб. Как-то совсем не то, что мы считали бы сейчас волонтерским или общественным начинанием. Но формально это была общественная организация, построенная именно по приватно-общественному принципу.

Набирает обороты учреждение общественных организаций только с 1862 года, когда существенно упрощаются и расширяются юридические рамки для их существования. Это происходит в марте 1862 года, когда изменяется порядок утверждения уставов. До этого утверждать устав общественной организации должен был лично государь. Это была непростая история, но имевшая свою ценность. Даже если государь, как-то недосмотрев, какое-то право даровал обществу, то потом никакой комитет министров и никакой комитет полиции не мог на это право покушаться. Это существенно. Поэтому старейшие общества, вроде Вольного экономического и Вольного русского собрания, которое занималось с

конца XVIII века составлением словаря, Русского исторического общества, Русского географического общества, созданные в первой половине XIX века монаршим утверждением, благодаря этому были более защищены.

Однако после того как в марте 1862 года утверждение уставов было отнесено к ведению профильных министерств, уже не надо было для этого собирать комитет министров. Просто министры утверждали устав по предмету своего ведения. Еще через несколько лет утверждение уставов благотворительных обществ спустило на уровень губернаторов. И тут начался действительно массовый рост общественных организаций.

Российские общественные организации, в отличие, скажем, от американских, или британских, или даже в значительной части немецких, имели в то время существенно иной характер. В Америке и Европе численно (и по числу обществ, и по числу их членов) преобладали общества взаимопомощи самого разного типа.

В России в начале XIX века было не более двух десятков обществ. Однако к городской переписи 1910 года их числится уже четыре тысячи восемьсот, причем самых разных — гигантский рост относительно начала и даже середины века. Но сказать, много это или мало, очень сложно по одной причине. Эти общества часто пересекаются по своим функциям с коммерческими структурами. Очень трудно отличить, скажем, общество взаимопомощи приказчиков какого-то уезда от кредитной кассы или от частного кредитного банка. Поэтому до сих пор нет однозначной статистики. Просто никто эту скрупулезную работу не удосужился произвести. В связи с этим чрезвычайно важны квалификация и классификация этих обществ. Потому что общества,

выступающие под одним и тем же названием, могут иметь совершенно разный смысл и заниматься разными делами. Вот Петербургское политехническое общество — это чисто научное общество, занимающееся изучением именно научных вопросов, обсуждением научных статей, докладов. Это организация, объединяющая университетских и внеуниверситетских общественных и технических работников. Тогда как Московское политехническое общество — это касса взаимопомощи: вспомоществование учащимся средних и высших учебных заведений негуманитарного профиля. Называются оба общества одинаково, а смысл разный. Поэтому нет и общей статистики, и сколько-нибудь внятного представления о масштабах включенной в общественную жизнь публики. Существуют только отдельные расчеты по нескольким губерниям. После переписи населения в 1897 году по переписным листам делались довольно точные исследования лишь по Казани и Владимиру, двухсоттысячным городам, где в общественных организациях насчитывалось максимум по две тысячи человек.

Много это или мало? С чем сравнивать? Сравнить стоит с Североамериканскими Соединенными Штатами, которые были в этом смысле первопроходцами. Согласно Алексису де Токвилю, уже в начале XIX века три четверти американских граждан состояли в ассоциациях, не преследующих цели извлечения прибыли. Так тогда официально назывались общественные организации. В Америке уже в 20–30-е годы XIX века треть граждан объединены в такие организации. В России же к концу XIX века едва ли пять процентов городского населения готовы были включиться в эту деятельность.

Но и эти расчеты не точны, потому что следовало бы сделать скидку на воспо-

минания Ивана Ильича Петрункевича, активного общественника, который особенно много сделал для развития российской общественности. В его воспоминаниях есть замечательная фраза, характеризующая общество в Твери: «По вторникам мы встречаемся в качестве членов Русского географического общества, по четвергам мы сходимся в качестве членов Комитета грамотности». То есть одни и те же люди сходятся в разных организациях для совместных действий. Поэтому, надо полагать, что общественное участие в таких формальных институтах самоорганизации было в России все же сравнительно невелико. Разумеется, это не Румыния, не Болгария, но и не мировые лидеры, как Соединенные Штаты и Германия в этом смысле. Как всегда мы похуже одних и получше других.

* * *

Что прежде всего интересует в ту пору российское общество, ради чего люди объединяются в общества и союзы? Подавляющее большинство российских общественных организаций преследуют просветительские цели самого разного толка. Могут быть организации приходские, озабоченные вовлечением людей в христианскую жизнь и занимающиеся пропагандой церковных ценностей. Но по большей части это общества распространения современной литературы. Первая такая организация, самая авторитетная, возникает в Москве — это Московский комитет грамотности при Императорском московском сельскохозяйственном обществе, который создается еще в 1845 году. И его судьба особенно характерна: к концу царствования Николая I оно приходит в совершенное и полное ничтожество, а в начале 60-х годов числится только на бумаге. Однако история российских общественных организа-

ций на этом не кончается, как не прекращается и работа названного комитета, но уже в иных исторических обстоятельствах, когда самыми заметными в обществе становятся благотворительные организации.

Например, только в Петербурге в 90-е годы XIX века за лидерство по объему привлеченных средств и по числу действующих членов конкурировали два из них: Общество попечения о семьях ссыльных и Общество попечения о детях лиц, ссылаемых по судебным приговорам в Сибирь.

Привнесение культуры в политику, несомненно, должно быть обоюдным процессом. Если почему-либо это не происходит, роль политических институтов начинают брать на себя не предназначенные для этого культурные и просветительские общества, что мы и видим в России в конце XIX века, где население не обладало политическими свободами и никакие политические объединения были невозможны.

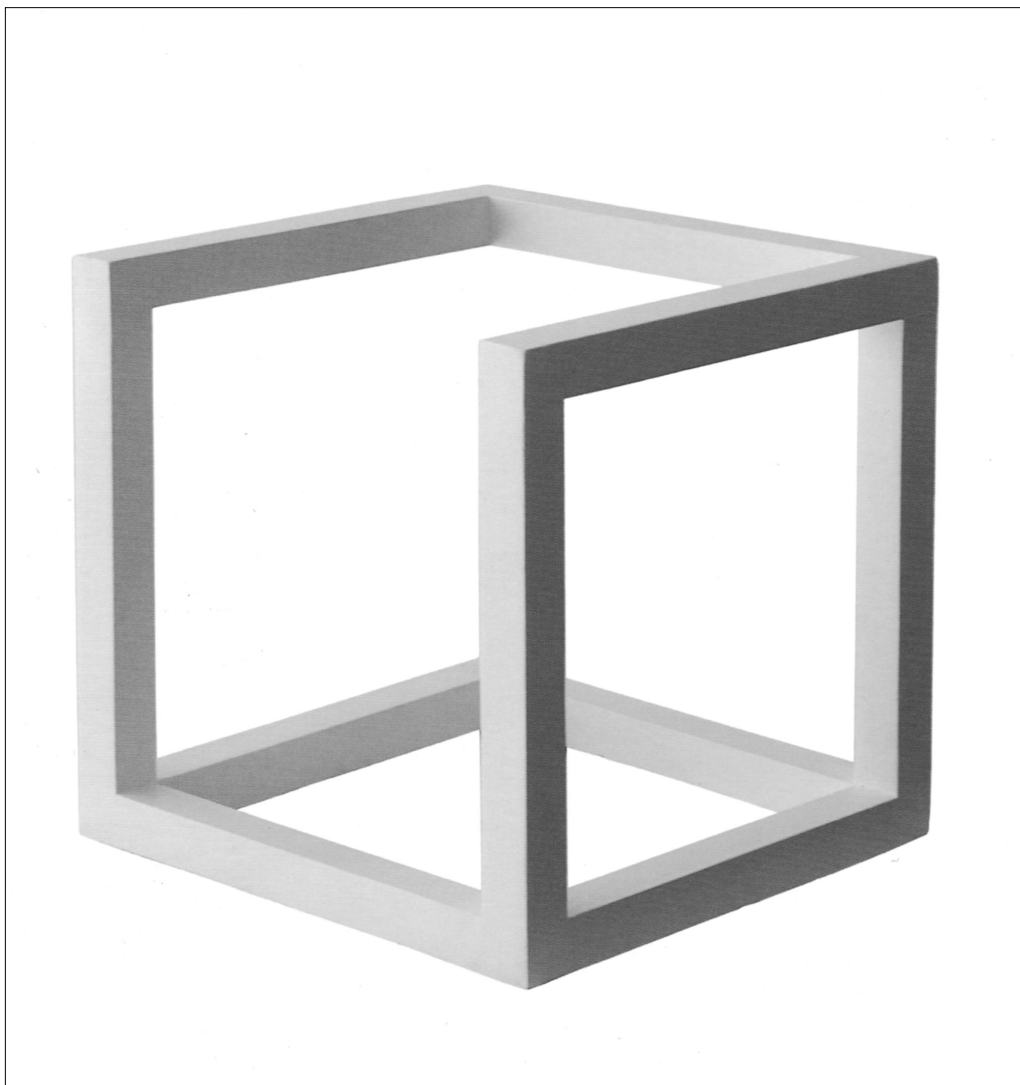
Однако вспомним о почти забытом эпизоде в нашей истории — страшном неурожае в Европейской России и южной части Сибири. То есть там, где собственно и занимались производством товарного хлеба. В силу стечения климатических обстоятельств там случился не только неурожай, но и начался голод. При этом подчеркну, что голодом в царской России называлось совсем не то, что в большевистской. Именно от голода в 1891 и 1892 году никто не умер. Умерли около 400 тысяч человек, когда зону голода накрыли тиф и холера. Это была ситуация хозяйственного кризиса, когда крестьянин, чтобы поддержать свое хозяйство и жизнь своего семей-

ства, вынужден был распродавать основные орудия производства. Эта ситуация и считалась голодом, и в это время включились механизмы помощи. Помощь голодающим была заботой земских учреждений. Они уже участвовали в таких кампаниях в 70-е годы,

Современные университеты универсальные ценности, как правило, не интересуют, они ориентированы скорее на другие: гендерные, политические, этнокультурные, поскольку считается, что все культуры примерно равноценны

правда локально: в Поволжье, в Самаре и Саратове. Но здесь задача была намного сложнее. Бедствие охватило, по разным оценкам, от 26 до 32 губерний России. Требовались солидарные действия земств разных губерний. Иначе, без их взаимодействия, происходила паника на рынке, дико взвинчивались цены и затруднялась вообще вся продовольственная кампания, которая заключалась в закупке хлеба земствами и раздаче продовольственных и семенных ссуд пострадавшему населению. Однако по закону земства были лишены возможности координации: всякая их деятельность ограничивалась масштабами губернии. Любая попытка объединения усилий с земством соседней губернии воспринималась как нарушение законодательства и вела к довольно жестким административным мерам. Но выход был найден.

Координация действий земств пошла через столичные просветительские и благотворительные организации, которые в силу своего статуса и устава имели преимущества в свободе деятельности. А именно — через Санкт-Петербургский

Сол Левитт. Незавершенный открытый куб. 1975

Комитет грамотности при Императорском вольном экономическом обществе и московский — при Императорском московском сельскохозяйственном обществе. Под видом проведения конференций по развитию сельского хозяйства на них съезжались делегации по продовольственному делу и уполномоченные от земств.

Однако правительством эти благотворительные акции воспринимались как политическая фронда, поскольку это происходило уже в эпоху контрре-

форм — отказа от того существенного расширения правового пространства, которое было совершено при Александре II в 60-е и 70-е годы. А в числе важнейших элементов правовой реформы — смягчение сословных границ, в результате чего значение сословий было подорвано; правительство их не защищало. Но с приходом Александра III на престол после царевубийства рост терроризма и революционного народничества был воспринят как следствие неудачи реформ,

разрушения истинно русской формы управления, покоящейся на сословном принципе. И тогда в 1889 году была проведена главная контрреформаторская акция, одна из самых радикальных и имевшая самые глубокие последствия. Был изобретен институт земских участковых начальников, ставший своего рода опекуном над крестьянским миром.

Если в эпоху реформ местное самоуправление было введено на уровне уезда и губернии (земское управление), а ниже его помещалось только крестьянское самоуправление (сельский сход и волостной сход), то теперь возникла довольно странная конструкция. Правами самоуправления стало пользоваться наименее привилегированное сословие, а помещик лишился власти на самом важном для него уровне низовой организации административного порядка. И тем самым он не имел никакого влияния на работу местного самоуправления, крестьяне сами распоряжались в своих волостях и селах. И правительство решило этот разврат ликвидировать, введя должность участкового начальника. Причем параметры этой должности были сформулированы так, что земский участковый начальник соединял в своем лице судебные и административные функции над крестьянским самоуправлением. И значит, мог отменить любое решение, наложить арест, назначить штраф по своему произволу. Но что более характерно, этот институт комплектовался почти исключительно из потомственных дворян. Для всего крестьянского населения это имело вид восстановления помещичьей власти в деревне, что по существу так и было. Именно эту цель преследовало консервативное правительство.

В результате, хотя распределением продовольственной помощи во время неурожая в рамках уезда и губернии зани-

малось земство, на низовом уровне вся эта кампания зависела от земского начальника, который не так давно появился, но уже вступил в контры с крестьянским самоуправлением, и ему надо было его как-то придавить. Кончается эта история тем, что к ноябрю 1891 года становится понятно: подавляющее большинство земских участковых начальников саботируют продовольственную кампанию. Хотя были, конечно, и исключения. Племянники и дети Льва Толстого, например, были замечательными земскими начальниками. Большинство же просто утверждало, что голода на их участках нет, а население в помощи не нуждается. Вопреки совершенно очевидной картине для любого проезжающего по участку.

Между тем общественные организации, занимавшиеся помощью, делают это, минуя земского начальника, находя других людей на местах. Как правило, это были низшие земские служащие: фельдшеры, врачи, статистики. То есть люди, живущие рядом с крестьянами и хорошо знающие их потребности и нравы.

Власть же немедленно стала рассматривать это как создание параллельных структур администрации. И на организации, которые приняли на себя функции координационных центров, обрушились гонения. Была послана суровая проверка в Комитеты грамотности, которая тянулась в течение пяти лет. Кончилось тем, что в 1896 году московский и петербургский комитеты были преобразованы в Общества грамотности, состоявшие при Министерстве народного просвещения, в полной власти министра. Они потеряли все свойства общественной организации: право формирования собственной повестки, право открытых заседаний, право издания литературы.

Прочитую в этой связи замечательный ответ Императорского вольного экономического общества на результаты кончившейся проверки, когда сначала ликвидировали Комитет грамотности, а потом взялись за ревизию самого общества, обнаружив большие непорядки и отклонения в его уставной деятельности. В результате потребовали пересмотра устава, а впредь до утверждения нового устава повелели производить даже малейшие действия общества не иначе, как с разрешения министра. Для этого из министерских чиновников была назначена специальная комиссия, которая должна была весь этот процесс курировать. А Вольное экономическое общество вынесло следующее постановление: «Старейшее общественное движение в России, стремящееся выражать общественные потребности времени и служить общенародным интересам, готово продолжать свою деятельность лишь при сохранении начал публичности, гласности и полной самостоятельности научного исследования. В связи с этим общество постановило прекратить свои заседания, впредь до возвращения к этим необходимым условиям».

* * *

Таким образом, к началу XX века становится ясно всем общественникам в России: никакая благотворительная деятельность даже на уровне уезда уже невозможна без политической реформы, потому что она не защищена от произвола губернатора, уездных властей и волостных начальников. То есть без общей политической защиты от произвола культурный процесс развиваться нормально не может. И начиная

с 1900 года просветительские и благотворительные общественные организации включаются в политическое строительство.

Политические партии либерального направления зарождаются фактически вместе с профессиональными союзами интеллигенции после появления в 1902 году журнала «Освобождение» под редакцией Петра Струве. Именно в это время возникают союз адвокатов, академический союз, союз телеграфистов, которые под видом взаимной помощи начинают формировать политическую повестку дня. Все это выходит на авансцену общественной жизни в ноябре 1904 года, когда в России началась «банкетная кампания»*.

Как это происходило? Учитывая, что в стране запрещалось проводить собрания даже разрешенного общества, имеющего устав; о каждом своем собрании оно должно было за неделю доложить представителям власти, представить программу, список участников и тезисы всех выступлений. В случае же малейшего отклонения от этой программы и выступающего от представленных тезисов общество сильно рисковало, вплоть до закрытия.

И тем не менее в стране во множестве возникают разные формы общественно-политической работы. Политических свобод нет, собраться на митинг невозможно, как и проводить собрания без уведомления, а пообедать можно. Кто вам запретит, например, пообедать с тостами? Ну, собрались люди, обедают и произносят тосты. Гениальное изобретение! И четыреста адвокатов города Симбирска в ноябре 1904 года устраивают банкет по случаю пятидесятилетия судебных уставов, на котором произно-

* Собрания представителей интеллигенции и земских либеральных деятелей под видом банкетов для обсуждения политических реформ. В ноябре-декабре 1904 года состоялось более 120 таких «банкетов» в 34 крупных городах. См. подробнее: Евгений Ефремов. Виктор Обнинский и Союз освобождения // *Общая тетрадь*. М., 2009, № 1 (47). — Прим. ред.

сятся зажигательные тосты. То есть борьба правительства со своим народом всегда обречена. Народа много, он придумает, как обойти любой государственный запрет, так как и в другом уездном городе собирается, например, общество приказчиков лесопромышленности и торговли, и тоже устраивает банкет по случаю юбилея судебных уставов. В ходе этих банкетов оттачиваются лозунги и требования, с которыми земские делегаты поедут несколько месяцев спустя на нелегальный съезд при легальном Комитете грамотности. После 1905 года обстоятельства жизни, естественно, изменились. В 1906 году были приняты временные правила об обществах и союзах. Обществами и союзами считались теперь и политические, и неполитические партии, получившие довольно большие права. С точки зрения формального закона свобода союзов законопроектом 1906 года была гарантирована. Но, увы, не была гарантирована практика свободного отправления формально декларированной свободы. Весьма значительная часть общественных организаций, особенно провинциальных, все-таки оказывалась под властью произвола администрации, прежде всего губернской. В губерниях были главные распорядительные органы, включая созданное после 1906 года присутствие по делам об обществах. Такая вполне казенная администрация без участия избранных делегатов и какого-либо присутствия общественности. Но эта чиновная организация легко придавливала неугодные общественные организации. Хотя масштаб произвола при этом, конечно, был разный, поскольку в губерниях были разные условия для работы общественных организаций в зависимости от большей или меньшей лояльности к ним губернатора и назначенных им членов губернского присутствия.

В 1917 году большевики, как известно, поступили с общественностью радикальным образом. Они ее просто отменили, она для их светлого будущего была не нужна. Общественные организации, основной принцип которых — свободное объединение ради некой свободно формулируемой цели — в советское время исчезли к концу 30-х годов. Последние были ликвидированы в эпоху большого террора. С параллельным созданием системы приводных ремней от партии к народу, то есть псевдообщественных организаций, никогда не обладавших главным качеством общественных, объединением свободных людей и публичным формулированием и провозглашением этими людьми каких-либо целей.

* * *

Почему дореволюционный опыт общественных организаций представляется мне в это связи чрезвычайно важным? Я не случайно подчеркивал, что главным импульсом их создания в дореволюционной России на протяжении всего XIX века было просвещение и образование человека в соответствии с свойственными цивилизованному миру канонами позитивного знания и обладанием эрудицией, которая позволяет вести практическую деятельность. Образование в XIX веке понималось в этом позитивистском просветительском смысле. Поэтому легко было мобилизовать на общественную деятельность любого образованного человека, даже если общество было благотворительное или общество вспомоществования, например, недостаточным ученикам коммерческого училища города Ржева. Хотя помощь совсем падшим, а это тоже довольно многочисленная группа организаций (Магдалиненское общество с приютами для алкоголиков, общества трезвости), не задавала тон и

Сэм Тейлор-Вуд. *Парящий автопортрет V*. 2004

не была самой многочисленной. Самыми многочисленными были общества прямого распространения знаний или их популяризации. Приведу два примера общественных инициатив, оставивших материальный след в российской культуре и московской архитектуре. Это частное дело Павла Третьякова, который передал свою коллекцию вместе с зданием галереи городу. И другой крупный просветительский проект, когда по случаю 200-летнего юбилея со

дня рождения Петра I Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии устроило в 1872 году пользовавшуюся огромной популярностью выставку, которая работала все лето в Манеже и выстроенных вокруг Кремля деревянных павильонах. Это была демонстрация роста русской науки и русской промышленности; не случайно после этой выставки Мосгордума и правительство решили построить для экспозиции специальное

здание (будущий Политехнический музей). Было найдено место и выделено из казны 500 тысяч рублей на строительство. Проект был завершен с участием общественности в 1907 году.

Таким образом, в имперской России главный импульс был просветительский и образовательный в рационалистическо-просвещенческой трактовке этого термина. Сейчас формирование общественных институтов происходит в существенно изменившихся обстоятельствах, и главным из них является изменение парадигмы просвещения. С тех пор как большевики закрыли последние подлинно общественные краеведческие организации, изменилась парадигма просвещения, а именно отношение к культуре и образованию. Светское образование в просвещенческом смысле преодолевало культуру как частность рождения, как частность сословного происхождения и должно было привести человека к некоторому набору универсальных ценностей без утраты профессиональных знаний. На протяжении XX века и особенно второй его половины благодаря появившимся новым технологиям культура взяла реванш над просвещением и образованием. Как выразился по этому поводу один американский социолог лет тридцать назад: «Рухнула модель образования как модель воспроизводства белого христианина мужского пола и гетеросексуальной ориентации». Разумеется, это шутка, но в этой шутке, как водится, есть и доля истины. Модель образования, некогда ориентированного на универсальные ценности и их познание, безусловно, умерла. Современные университеты эти ценности, как правило, не интересуют, они ориентированы скорее на другие: гендерные, политические, этнокультурные, поскольку

считается, что все культуры примерно равноценны. А значит, я возвращаюсь к сказанному выше, так или иначе, стимул для общественного служения, существовавший в императорской России, когда люди объединялись ради просвещения и реализации некоего идеала, — исчез. Сейчас этот идеал, который разогревал русскую общественность в XIX веке, на мой взгляд, отсутствует. Как будет в этой связи развиваться русское общество?

То, о чем я говорил, подталкивает меня к мысли, что не так, как в XIX веке. Общества просветительского типа, скорее всего, будут продолжать оставаться на обочине. А общественная солидарность будет формироваться на основе других установок и предпочтений. Каких? — я не знаю. Я историк, а история принципиально не прогностическая наука. Но, наблюдая за происходящими в стране событиями, предполагаю, что это будет скорее защита частных интересов материального свойства. Ведь когда и почему появляются общественные организации? Когда есть какой-то стимул. А что такое стимул? В буквальном переводе с латинского языка — остроконечная палка, которой погоняли животных; побуждение к действию. Сейчас это явно не образование и не воспитание, учитывая, что российское общество поменялось. Я сказал только об одном аспекте, что изменилось отношение к просвещению и образованию, и прежнего разрыва между высокой культурой и низкой практически не существует. В стране нет восьмидесяти процентов людей, существование которых определялось обычаями и навыками крестьянской культуры. Население современной России в культурном плане вполне гомогенно и в общественной сфере многое теперь зависит от обывателя-собственника.

*Станислав Станских,
руководитель Центра
конституционной истории,
преподаватель Высшей школы
государственного аудита МГУ
им. М.В. Ломоносова*

Вопросы для каждого из нас *(Заметки о семинаре в США)*

О программе «Открытый мир»

В условиях государственной кампании против независимых организаций гражданского общества и нагнетания антиамериканских настроений в России пока продолжает успешно функционировать программа обмена опытом «Открытый мир» (Open World), учрежденная в свое время по инициативе двух интеллектуалов — директора Библиотеки конгресса США Дж. Биллингтона и академика Д.С. Лихачева.

Программу администрируют Центр лидерства «Открытый мир» при Библиотеке конгресса США и Американские советы по международному образованию. Программа позволяет российским лидерам осуществлять краткосрочные визиты в США для знакомства с различными сферами американской общественной и частной жизни. В этой программе помогают различные государственные и неправительственные организации. Например, такие как «Сторонники гражданского общества в России» (Supporters of Civil Society in Russia, Inc.), «Акин, Гамп, Штраус, Хауер & Фелд» (Akin, Gump, Strauss, Hauer & Feld LLP), «Партнерство в поддержку местного самоуправления» (Local Government Partnership).

Вообще, стоит поблагодарить американских налогоплательщиков и их представителей за программу «Открытый мир», которая способствует взаимопониманию между россиянами и американцами. Эту благодарность я выразил послу США в России М. Макфолу на его твиттер-конференции 14 мая 2013 года.

Итак, в качестве выпускника Московской школы политических исследований я прошел отбор и был приглашен для участия в ознакомительном семинаре «Американский федерализм и публичная политика в США», который состоялся 8–18 мая 2013 года в Вашингтоне и Сент-Луисе (штат Миссури). Наша делегация состояла из выпускников МШПИ — давнего партнера программы «Открытый мир» — региональных и муниципальных депутатов, государственных и муниципальных служащих, преподавателей и представителей НКО, журналистов.

Первые дни визита прошли в столице США — городе Вашингтоне. Перед нами выступали ведущие американские инвесторы, политики, журналисты, политологи, лоббисты, архивисты, сотрудники сената конгресса США и Совета национальной безопасности США. Обсуждали взаимоотношения США и России, особенности инвестирования в развивающиеся рынки, лоббистской деятельности, независимой журналистики, а также вопросы транспарентности публичных институтов. Встречи проходили в Библиотеке конгресса США, в конгрессе США, в Музее первой поправки к конституции США, Музее журналистики и свободы слова (Newseum).

Основная часть программы нашего пребывания в США прихлась на города Сент-Луис и Клейтон (штат Миссури). Мы познакомились с работой исполнительных, представительных и межрегиональных консультативных органов местного самоуправления муниципалитетов штата Миссури, узнали особенности формирования эффективных стратегий развития городов, организации работы с местным сообществом, решением вопросов ЖКХ, побывали в Апелляционном суде штата Миссури, познакомились с работой благотворительных организаций, социальным обслуживанием бездомных, реабилитационным профилактическим центром для людей с психическими расстройствами. Наша делегация встречалась с представителями Университета штата Миссури в Сент-Луисе, слушала лекцию профессора Дэвида Робертсона по американскому федерализму, посетила школу для старшеклассников в городе Клейтон. Кроме этого, мы встречались с руководством общественного ТВ и радио штата Миссури и региональной торгово-промышленной палаты.

В Вашингтоне удалось побывать на хоккейной игре «Вашингтон Кэпиталс» с «Нью-Йорк Рейнджерс» в плей-офф кубка Стэнли и легендарной столичной «барахолке» Eastern Market. Культурная часть визита была не менее насыщенной: это концерт симфонического оркестра Сент-Луиса, выступившего с бетховенским репертуаром, запомнилось выступление известного блюзмена Маркиза Нокса на открытом воздухе перед Миссурийским историческим музеем, поразила местная блюзовая дива Ким Месси, певшая в баре The Beale на сент-луисском Бродвее. Средний Запад порадовал Ботаническим садом штата Миссури, бейсбольным матчем с участием команды St. Louis Cardinals — гордости жителей штата Миссури (правила ясны, но азарта не почувствовал), крупными торговыми миссурийскими центрами, легендарной пивоварней «Анхойзер Буш».

Об американском опыте

Америка — децентрализованная страна. Весь американский опыт общественной жизни вырастает из частных (от частного к общему). Члены нашей делегации все время допытывались у американцев об особенностях, например, их молодежной политики. В США нет государственной молодежной политики (как на федеральном уровне, так и на

уровне штатов), равно как нет и других государственных политик в привычном нам контексте. Децентрализация проявляется в том, что каждый штат самостоятельно определяет многие вопросы общественной жизни. Например, утверждает образовательные стандарты (при этом школами управляют... сами школы и жители). Даже автомобильные номера у каждого штата свои. У децентрализованных процессов много глаз, а значит, много разного контроля.

В США не столь велика концентрация ресурсов (финансовых, интеллектуальных и прочих) в одном штате (как в Москве), нет столь жесткой иерархии между Центром и регионами (как в России), есть сообщество штатов. Столица США — город Вашингтон — сугубо административный центр, где расположены учреждения федеральной власти, в нем живет сравнительно мало людей и нет промышленности. Лучшие университеты — негосударственные учреждения, имеющие частное финансирование, — находятся в разных штатах, а не сконцентрированы практически в одном месте, как в России. Переехав из одного штата в другой, вы не почувствуете особой разницы в уровне жизни, хотя у каждого штата свое законодательство, свои социально-экономические и климатические особенности. Что объединяет эти с виду разрозненные сообщества? В первую очередь федеральная конституция, конституционные ценности уважения человеческого достоинства, прав и свобод человека и гражданина, единое экономическое пространство. Все это подкреплено патриотическими элементами в виде национальных символов, идей, интересов.

США — страна «конституционной бюрократии». Один из наблюдаемых парадоксов состоит в том, что при определенной неупорядоченности всех институтов, американцы — весьма бюрократизированная нация. Это становится понятно еще при оформлении визы, разновидностей которой наберется более десятка. На мой взгляд, эту огромную бюрократическую машину заставляет работать только одно — соблюдение конституции и всех остальных правовых актов. В США стараются следовать собственным правилам и процедурам, даже если они устарели, потеряли актуальность.

Соединенные Штаты — страна сообществ. Школьное сообщество, университетское, группы по интересам, политические объединения и т.д. Вся общественная жизнь людей и институтов структурируется вокруг сообществ, которые являются основой американской демократии. В сообществах происходит формулирование и артикуляция интересов их членов, сообщества продвигают свои интересы на муниципальном, региональном и федеральном уровнях. Принадлежность к сообществу — важный элемент социализации и социальной мобильности. Сообщества как самоорганизующиеся общественные структуры вырабатывают свои стандарты и правила поведения. В результате существенное развитие получил институт репутации, которого так не хватает в России.

Соединенные Штаты — страна советов. И это не фигура речи, а факт американской общественной жизни. Самоуправление в США повсеместно. Сообщества самоуправляются через советы — муниципальные, попечительские, консультативные.

В основе решения многих вопросов в США лежит частная инициатива граждан. На местном уровне все возможно только при их активном участии. Например, кто-то предлагает построить мост через реку и оптимизировать тем самым транспортную сеть своего района. Он находит в своем районе единомышленников, люди встречаются, обсуждают оптимальный вариант (как организационный, так и финансовый) решения проблемы, затем формулируют запрос в муниципалитет и т.д. Как правило, сам муниципалитет не будет предлагать гражданам построить мост. Зачем? Если нет потребности и запроса от жителей, то и делать это обычно никто не будет. И вообще, муниципальная власть занимается в основном вопросами ЖКХ и городской инфраструктуры. По запросу местных сообществ муниципалитет может помочь им решить тот или иной вопрос, не связанный с инфраструктурой. Но обычно в этом нет необходимости, ведь муниципалитет — это всего лишь одна из структур местного сообщества, наделенная четкой компетенцией. И если необходимо решить вопрос, который не относится к компетенции муниципалитета, то городское сообщество обращается к другим структурам — например, всевозможным негосударственным советам, ассоциациям и объединениям.

В США суды часто выносят оправдательные приговоры (до 25% от общего числа). Это, конечно, необычно для современной России, где эта цифра не больше 3%. А еще многие американцы против смертной казни, но не по религиозным мотивам, а из-за понимания возможности судебной ошибки.

В США публичный интерес понимается уже, чем в России. У нас публичный интерес носит тотальный характер, им оправдывают любые дискриминации и ограничения. При этом в США развит институт коллективных частных исков, которые выполняют еще и антимонопольную функцию.

США — страна волонтеров. США как страна сообществ состоит из огромного количества волонтерских организаций. Лучшие волонтеры получают по президентской волонтерской программе даже сертификат, подписанный президентом США, и президентскую медаль Почета (!). Волонтерство эффективно встроено в систему американского общества: сложно быть успешным человеком и не быть при этом волонтером, волонтерский опыт учитывается при обучении, при получении грантов, при карьерном продвижении и т.д. Волонтерство дает возможность общаться по интересам. Кроме того, эта деятельность — часть культурной традиции. А. Токвилль писал, что американцы с большим желанием помогают друг другу. В США помогать другим — это честь и привилегия. Волонтерство затрагивает не только низовые квалификации, но и касается участия жителей в управлении некоммерческими организациями (правление, совет директоров, попечительский совет и т.д.).

Многие американцы занимаются волонтерством через церковь.

Государство не регулирует (не вмешивается) в волонтерскую деятельность, а только упрощает налогообложение для НКО и благотворителей.

США — страна транспарентных государственных органов и учреждений. Большая часть информации о деятельности государственных структур находится в открытом доступе или может быть получена по запросу.

Законодательство об открытости органов власти состоит из Закона о свободе информации (Freedom of Information Act) 1966 года, Закона о федеральных консультативных комитетах (Federal Advisory Committee Act) 1972 года, Закона о неприкосновенности личной жизни (Privacy Act) 1974 года и Закона об открытости деятельности государственных органов «Власть как на ладони» (The Government in the Sunshine Act) 1976 года. Последний закон дословно переводится как «Власть под светом солнца» и сокращенно называется просто «Закон солнечного света» (Sunshine Law). Этот федеральный закон и аналогичные законы штатов об открытости органов власти требуют при обсуждении решений, затрагивающих права и интересы населения, проведения открытых заседаний органов власти, а также открытости информации, связанной с принятием решений.

Закон штата Миссури (Missouri Sunshine Law) предусматривает, что «встречи, документы, результаты голосования, мероприятия государственных органов должны быть открытыми для общественности».

Конечно, в США существуют проблемы, связанные с доступом граждан к засекреченной информации. Практика крупнейшего в США негосударственного Архива национальной безопасности при Университете Дж. Вашингтона показывает, что, например, ЦРУ расстается с секретными документами только через суд. Поэтому работа по рассекречиванию архивов требует терпения и времени, но в конечном итоге она при-

носит свои плоды (общество через ученых и журналистов лучше информируется о состоянии дел и своих служащих, этим снижается градус социальной напряженности). Кстати, американцы в целом неплохо оценивают российское архивное законодательство, а проблему видят в правоприменении.

Общественное телерадиовещание штата Миссури. Сент-Луис в журналистском мире прославил Дж. Пулитцер. Поэтому традиции этого ремесла на Среднем Западе на высоком уровне.

Общественное телевидение «9-й канал» (www.ninenet.org) финансируется только на 5–10% из государственного бюджета, остальное финансирование — сугубо из частных и негосударственных источников. Поскольку общий бюджет канала составляет около 10 млн долларов, на канале нет собственных ежедневных передач. Акцент делается на ТВ-передачи, которых нет на коммерческих каналах, которые им неинтересны из-за низкой рентабельности. Это культурные, образовательные, новостные передачи.

Криминальные новости показывают другие каналы, на этом они и зарабатывают. Поэтому на общественном телевидении минимум информации об убийствах. Разве что могут освещаться коррупционные случаи. ТВ-программу стараются делать без ориентации на возрастные или демографические группы, хотя есть передачи и для молодежи — например, «Американский выпускник».

На общественном ТВ и радио обсуждают конкретные проблемы, не гоняются за сенсациями, большое внимание уделяют дискуссиям. В США другая культура новостей и дискуссий, всегда есть противоборство, политики ждут серьезных, неимитационных вопросов. Спорт не освещают и спортсменов не приглашают. Общественное вещание занимается тем, чем не занимается рынок. В общем, общественное телевидение для ответственных налогоплательщиков.

Радио в штате Миссури (www.stlpublicradio.org) вещает для 10% населения, то есть примерно 250 тысяч человек. При этом еще в 1980-е годы в его редакции обсуждалась идея создания собственного сайта. Ее реализации помешал прагматический на тот момент довод об отсутствии у многих американцев компьютера.

Общественное телевидение независимо от государственного влияния и частных спонсоров. По мнению одного популярного телеведущего «9-го канала», любое давление на него просто исключено: он сразу уволился бы. Понятно, что не все могут себе это позволить, но если не вдаваться в детали, сам этот подход, безусловно, заслуживает уважения.

И еще. По мнению американцев, свобода слова важнее, чем риск коррупции. А проблема коррупции — это вопрос прозрачности.

США — страна выборов и референдумов. Выборы не самоцель, а средство подотчетности должностных лиц избирателям, определения лучших представителей. В США избирают даже руководителей пожарных отделений и представителей в советы школьных округов («районы»). На референдумах разного уровня решаются вопросы общественной и госу-

дарственной жизни (например, выпуск государственных облигаций, легализация однополых браков и т.д.).

Местная демократия в действии, развитие городской среды. В городском округе Сент-Луиса очень консервативный подход (если не сказать больше — архаичный) к цензовым ограничениям для кандидатов в городской совет (он же совет старейшин). В частности, он предполагает следующие требования: минимальный возраст кандидата не менее 28 лет (!) и проживание в городе не менее пяти лет. Для сравнения: для кандидата в палату представителей конгресса США достаточно 25-летнего возраста, в Государственную думу РФ можно избираться, как известно, с 21 года. Таким образом, от процесса принятия решений отстраняется фактически все молодое поколение (даже если есть опасения о недостаточной зрелости депутатов, трудно представить, что снижение возрастного ценза заполнило бы весь горсовет молодежью). Ценз оседлости в пять лет также необоснованно велик и не учитывает мобильность населения и миграционные процессы, когда местная власть должна быть максимально приближена к жителям.

В городке с населением в 15 тысяч жителей (Клейтон) сити-менеджер подчиняется семи выборным лицам — мэру и шести членам совета, работающим на полставки. Заседания совета проходят дважды в месяц по вечерам, обычно на эти заседания приходит много людей (и время провести, и вопрос задать, и проблему поставить).

США — страна толерантности. Американцы стараются быть терпимыми к другому: к иному мировоззрению, образу жизни, поведению и обычаям, вероисповеданию, национальности. В государстве со сложным этноконфессиональным составом политика толерантности создает прочную основу (хотя не обходится и без перегибов) для адаптации и ассимиляции приезжих в американское общество, минимизации конфликтов.

Границы толерантности, как известно, в разных обществах различны. Это особенно остро чувствуется сегодня на примере такого вопроса, как гомосексуализм и однополые браки. В США этой проблеме на публичном уровне уделяется большое внимание: четверть американских штатов уже легализовали однополые браки (через суд, закон или референдум), в то время как в большинстве штатов они запрещены. Несмотря на то что федеральный окружной суд уже высказался в пользу однополых браков, признав неконституционным Федеральный закон о защите традиционного брака между мужчиной и женщиной (DOMA), окончательное решение вопроса ожидают от Верховного суда США*.

Несколько слов об образовательной среде. Университет штата Миссури в Сент-Луисе, который был одним из соорганизаторов нашего семинара, заинтересован в программах обмена с любыми российскими университетами. Университет Миссури готов принять группу студентов из Рос-

* К моменту сдачи статьи в печать Верховный суд США подтвердил конституционность однополых браков в тех штатах, где они разрешены. — Прим. ред.

сии по обширной тематике (от биологии до федерализма) с проживанием в студенческом кампусе. Пожелания к партнерскому университету в России следующие: преподавание дисциплин(ы) на английском языке для американских студентов и обучение русскому языку как иностранному. К сказанному добавлю: у каждого штата собственная система образовательных стандартов, которые сейчас в США пытаются унифицировать. Это делается через разные сообщества (например, учительские). Вообще, исходя из полученного опыта, могу рекомендовать неплохую статью в Википедии «Система образования США».

Приведу некоторые полезные для России факты, связанные с образованием в штатах. Большинство американских детей учатся в бесплатных государственных школах. Однако в США есть и система частных школ, которые дают в основном элитарное образование. Бесплатные государственные школы управляются главным образом избранными населением школьными советами (School Boards), каждый из которых имеет юрисдикцию над школьным округом, чьи границы часто (но не всегда) совпадают с границами округа или города, и которые содержат одну или несколько школ. Школьные советы устанавливают школьные программы, нанимают учителей и определяют финансирование программ. Администрации штатов регулируют образование в своих границах, устанавливая лишь стандарты и участвуя в процедуре экзаменации школьников. Финансирование школ штатами часто определяется тем, насколько повысилась успеваемость их учеников на экзаменах.

Деньги на школы берутся в основном из местных (городских) налогов на недвижимость, так что качество школ сильно зависит от цен на дома и от того, сколько налогов родители готовы платить за хорошие школы. Часто это приводит к порочному кругу. В округах, где школы заработали хорошую репутацию, съезжаются родители, стремящиеся дать детям хорошее образование. Цены на дома растут, и комбинация денег и целеустремленных родителей поднимает школы на еще более высокий уровень. Обратное происходит в бедных районах.

Некоторые большие школьные округа учреждают «школы-магниты» для особо талантливых детей, проживающих на территории их юрисдикции. Иногда в одном округе бывает несколько специализированных школ: техническая школа, школа искусств и др.

Повторюсь, школы самоуправляются. Средний годовой бюджет на одного школьника в сент-луисском городском округе составляет около 6–7 тысяч долларов США, в то время как в престижных школах на одного ученика тратится около 15 тысяч долларов (например, в Клейтонской школе для старшекласников, где была наша делегация). Если школьник захочет учиться в школе другого района, его родители должны будут оплачивать обучение.

Школьники сдают экзамен на знание конституции США и конституции штата и обладают свободой при выборе учебных дисциплин. Меня лично удивило, что в Клейтонской школе для старшекласников — одной из лучших в США — работают шесть психологов. Вопрос подростковой агрессии актуален и для привилегированных школ.

Роберт Моррис. Без названия. 1969

Учителя обязаны избегать политизированности занятий (принцип непартийности обучения). Учитывая, что в США сложилась двухпартийная политическая система при политическом плюрализме, в Клейтонской школе для старшеклассников проходят сенаторские игровые дебаты, есть Клуб молодых республиканцев и Клуб молодых демократов. Последний наиболее популярен, поскольку клейтонцы в большинстве своем поддерживают демократов.

Религия в большинстве школ преподается в широком контексте (роль религии в обществе), то есть с социологической, а не с теологической точки зрения.

Об американцах. Они, конечно, разные. Но запомнилось несколько особенностей. Во-первых, американцы — открытый, дружелюбный

народ. Они всегда стараются быть приветливыми, здороваются с незнакомыми, улыбаются, извиняются, если есть хотя бы намек на нарушение ими вашего личного пространства. Эта черта невероятно подкупает. Во-вторых, стараются избегать конфликтов. Возможно, потому что это невыгодно. В-третьих, с детства американцев учат искусству самопрезентации. Если ты умеешь себя подать, твои шансы на успех растут. Приятно удивила манера выступлений большинства докладчиков — никаких пауз, слов паразитов, поставленная речь, умение четко отвечать на поставленные вопросы, замечательные презентационные материалы. В-четвертых, американцам с детства прививается понимание необходимости и пользы волонтерства. В-пятых, у многих американцев большие семьи — по три-четыре ребенка. В-шестых, американцы действительно не всегда хорошо знают всемирную географию. Более того, наши американские коллеги жаловались, что не все американцы знают, где находится даже Сент-Луис.

О чем говорили американские докладчики

Россия и США, отмечали выступавшие перед нами представители Совета национальной безопасности США, не являются врагами, и усилия сторон должны быть направлены на сокращение военных угроз, на нераспространение оружия массового поражения, а в перспективе — на международное региональное сотрудничество.

Вместе с тем, по их мнению, Россия — супердержава, потому что обладает ядерным арсеналом, способным уничтожить весь мир, а также самой большой территорией и ресурсами. Я же обратил их внимание, что такое понимание державности архаично и скорее соответствует XIX или XX веку. И отметил, что в великой державе в XXI веке должно обеспечиваться верховенство права, соблюдаться права и свободы человека и гражданина, в том числе и право на безопасность. В этом смысле Россия не является пока великой державой.

Вообще, встреча с представителями Совбеза США оставила ощущение, что здесь теряют веру в верховенство права или уже не считают это приоритетным направлением во внешней политике, заставляя вспомнить слова Т. Джефферсона: «Тот, кто отдает свою свободу за безопасность, не получает ни того, ни другого».

Между Россией и США недостаточно каналов для общения, поэтому фактор личных контактов крайне важен, считают американцы. Все руководители посткоммунистической России выступали с заявлением о желании улучшить отношения с США и стремились освободиться от наследия холодной войны.

По мнению представителей Совета национальной безопасности, основная причина, по которой США не могут отменить визы для граждан России хотя бы в одностороннем порядке, вовсе не политическая или бюрократическая, а сугубо прагматическая: статистика правонарушений, допускаемых россиянами.

По мнению американских докладчиков, не дело США решать российские проблемы. Должно быть взаимовыгодное сотрудничество. У США и России много общего во взглядах на мир.

Спецслужбы США будут помогать России обеспечивать безопасность Олимпиады 2014 года в Сочи. Об этом достигнута договоренность между Б. Обамой и В. Путиным.

Инвестиции в Россию. Россия только развивается, но за 20 лет достигла заметных успехов, отмечали американские эксперты. Между Россией и США — невысокий торговый оборот. Человеческий капитал — самый большой актив России. «Встроенность» в глобальный мир выгодна россиянам. Коррупция есть в любой экономике, различаются масштабы. В США чувствуется российская озабоченность проблемой. Если будут социальные перемены, от этого выиграет все общество. России нужен новый бренд.

Преимущество России — невысокие налоги, недостаток — инфраструктурные проблемы. В России по-прежнему есть сферы, куда можно вкладывать деньги.

Представительство интересов и законодательный процесс в США. Конгресс США состоит из палаты представителей и сената. Членов палаты представителей избирают на два года, сенаторов — на шесть лет. Выборы каждые два года делают представителей более подотчетными населению, однако и популизм в нижней палате крайне высок. Сенаторы же могут не думать о частых пере выборах, а должны сосредоточиваться на парламентской работе. Сенаторы преодолевают популизм нижней палаты конгресса, фильтруя ее законопроекты.

США — родина лоббизма. Лоббисты помогают законотворцам, предоставляют полезную информацию и аналитику, служат эффективным инструментом обратной связи при принятии решений. Поскольку правом законодательной инициативы обладают только конгрессмены, даже правительство обращается за помощью к лоббистским организациям, чтобы те убедили того или иного конгрессмена внести законопроект. При этом в США жесткое регулирование лоббистской деятельности, направленное на минимизацию коррупции.

Годовой бюджет сенатора и его аппарата зависит от численности населения штата. Например, бюджет сенатора от штата Миссури, у которого работает около 40 человек (20 — в Вашингтоне и 20 — в Сент-Луисе) составляет около 10 млн долларов США.

Аппарат и бюджет члена палаты представителей одинаков и составляет 10 человек и 1,5 млн долларов соответственно.

Большое количество американцев работает у конгрессменов на общественных началах.

О некоторых американских проблемах

Как известно, любая медаль имеет обратную сторону. Мне показалось, что в США до конца еще не решены расовый и национальный вопросы. (Кстати, интересное наблюдение: в США на классические концерты

ходят в основном белые пожилые люди, видимо, это свидетельствует о разных культурных предпочтениях белых и чернокожих.) Одной из проблем также является асоциальность и бедность части населения. Есть проблемы в общении американцев между собой. С одной стороны, под маской радушия и натянутых улыбок нередко скрываются неискренность и равнодушие. С другой стороны, из-за того что США — одноэтажная страна («одноэтажная Америка»), страна частного сектора, частных домов (расстояния между ними достигают порой приличных размеров), людям не всегда удается общаться друг с другом. Обычно общение происходит по выходным в рамках местных сообществ, которые часто объединяются по интересам вокруг тех или иных религиозных общин и приходов (США — религиозная страна, но нет ни одной доминирующей религии, что обеспечивает основу для религиозного плюрализма). Особенно это актуально для пенсионеров, у которых нет естественного круга общения на работе. Из других проблем стоит отметить проблемы межведомственных согласований, а также случаи коррупции и криминала.

Отдельные факты о США

США не враг России, Россия не враг США. Россия вообще перестала представлять для США интерес № 1. Это место теперь занимает Китай (основные долги США — это долги Китаю). Кстати, США (я имею в виду и госорганы, и НКО, и бизнес, и просто американцев) активно сворачивают гранты, связанные с изучением России по трем причинам: бюджетный дефицит и экономические проблемы; Россия — обеспеченная страна (по среднему ВВП на душу населения) и к тому же не враг; часть средств перенаправляются на изучение... конечно, Китая.

В США на coffee-break обычно подают только кофе. Чай пьют редко, и он не лучшего качества (я не беру во внимание специализированные места).

В США везде кондиционеры. Вдобавок к ним еще везде норовят положить лед во все напитки (если чай, то холодный).

В США большие порции еды, большие дома, большие машины. Всего много, страна изобилия. На мой взгляд, чрезмерно много. Например, в моем гостиничном номере было больше 10 различных полотенец.

Размышление о российском опыте

Сравнение российского и американского опыта было, к сожалению, не в пользу России. Всех членов нашей делегации постоянно волновал вопрос: «Почему у нас не так?» Почему дороги разбиты или вовсе отсутствуют, почему цензура, почему неэффективность, почему нет равенства всех перед законом, почему нет независимого и справедливого суда, независимой журналистики. И тут же находились ответы: коррупция, воровство, наследие прошлого, выражающееся в патернализме и неуважении человеческой личности, негативные особенности нацио-

нального характера (необязательность, надежда на «авось», недисциплинированность, пьянство, зависть к чужому успеху, подозрительность к всему новому и иному, лень, откладывание дела на потом, фатализм, недоверие и т.д.).

В России продолжается поиск национальной идеи. Кто-то видит ее в том, что Россия «спасет мир». Интересно, как мы спасем мир? За счет чего? Что Россия сможет предложить миру в современных условиях глобализации кроме энергоресурсов? Мы будем спасать мир с грязными туалетами в лучших отечественных университетах, с нашим алкоголизмом и наркоманией, утопая в грязи дорог?! В чем, наконец, состоит формула российского национального счастья? Мы будем продолжать рассуждать о демократии, например в Северной Корее и Зимбабве, но при этом жить в деревнях в домах с покосившимися крышами? Рядовые американцы мало интересуются международными вопросами лишь потому, что они сосредоточены на решении своих повседневных проблем (дом, улица, город, регион, страна). Приоритетность наших проблем выстроена в иной последовательности (мир, страна, регион, город, улица, дом). Наши собственные дом и жизнь — на последнем месте. Почему так вышло — более-менее понятно: крепостное право и советская идеологическая машина сделали свое дело. Но почему мы сейчас не можем осознать губительность такой модели? Очевидно, российскому государственному капитализму образца начала XXI века это выгодно, поскольку облегчает коллективные манипуляции.

Права не дают, за них борются, их отстаивают. Без понимания сути конституционализма, прав человека, человеческого достоинства россиянам не стать нормальной нацией. В этом смысле одной из решающих задач должно стать введение экзамена по основам граждановедения, на знание конституции в учебных заведениях среднего и высшего образования, при предоставлении гражданства Российской Федерации. Это должно быть не выхолощенное обществоведение времен СССР, а наполненная реальным смыслом учебная дисциплина. Как граждане реально могут контролировать власть и своих представителей? Какие гарантии возможны для предотвращения узурпации власти одним органом? Как правильно платить налоги? Как воспользоваться своими правами и свободами, защитить их в суде?

Вместо гражданского просвещения и развития конституционного правосознания граждан российские государственные деятели увлеклись политическим модерированием в качестве основной задачи внутренней политики. Нетрудно догадаться, что такая политика, особенно последнего десятилетия, в историческом масштабе обречена.

Знакомим читателя с нашими свежими изданиями, публикуя аннотации и фрагменты текста, дающие представление о книгах.

Сергей Белоконь. Синий Магистр. М.: Московская школа политических исследований, 2013. — 208 с.

Эта книга — литературное повествование о жизни и творчестве русского педагога-гуманиста, просветителя, литератора Януария Михайловича Неверова (1810–1893). Он был близким другом Н. Станкевича, Т. Грановского, его знали и высоко ценили Н. Гоголь, И. Тургенев, В. Белинский, А. Герцен и другие выдающиеся интеллектуалы той эпохи. Особую известность и благодарность современников и потомков Я. Неверов снискал своей деятельностью на ниве народного просвещения, в частности на Ставропольской земле. Здесь особенно ярко реализовались его новаторские педагогические идеи духовно-нравственного развития детей, формирования в школе благоприятной среды для усвоения цивилизационных навыков и идеалов.

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Эта светлая и грустная одновременно книга о забытом в наши дни талантливом русском педагоге Януарии Михайловиче Неверове (1810–1893).

Что побудило этого человека стать педагогом (лат. *magister* — наставник, в дореволюционной России — ученая степень, присуждавшаяся выпускникам университета, защитившим диссертацию), а не революционером, как многие его современники? А ставропольского журналиста и писателя Сергея Владимировича Белоконя (1952–2000) — рассказать о его жизни?

Отвечая на эти вопросы, процитирую вначале А.С. Пушкина — из его «Заметок по русской истории XVIII века», написанных в августе 1822 года в Кишиневе.

«Петр I не страшился народной свободы, неминуемого следствия просвещения, ибо доверял своему могуществу и презирал человечество,

может быть, более, чем Наполеон. [...] все состояния, окованные без разбора, были равны перед его *дубинкою*. Всё дрожало, всё безмолвно повиновалось»*. И страницей ниже: «Одно только страшное потрясение могло бы уничтожить в России закоренелое рабство; нынче же наша политическая свобода неразлучна с освобождением крестьян, желание лучшего соединяет все состояния противу общего зла, и твердое мирное единодушие может скоро поставить нас наряду с просвещенными народами Европы».

Однако «желание лучшего» и надежды декабристов (друзей Пушкина) на «твердое мирное единодушие», способное поставить Россию в один ряд с просвещенными народами Европы, когда после смерти Александра I они вышли на Сенатскую площадь, чтобы потребовать у членов Сената и Государственного совета обнародовать «Манифест к русскому народу», в котором провозглашались отмена крепостного права и гражданские права и свободы, как известно, не оправдались.

Самодержавие и просвещение — вещи несовместимые, замечает по этому поводу Натан Эйдельман в своей книге о декабристе Михаиле Лунине. «Просвещая, Петр подводит мину под всевластие Романовых, но мину замедленную... Более просвещенные будут покамест слушаться даже лучше, чем прежние невежи, петербургская дубинка крепче московской»**. А философ Мераб Мамардашвили в годы перестройки в одной из своих лекций скажет: «Петр I так пустил свой корабль государственности по пути прогресса, что его условием стало колоссальное расширение крепостничества. Согласно известной формуле: люди должны быть инициативны и изобретательны и при этом абсолютно послушны»***.

Так каким же образом после разгрома движения декабристов можно было сочетать то и другое, покорность и инициативу в условиях сохранявшегося государственно-бюрократического контроля, породившего такие «исторические сцепления», в результате которых люди стали относиться к окружающему миру, включая власть, как к некоему существу, которое будто бы награждает их за некие заслуги либо является источником специально направленного против них зла.

Для «Синего Магистра» такого мира, судя по его биографии, не существовало, так как он считал, что мир творится в наших головах, и человек должен учиться думать, чтобы стать *личностью*.

Признаюсь, я узнал о Неверове случайно, после проведенного Школой семинара в Ставрополе, когда один из его участников посоветовал мне найти в Интернете и посмотреть посвященную Неверову книгу «Глагол

* Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. VIII. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. — С. 122.

** Эйдельман Н. Лунин. — М.: Молодая гвардия, 1970. — С. 8. («Жизнь замечательных людей». Серия биографий.)

*** Мамардашвили М. Эстетика мышления. — М.: Московская школа политических исследований, 2000. — С. 216.

будущего», изданную Ставропольским государственным университетом. Я нашел ее и был поражен прежде всего ее объемом (более 1000 стр.). Оказалось, что кроме собранных и переизданных его философских, педагогических и литературно-критических работ в ней опубликованы также сочинения воспитанников Ставропольской губернской гимназии, директором которой он был в 50-е годы XIX века, и исследования разных лет о самой гимназии.

В предисловии к «Глаголу будущего» говорится: Ставропольская гимназия была в те годы, возможно, лучшей в стране, и это притом что Ставрополь был провинциальным городом южной окраины России, а образовательная система только начинала складываться. «Привел же в движение умы гимназистов Януарий Михайлович Неверов, просветитель, педагог, философ, литератор. Это имя должно быть вписано золотыми буквами в историю нашего богатого событиями, в том числе культурными, но всегда исторически неспокойного края», — подчеркивает филолог, профессор Клара Эрновна Штайн. Неверов был членом кружка Н.В. Станкевича, другом Грановского и Тургенева. Воспитание, считали члены кружка, — «преображение души, развитие разума, воли, чувства человека... То, что А.И. Герцен, В.Г. Белинский, И.С. Тургенев воплощали в литературном творчестве, Я.М. Неверов претворял в жизнь, реализовал в конкретной деятельности... В развитии и преобразовании крайне отсталой в то время России главная установка делалась им на образование, основанное на реальных достижениях европейской цивилизации»*.

Современный человек, заключает К.Э. Штайн, может многое почерпнуть из биографии Я.М. Неверова и его трудов, но главное, из работ его учеников — конкурсных сочинений гимназистов**. «Они убеждают в подлинной действенности философско-педагогической системы Я.М. Неверова и преподавателей, его сподвижников, дают реальные примеры того, что может сделать образованный творческий педагог даже в самые неблагоприятные для просвещения времена».

Возвращаясь к Пушкину, напомним, что в 1826 году по распоряжению Николая I, которое имело для Пушкина характер политического экзамена — он должен был осудить существующую систему воспитания, как явившуюся причиной декабристского движения, поэт пишет записку «О народном воспитании» и отправляет ее царю. Царь ее прочитал, и на основании его устного отзыва Бенкендорф отправляет поэту письмо с нравоучением: «Принятое вами правило, будто бы просвещение и гений служат исключительным основанием совершенству, есть правило опасное для общего спокойствия, завлекшее вас самих на край пропасти и повергшее в оную толикое число моло-

* *Глагол будущего /Под ред. д-ра филол. наук, проф. К.Э. Штайн. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2007. — С. 16.*

** *См. Приложение.*

дых людей. Нравственность, прилежное служение, усердие предпочтительно должно просвещению неопытному, безнравственному и бесполезному»*.

Не вдаваясь в анализ записки, скажу лишь, что под «народным воспитанием» Пушкин, как и впоследствии Неверов, имел в виду, разумеется, не просвещение умов с помощью бесполезных знаний, а *воспитание историей*, полагая, что именно отсутствие такого воспитания рождает своеволие мысли, порчу нравов и в конце концов распад общества. То есть, иными словами, отсутствие «деятельных умов», готовых и способных реализовать свое призвание, проходя жизненный путь и извлекая опыт. Ибо историческим и, следовательно, человеческим является только *извлеченный* опыт, и только благодаря ему можно, на мой взгляд, постепенно преодолеть дурное повторение одного и того же в нашей стране.

Ю.П. Сенокосов

ПО НОВОМУ ПУТИ

1

Без места, без гроша в кармане, с тягостным чувством неизвестности вернулся Януарий в Петербург. Все предстояло начинать сначала. Подобно безрассудному пловцу бросился он навстречу новым испытаниям, разом перечеркнув прежние надежды.

К черту — редакторство в журнале!

К дьяволу — никому не нужные литературные опусы!

Просвещение народа — вот смысл его существования отныне.

Что-то ждет его впереди?

2

Андрей Александрович Краевский встретил Неверова как родного, однако был, признаться, немало огорошен, услышав довольно категоричный отказ от сотрудничества. «Гордец», — решил он про себя. «Да у него просто ум за разум зашел, — разводили руками некоторые давние знакомые Януария, — начитался Гегеля».

Януарий только подогревал эти разговоры, пытаясь категоричностью суждений и поступков скрыть охватившее его смятение.

Был, был, конечно, соблазн повернуть все вспять, по старому руслу: пописывать статейки, ходить по салонам, в лучших театрах слушать музыку и смотреть блистательных актеров, получать, наконец, положенное жалование и делать незаметное, но, вероятно, полезное обществу дело.

Был соблазн. Однако течение уже увлекло его достаточно далеко, чтобы что-то изменить.

* Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. VII. С. 664.

3

Сильные мира сего любят иногда поиграть в меценатов. В самом деле, разве помешает иметь зримое подтверждение своего благородства, доброты и душевной чуткости?!

Нечто подобное, наверное, испытывал Сергей Семенович Уваров, помогая Неверову. Еще бы! Обласкал и пригрел круглого сироту, бедного студента, пристроил на службу и сделал возможной блестящую будущность!

Сергей Семенович снисходительно простил Януарию его метания. «Молод, несмышлен, не хлебнул лиха из полного ковша. Образумится». Короче, не без вмешательства министра Неверова вскоре назначили инспектором гимназии в Ригу, граф Уваров лелеял мысли о преобразовании учебных заведений Остзейского края.

Чтобы яснее представить себе время и обстановку, в которой наш герой осуществлял благородную идею просвещения народа, приведем фрагмент из воспоминаний известного русского историка Сергея Михайловича Соловьева, названных весьма пространно: «Мои записки для детей моих, а если можно, и для других».

4

Из записок С.М. Соловьева

Начиная с Петра до Николая просвещение народа было целью правительства, все государи сознательно и бессознательно высказывали это; век с четвертью толковали только о благодетельных плодах просвещения, указывали на вредные следствия невежества в раскольничестве, в суевериях. Самодержцы и самодержицы, разумеется, смотрели односторонне на дело, именно смотрели на него с одной материальной стороны: им нужно было просвещение для материальных успехов, для материальной славы; они покровительствовали просвещению, заводили академии и университеты, ласкали ученых и поэтов, давали права образованным молодым людям, преследовали невежество, ибо представителем последнего был для них буйный, строптивый раскольник, смотрящий на их герб как на печать антихристову; представителем же просвещения был профессор, говорящий на актах похвальные слова им, или поэт, подносящий торжественную оду.

Так, некоторые родители очень довольны просвещением и не жалеют денег для образования детей своих, когда эти дети ловко танцуют и возбуждают удивление родных и знакомых, лепечут на иностранных языках и в день именин подносят папаше и мамаше сочинения в стихах и прозе, где величают их виновниками своего блаженства и проч. Но ведь эти малые дети вырастают, и для пожилых родителей начинается горькое разочарование: милые дети начинают считать себя образованнее, умнее родителей, не хотят сообразоваться с их желаниями и обычаями, которые называют дикими, устарелыми, требуют себе самостоятельности, средств к свободной жизни: тут-то папаша и мамаша начинают горькие жалобы на просвещение, на молодых учителей-развратителей:

воспитали, выучили детишек на свою голову, а теперь яйца и начали учить кур!

То же самое случилось и с русскими благочестивейшими и самодержавнейшими папашами и мамашами. Уже мудрая мамаша Екатерина II, которая писала такие прекрасные правила для воспитания граждан, на старости лет заметила вредные следствия своих уроков и сильно гневалась на непокорных детей, заразившихся правилами так любимых прежде ею учителей. Благодушный Александр I всю свою жизнь тосковал и жаловался на непокорность и неблагодарность детей, о благе которых он так заботился и даже хотел их выпустить на волю — под надзором Аракчеева. Но Николай I не имел такого благодушия. Он инстинктивно ненавидел просвещение, как поднимающее голову людям, дающее им возможность думать и судить, тогда как он был воплощенное «не рассуждать!». При самом вступлении его на престол враждебно встретили его на площади люди, и эти люди принадлежали к самым просвещенным и даровитым, они все думали, рассуждали, критиковали, и следствием этого было 14 декабря.

По воцарении Николая просвещение перестало быть заслугой, стало преступлением в глазах правительства; университеты подверглись опале; Россия предана была в жертву преторианцам; военный человек, как палка, не привыкший рассуждать, но исполнять и приучать других к исполнению без рассуждений, считался лучшим, самым способным начальником везде; имел ли он какие-нибудь способности, знания, опытность в делах — на это не обращалось никакого внимания. Фрунтовики воссели на всех правительственных местах, и с ними воцарились невежество, произвол, грабительство, всевозможные беспорядки. Смотр стал целью общественной и государственной жизни. Вся Россия 30 лет была на смотре у державного фельдфебеля. Все делалось напоказ, для того чтобы державный приехал, взглянул и сказал: «Хорошо! Все в порядке». Отсюда все потянулось напоказ, во внешность, и внутреннее развитие остановилось. Начальники выставляли Россию перед императором на смотр на больших дорогах — здесь все было хорошо, все в порядке; а что дальше — туда никто не заглядывал, там был черный двор. Учебные заведения также смотрелись, все было чисто, выложено, опрятно, воспитанники стояли по росту и дружно кричали: «Здравия желаем ваше императорское величество». Больше ничего не спрашивалось.

Терпелись эти заведения скрепя сердце, для формы, напоказ, чтобы-де иностранцы видели, что и у нас есть училища, что и мы — народ образованный.

Впрочем, до последнего времени, до 1848 года, явного гонения на просвещение не было. Тяжелая рука лежала на нем, враждебное начало проводилось в системе государственного управления, все чувствовали, понимали, что государь до просвещения не охотник, но он ограничивался еще только отрицательными действиями. Николай Павлович покровительство изволил оказывать просвещению; но

какою ценою было куплено это покровительство? Министр Уваров имел способность верить его, что воспитывается новое поколение монархически мыслящих людей, которые посредством науки доходят до убеждения в необходимости и превосходстве порядка вещей, желаемого его величеством; что великое царствование его служит новою эпохою в истории человеческого и русского просвещения, в основание которого легли православие, самодержавие и народность. Лесть ловкого, умного лекаря нравилась барину: отчего же к славе великого законодателя, политика, правителя не присоединить и славу покровителя просвещения, просвещения истинного, могущего упрочить спокойствие народа! И вот лакей ловкою лестью выманивал от времени до времени разные льготы и хорошие вещи, как, например, археографическую комиссию. К этому времени принадлежит и попечительство Строганова в Московском округе с сильным развитием серьезного, научного движения. Но свистнул свисток на Западе, и декорация переменялась на Востоке: февральская революция отозвалась самым печальным образом на России. Повелитель перепугался, перепугался самым глупым образом, как только он один мог перепугаться. Николай, начальник Петербургских казарм, вовсе не знавший России, перепугался; перепугалась его глупая жена, перепугались все его унтер-фельдфебели от той же самой причины и глупости, невежеству вообще и незнанию России в особенности. Думали, что и у нас сейчас же вспыхнет революция. Рассказывали, что императрица, возвратившись с прогулки по петербургским улицам, с удовольствием говорила: «Кланяются! Кланяются!». Она думала, что петербургские чиновники, вследствие изгнания Людовика-Филиппа, перестанут снимать шляпы перед особами императорской фамилии. Но Петербурга еще не так боялись, боялись особенно Москвы; с часу на час ждали известий о московской революции. Но все было тихо; опомнились, посмеялись над страхом своим и поблагодарили русский народ доверенностью за преданность и усердие? Ничуть не бывало! Тут-то Николай и его крестуря показали всю мелочность и гадость своей натуры; они озлобились, начали мстить за свой страх, обрадовались, что в событиях Запада нашли предлог явно преследовать ненавистное им просвещение, ненавистное духовное развитие, духовное превосходство, которое кололо им глаза... Время с 48-го по 55-й год было похоже на первые времена Римской империи, когда безумные цезари, опираясь на преторианцев и чернь, давили все лучшее, все духовно развитое в Риме. Начали прямо развращать молодых людей, отвлекать их от серьезных занятий, внушать, чтоб они поменьше думали, побольше развлекались, побольше наслаждались жизнью: такие внушения делал глупый принц Ольденбургский воспитанникам училища правоведения; то же толковалось в университетах. Принялись за литературу; начались цензурные оргии, рассказам о которых не поверят не пережившие это постыдное время; говорю — постыдное, ибо оно показало вполне, какие слабые результаты имела действительность XVIII и первой четверти XIX века, как слабо было просвещение в

Брассай. Изгиб канавы. 1931–1932

России; стоило только Николаю сотоварищи немножко потереть лоск с русских людей — и сейчас же оказались татары...

Что же было следствием? Все остановилось, заглохло, загнило. Русское просвещение, которое еще надобно было продолжать возвращать в теплицах, вынесенное на мороз, свернулось.

Лень, стремление получать как можно больше, делая как можно меньше, стремление делать все кое-как, на шерамыгу, — все эти стремления, так свойственные нашему народу вследствие неразвитости его, начали усваиваться, поощряемые развращающим правительством; гимназии упали, университеты упали вследствие падения гимназий; ибо в них начали поступать вместо студентов все недоученные школьники, отученные в гимназиях от серьезного труда, стремящиеся хватать верхки и заноситься; ищущие на профессорской лекции легкого развлечения, а не умственной пищи, для переваривания которой нужно собственное большое усилие. Таким образом, невежественное правительство, считая просвещение опасным и сжимая его, испортило целое поколение, сделало из него не покорных слуг себе, но вздорную толпу ленивцев, не способных к серьезному, усиленному занятию ничем, совершенно не способных к зиждательной деятельности и, следовательно, способных к деятельности отрицательной, как самой легкой. Мальчик, отученный еще в гимназии от серьезного труда, чрез это вовсе не становился на точку зрения правительства; он сохранил и развил в себе все либеральные замашки; он только привык отрицательно относиться ко всему, и прежде всего, разумеется, к правительству.

5

Как видим, не мед с сахаром пришлось изведать Неверову на новом поприще, а если еще учесть, что педагогика было для него *terra incognita*, то на первых порах легко можно было набить немало шишек. Так оно, собственно, и оказалось.

Проблемы выросли, казалось бы, из ничего. Вошел, скажем, как-то Януарий Михайлович в класс, а все места заняты. Один ученик уступил ему место. Неверов сел и услышал с соседней парты презрительно брошенную фразу: «Блюдолиз, подлипало...». Естественно, он сделал выговор забияке за то, что тот оскорбил товарища, сделавшего элементарный шаг вежливости, и назначил наказание — встать на колени. К слову сказать, в российской гимназии эта мера была достаточно распространенной. К удивлению Неверова, ученик отказался повиноваться и, презрительно дернув плечами, вышел из класса. Вскоре пожаловал родитель нарушителя с просьбой изменить наказание:

— Немец ни перед кем не преклоняет колени, даже перед Богом, а поэтому не может подчиниться русскому порядку и унизить себя перед инспектором.

Коса нашла на камень. Януарий Михайлович настаивал на своем, а родитель не соглашался. Конфликт разгорался. Дело дошло до жалобы попечителю генералу Крафстрему, который сделал Неверову выговор:

— Избранная вами мера наказания необычна в немецких учебных заведениях, а посему извольте принять выбывшего ученика и запретите ему, к примеру, посещение занятий на несколько недель. И впредь воздержитесь от подобных шагов, иначе, — генерал важно кашлянул в кулак, — иначе вам придется переехать в какую-нибудь внутреннюю губернию России.

Впрочем, природный живой ум, наблюдательность и доброжелательность нашего героя скоро позволили ему обрести утраченное поначалу равновесие, и более того — завоевать авторитет у коллег, учеников и родителей.

6

Легко сказать: «К черту писание статей!». А если жить без этого не можешь и чистый лист тянет к себе, как рюмка горького пропойцу?

Новые впечатления произвели на Януария действие бродильных дрожжей. Господи, сколько мыслей возникло! Сколько новых аргументов для споров со Станкевичем! Явилась потребность осмыслить берлинские впечатления, привести в порядок идеи относительно состояния народного образования и путей его совершенствования.

В 1840 году он опубликовал в «Отечественных записках» обзор германской литературы, на который многие обратили внимание, в том числе и Белинский. В статье Неверов обнаружил глубину эстетических и научных оценок, верность суждений и известное изящество изложения.

Его характеристики точны и лаконичны.

Вот что, например, пишет Неверов о Г. Лаубе, пользовавшемся в Германии большой популярностью: «Генрих Лаубе принадлежит к самым дерзким, поверхностным, пустым, но вместе с тем приятнейшим рассказчикам. Он никогда не занимался серьезно наукой и, будучи чужд ее интересам, посвятил себя исключительно литературной болтливости...». Оценивая новые явления в немецкой словесности, Януарий Михайлович отмечает: «Юная Германия» есть не что иное, как представительница переворота, совершающегося в нашу эпоху, переворота, состоящего в уничтожении литературно-эстетической отдельности и сближении литературы с жизнью, но представительница заносчивая, крикливая, уклоняющаяся от своей цели и с прямой дороги сбивающаяся в кривые закоулки, в которых она часто сама падает в грязь и нечистоту».

Статьи Неверова заметили не только в России. В одной из немецких публикаций Януария Михайловича назвали в числе ведущих русских критиков, поставив на второе место после Белинского.

Какой еще, спрашивается, фимиам нужен для самолюбия?

7

Хорошее шепотью, худое — охапками. Во второй половине 1840 года Грановский переслал Неверову письмо Тургенева.

Берлин, 4 (16) июля 1840 г.

И.С. Тургенев — Т.Н. Грановскому:

«Нас постигло великое несчастье, Грановский. Едва могу я собраться с силами писать. Мы потеряли человека, которого мы любили, в кого мы верили, кто был нашей гордостью и надеждою... 24 июня в Нови скончался Станкевич. Я бы мог,

я бы должен здесь кончить письмо!.. — Что остается мне сказать — к чему вам теперь мои слова? Не для вас, более для меня, продолжаю я письмо: я сблизился с ним в Риме: я его видел каждый день и начал оценивать его светлый ум, теплое сердце, всю прелесть его души... тень близкой смерти уже тогда лежала на нем...

...Боже мой! Как этот удар поразит вас, (Януария Михайловича) Неверова, Фроловых... всех его знакомых и друзей! Я не мог решиться сказать об этом Вердеру: я написал ему письмо.

Как он был глубоко поражен!..

...Я оглядываюсь, ишу — напрасно. Кто из нашего поколения может заменить нашу потерю? Кто, достойный, примет от умершего завещание его великих мыслей и не даст погибнуть его влиянию, будет идти по его дороге, в его духе, с его силой?..

О, если что-нибудь могло бы заставить меня сомневаться в будущности, я бы теперь, опередив Станкевича, простился с последней надеждой. Отчего не умереть другому, тысяче другим, мне, например? Когда же придет то время, что более развитый дух будет непременно условием высшего развития тела и сама наша жизнь условием и плод наслаждений — Творца, зачем на земле может гибнуть или страдать прекрасное? До сих пор казалось — мысль была святотатством и наказание неотразимо ожидает все превышающее блаженную посредственность. Или возмущается зависть Бога, как прежде зависть греческих богов? Или нам верить, что все прекрасное, святое, любовь и мысль — холодная ирония Иеговы? Что же тогда наша жизнь?

Но нет — мы не должны унывать и преклоняться.

Сойдемтесь — дадим друг другу руки, станем теснее: один из наших упал — быть может — лучший.

Но возникают, возникнут другие, рука Бога не перестает сеять в души зародыши великих стремлений, и, рано или поздно, — свет победит тьму...»

8

Если вы читали «Дона Карлоса», попытайтесь представить маркиза Позу, пережившего Карлоса.

9

Неверов сохранил письмо Тургенева. Он бережно переплел в несколько тетрадок свою переписку с Николаем, сделал наброски воспоминаний о друге. Вместе с Грановским он принял завет Станкевича: служить просвещению России.

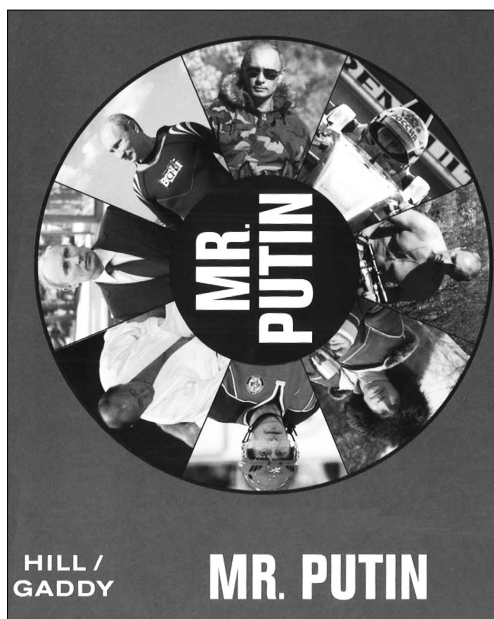
Зимой Януарий Михайлович на несколько недель выехал в Петербург.

Шесть ипостасей Путина

Жанр рецензии позволяет использовать разные подходы. Можно пересказать рецензируемую книгу — это самое простое, правда, при этом важно ее прочитать. Можно написать о теме, которой книга посвящена, ее актуальности — это дает простор для импровизации. Можно писать об анализируемом автором предмете, акцентируя внимание на том, чего в книге не хватает, сравнивая ее с другими. И наконец, отталкиваясь от прочитанного, можно поделиться мыслями по поводу книги и ее предмета.

Новая книга Фионы Хилл и Клифорда Гэдди «В. Путин: На оперативной работе в Кремле» двух известных авторов — сотрудников института Брукинга — является фактически продолжением их первой книги «Сибирское бремя»*. Она написана в модном сейчас жанре *contextual biography* специалистами по российской политике и экономике.

Предмет их анализа — личность Путина как политика, чьи заявления и высказывания разного времени в принципе не противоречат друг другу, но интересно в его действиях, считают они, соотношение ситуативно-реактивного и стратегического. Всегда казалось, что в сюжетах собственно политических Путин скорее тактик, а в бизнесе — стратег. Большое видится на расстоянии, и

Fiona Hill, Clifford D. Gaddy. *Mr. Putin: Operative in the Kremlin.* — *Brookings Institution Press.* 2012. (A Brookings Focus Book). — 380 p.

сейчас видно, насколько был он стратегичен в своих действиях, скажем, первые два-три года, когда с относительно скромными ресурсами подавил автономные центры влияния и подчинил себе политическое пространство.

Еще одно свидетельство стратегичности: в отличие от Д. Медведева, который нередко говорил прямо противоположные вещи, В. Путин последователен в своих словах и делах. Многие из его слов, не привлекавшие внима-

* См.: Fiona Hill, Clifford D. Gaddy. *The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold.* — *Brookings Institution Press,* 2003.

ния в момент произнесения, по прошествии времени наполняются более глубоким смыслом. Что, кстати, делает анализ Гэдди и Хилл глубиной как минимум в 12 лет особенно ценным и интересным.

Итак, наконец удалось получить максимально полный ответ на мучивший когда-то многих вопрос: «Кто такой г-н Путин?» Авторами выделены шесть его политических идентичностей: государственный (statist); человек в историческом контексте (history man); мастер выживания (survivalist); лидер-одиночка (outsider); рыночник (freemarketeer); офицер на задании (case officer)*.

Какую из путинских ипостасей авторы считают главной? Последнюю? Ей, кстати, отведено в книге больше всего места. Она же в известном смысле вынесена и в название книги. Или она просто самая расхожая? Подчеркну вслед за авторами, что все это не маски, а именно идентичности, сформировавшиеся у В. Путина еще до прихода в Кремль. И в разных ситуациях та или иная из них перевешивает остальные.

Авторы предложили открытую схему, перечень характеристик личности Путина можно было бы продолжить (спортсмен-дзюдоист, бизнесмен...), вспомнив притчу о слепом мудреце, ощупывающем слона. Хилл и Гэдди же используют в этой связи другой образ: героя английских мультфильмов мистера Бена, который, одетый как клерк, каждое утро заходит в небольшой магазинчик, переодевается в новый костюм, меняя идентичность, выходит через потайную дверь и попадает в очередное приключение, помогая решать людям их проблемы.

Раскладывая личность В. Путина, как в спектральном анализе, на отдельные

составляющие, авторы воссоздают логику действий власти и анализируют устройство выстроенной им политической системы, оценивают ее перспективы.

Каждый лидер ограничен в своих действиях внешними обстоятельствами.

А лидер, который находится у власти долгое время, — еще и прошлым: решениями, которые он когда-то принимал, людьми, которыми окружил себя и т.д. Путин, по словам авторов, «заложник» своей высокой популярности и выстроенной им централизованной системы «ручного управления», ставки на авторитарную личность Кадырова при решении чеченской проблемы, силовиков как ключевого механизма выстраивания отношений с бизнесом и обществом.

Притом что задним числом истоки многих действий Путина-президента можно найти в его допрезидентском прошлом, не стоит переоценивать его персональные особенности лидера в политике, которую он реализует. Путин во многом — функция. За его возвышением можно видеть если не конкретные силы, то серьезные исторические процессы. Один из них — прослеживающаяся на протяжении всего советского времени конкуренция партаппарата и структур госбезопасности.

КГБ и партия — две соперничавшие друг с другом несущие конструкции, или, как теперь принято говорить, скрепы, которые обеспечивали при социализме внутреннюю конкуренцию и держали систему в форме. Какова роль В. Путина сегодня? Он отнюдь не демиург, а скорее стрелка весов, в каждый момент показывающая некий баланс сил основных групп влияния. Он не самодержец и не может про-

* Подробно они характеризуются в рецензии И. Крестева (*Pro & Contra*, № 6, ноябрь-декабрь 2012, с. 152–156). — Прим. ред.

извольно менять правила игры, не считаясь с интересами основных игроков. Стрелка порой может резко отклоняться на короткое время. Однако даже при отсутствии системы сдержек и противовесов в российской публичной политике возможность свободы маневра тем не менее остается, благодаря которой, пишут Хилл и Гэдди, В. Путин выстроил отношения с 20–30 доверенными людьми «наверху», а возможно, и с несколькими самыми доверенными лицами из внутреннего круга так, что они, как правило, никогда не собираются вместе, а общаются с ним индивидуально. Разумеется, это затрудняет принятие решений, зато облегчает В. Путину контроль над системой и выполнение им функции верховного арбитра.

Парадокс, однако, заключается в том, что создатель такого механизма по мере его усложнения все больше оказывается ограничен в своих действиях. Устроенная таким образом система хороша для сохранения статус-кво, но не очень приспособлена для развития. Но Путин обучаем, и за почти полтора десятилетия пребывания у власти сильно эволюционировал. Можно говорить о Путине первого срока — реформаторе, второго срока — стабилизаторе, третьего срока — охранителе.

Притом что президент лично почти не изменился и сохраняет хорошую физическую и политическую форму, восприятие его гражданами, и особенно молодым поколением, выросшим «при Путине», претерпело существенные изменения. Окруженный уже не «ельцинскими» олигархами, а своими, он все больше воспринимается как выразитель интересов коррумпированных бизнес-групп и чиновничества, учитывая, что в современной России практически нет политических элит — есть бизнес-акционеры и обслуживающие их полит-

технологи. И есть слабо внутри себя организованные более крупные или менее крупные группы населения — учителя, военные, бюджетники в целом. Однако в стране с неустоявшейся политической культурой и слабыми институтами, отмечают авторы, особенно опасно, когда национальный лидер начинает напрямую обращаться к рядовому избирателю, поскольку вынужден вести популистскую политику не только перед выборами, а постоянно, чтобы не допустить резкого снижения рейтинга. А если это произойдет, едва ли он сможет рассчитывать на поддержку бизнес-сообществ, так как для них из источника легитимности и базы стабильности всей системы лидер может превратиться в препятствие для политической модернизации, без которой примитивизированной системе за годы финансового благополучия во время кризиса не выжить. И это поставит окружение Путина перед выбором: сохранить лояльность или сохранить систему и себя в ней. Однако заменить Путина другой фигурой будет едва ли возможно: трудно себе представить, чтобы какая-то из основных групп влияния согласилась признать кого-то из конкурентов в качестве лидера-арбитра.

Как в классическом романе, в конце авторы оставляют своего героя на перепутье: жить по-старому нельзя, по-новому — непонятно как, тем более во время уже начавшихся перемен, причина которых — продолжающийся мировой финансовый кризис и состояние самого режима, все менее способного справляться с задачами текущего управления. Но начавшиеся перемены, увы, не сулят легкой жизни, поскольку результатом последнего десятилетия стало ослабление властных институтов, деградация политического класса, разращение общества.

До сих пор шесть названных идентичностей Путина, по-разному проявляясь, помогли ему достаточно уверенно контролировать ситуацию или по крайней мере к ней приспособливаться. Какая из них может помочь в реализации стратегии выхода? Ответ авторов: никакая. Будучи успешными более десяти лет, они превратились в источник слабости.

Что можно добавить после выхода книги в свет к концепции Хилл и Гэдди? В какой ипостаси мы видим президента сегодня? В книге отмечается, что Путин не пошел после начала кризиса в 2008 году на ренационализацию в силу того, что он рыночник. Представляется, что верность рыночным принципам вряд ли является определяющей, учитывая, что его выбор в 2012 году был сделан в пользу сохранения статус-кво, которое, как уже отмечалось, едва ли возможно в силу как внешних, так и внутренних причин. Внешние — продолжающийся кризис и необходимость приспособливаться к меняющимся условиям. Внутренние — исчерпание ресурсов (советских технологических, а также инфраструктурных и кадровых) и смена трендов: от унитаризации к федерализации, от федерации корпораций к федерации регионов. Похоже, власть, вместо того чтобы меняться, подстраиваясь под новые реалии, пытается таким образом противостоять объективным процессам, благо есть накопленные на черный день ресурсы. Или, иначе говоря, просто оттягивает на год-полтора проведение необходимых реформ, когда придется проводить их в максимально жесткой форме.

Существующий режим — гибридный как с экономической, так и с политической точки зрения. Если раньше многие думали, что наша страна проходит путь

недолгого транзита к демократии, то теперь — что нынешний режим — это надолго. Между тем режим начинает меняться и из гибридного превращается в нормальный авторитарный, хотя, судя по всему, к такому варианту развития событий многие в стране не готовы.

Если бы не рост цен на экспортируемое Россией сырье, то недостатки выстроенной управленческой системы стали бы очевидны намного раньше. И система — с непрозрачными госкорпорациями, управляемыми доверенными лицами, с фактической приватизацией государства в разных ее проявлениях, со сверхцентрализацией и унитаризацией — не приняла бы свой нынешний почти гротескный вид.

Поэтому формула «все действительно разумно», на которую склонны чрезмерно опираться авторы в своем анализе положения дел в России, на мой взгляд, не работает. Хотя задним числом действия власти выглядят сегодня как элементы некоего стратегического плана, на самом деле это не так, поскольку возможность их последовательной реализации без подарка судьбы в виде колоссального роста нефтегазовых доходов была бы невозможна.

По словам авторов, в новых условиях пять политических идентичностей Путина, то есть за исключением «государственника», вряд ли могут помочь. Единственный выход они видят в том, что системе удастся трансформироваться из «закрытой корпорации» в нормальное государство. И помочь в этом мог бы Путин-государственник. Если такая трансформация не произойдет, нас ожидает новое смутное время.

*Николай Петров,
профессор кафедры сравнительной
политологии НИУ ВШЭ*

Региональное книжное обозрение

Современные политико-властные процессы в Республике Башкортостан и региональная политика: коллективная монография. — Уфа: БАГСУ, 2011. — 178 с.

Политико-властные и демографические процессы в современной России и Республике Башкортостан: коллективная монография. — Уфа: БАГСУ, 2012. — 213 с.

Лучшее время для посадки
дерева было 20 лет назад.

Второй шанс — сейчас.

Китайская пословица

Башкортостан, приняв «столько суверенитета, сколько смог проглотить»*, не избежал искушения федерализмом. Комплекс национальной республики (со своим государственным языком, официальной символикой, региональным парламентом и пр.), судя по количеству цитируемых и упоминаемых в «коллективных монографиях» статья и книгах, до сих пор не изжит. Размы-

сля об этих научных изысканиях, невозможно отделаться от мысли, что некоторые авторы немного лукавят или страдают, с позволения сказать, политологическим астигматизмом. С одной стороны, рассуждения о федерализме, местном самоуправлении, региональной президентской власти, подкрепленные их формально-правовыми характеристиками, склоняют читателя к тому, чтобы *поверить* в работающий институт федерализма, с другой — в сочинениях, анализирующих «живую жизнь» региона (итоги обширных социологических опросов населения и глав муниципалитетов), мы видим совершенно иной ракурс в осмыслении практики федерализма.

Политическая повседневность, увы, разрушает представленную в монографиях картину реализации федеративных принципов в регионе. Об этом, в частности, свидетельствуют статьи, авторы которых, рассматривая особенности *электоральной модели* Республики Башкортостан (имитационный харак-

* В августе 1990 года ставшую впоследствии знаменитой фразу «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить» Борис Ельцин, произнес в Казани, повторил в Уфе и затем в Стерлитамаке, стоя на козырьке местного Дворца культуры перед многолюдной толпой. Еще не закончилась осень того года, как по всей стране прошел «парад суверенитетов»: одна за другой национальные республики заявили о своей суверенности. Республика Башкортостан ежегодно празднует День суверенитета 11 октября. Добровольное же присоединение башкирских земель к России произошло в 1557 году, о чем регион напомнил федерации со всей присущей ему восточной пышностью в 2007 году, празднуя 450-летие исторического момента.

тер политической конкуренции, их предсказуемость, монополизация электорального пространства правящей партией), отмечают несущественную роль выборов как фактора регионального политического процесса и делают вывод о *типичности* данной модели для российских регионов.

Еще одной значимой темой для республики, как это видно из монографий, является *вопрос национальной политики* *. Многие местные жители сначала ощущают себя жителями республики, а уже потом россиянами. Это обусловлено, вероятно, тем, что немало важную роль в осмыслении национальной идентичности имеет государственный — башкирский — язык, изучение которого в школах ведется в обязательном порядке, начиная со второго класса. При этом, размышляя о кризисе самоопределения наций, авторы связывают системную модернизацию российского общества с поиском национальной идентичности и предлагают в качестве одного из рецептов успешного преобразования действительности модель «единства в многообразии» — сценарий содружества с сохранением этнокультурной специфики регионов и «достраивани-

ем каркаса» единых связей в рамках федерации.

Развитие *местного самоуправления* в республике — еще одна важная проблематика монографий. Начиная с определения сущности, структуры и методологии исследования муниципальной власти и заканчивая «обобщенным портретом» муниципального руководителя**, авторы склоняются к мысли о необходимости формирования системы муниципальной власти в контексте развития гражданского общества.

Вопросам *открытости и доверия к органам власти* в книгах посвящен отдельный раздел. По результатам подробных социологических опросов выявлено, что большинство не считает местную власть открытой. Обратная связь органов государственной власти с обществом проявляется зачастую лишь через обращения граждан. Самые популярные темы обращений — вопросы собственности, жилья, ЖКХ. Плодотворными для дальнейшего анализа представляются и результаты опросов по кадровой политике властей (неработающие социальные лифты, невозможность оказаться во властной обойме, несмотря на конкурсный характер приема человека на работу, излюбленный

* Эта тема бурно обсуждалась в башкирской блогосфере, особенно после визита журналистского десанта «Русского репортера» с центральным вопросом (и заданием!) проекта: «Башкирия — многонациональная республика. В чем различия между представителями разных национальностей?». Посты в живых журналах сводились к одной мысли: в стране, где люди четверть века ищут объединяющую идею, приезжие журналисты напрасно акцентируют внимание на том, что нас могло бы разъединить. Проект «Уфа-24» доказал, что среди обычных людей, живущих в смешанных браках, никакого напряжения по этому поводу не существует (http://24.rusrep.ru/dossier/pub_point/ufa-24/). Согласно результатам Всероссийской переписи населения — 2010, в республике 28,7% башкир, 35% русских, 24,7% татар (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf)

** Согласно соцопросам 2010 года, это, как правило, 50–59-летний женатый башкир из семьи колхозников, стремящийся к своему профессиональному росту и сомневающийся в необходимости и своевременности закона о местном самоуправлении № 131-ФЗ.

республиками клановый принцип преобладания во власти и проч.). Интересно, что люди склонны более доверять исполнительной власти в лице главы региона и глав муниципалитетов, чем законодательной и представительной в составе депутатов Государственного собрания — Курултая и местных советов. Отсутствие свободного доступа к информации, полагают авторы, является одной из основных причин недоверия населения к органам власти и местного самоуправления. Реализация принципа открытости невозможна без активного участия граждан в отстаивании своих интересов, резюмируют исследователи.

Анализ региональных проблем в зеркале демографии показывает, что Башкортостан в этом вопросе движется в общероссийском тренде: его также отличает ослабление института брака (год от года растет процент разведенных пар), сдвиг возрастных границ вступления в брак на более поздний период, уменьшение потребности в детях и снижение числа рождений в семье. Впрочем, в июне 2013 года в ходе регионального семинара «Регион в глобальном мире», который прово-

дила Московская школа политических исследований совместно с БАГСУ в Уфе, известный российский регионалист Наталья Зубаревич, опираясь на данные Росстата, показала, что у Башкортостана в демографическом плане дела не так уж плохи. По сравнению с общероссийской ситуацией республика обладает достаточным запасом рабочей силы и высокими показателями рождаемости.

Ознакомившись с результатами исследований, предпринятыми учеными Башкирской академии государственной службы и управления при президенте Республики Башкортостан, можно сделать вывод, что в регионе жива политологическая мысль, а монографии, содержащие местами компромиссные, местами честные исследования, видимо, найдут своего читателя. Надеемся, что практическая значимость этих трудов обеспечит в том числе «посадку дерева», о которой сказано в эпиграфе к рецензии.

*Гузель Ситдикова,
выпускница МШПИ 2013 года,
кандидат филологических наук,
г. Стерлитамак*

Контрапункт

ПОСТИМПЕРСКИЕ ДИЛЕММЫ

Дмитрий Тренин. *Post-imperium: евразийская история.* — М.: РОССПЭН, 2012. — 326 с.

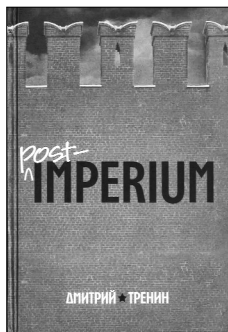
Великолепная книга главы Московского центра Карнеги, известного российского эксперта-международника Дмитрия Тренина «*Post-imperium: евразийская история*» была написана и вышла сначала на английском языке в Вашингтоне (в вашингтонском центре Карнеги), а потом переведена и издана в Москве. И это не случайно. Главный адресат книги — американский истеблишмент, который в значительной своей части живет прежними представлениями эпохи холодной войны, плохо понимая, что такое современная Россия и какой путь она прошла после распада СССР. Дмитрий Тренин последовательно разрушает укорененный миф о реваншистских империалистических намерениях современной России, призывая американцев осознать, что Россия — *новая страна* с принципиально новыми и сложными характеристиками, интересами и устремлениями.

Но и для российского истеблишмента и общества трезвый взгляд Дмитрия Тренина будет крайне полезен. Ведь и здесь многие по-прежнему живут представлениями о стране, которой давно уже нет. И главный тезис Тренина, «*что российской империи больше нет и она никогда уже больше не возродится*», до сих пор готовы принять далеко не все. России, подчеркивает он, предстоит теперь построить современное государство и найти ему соответствующее ее новой роли место в быстро меняющемся мире.

Дмитрий Тренин терпеливо разъясняет, что стремление нынешней России к влиянию в постсоветском регионе и мире, ее амбиции сохранить статус «великой державы» вовсе не означают стремление к восстановлению империи и военной сверхдержавности, а объясняются исключительно желанием сохранять

*Владимир Рыжков,
политик, публицист*

независимость от главных центров силы XXI века — США и Китая, а также оставаться влиятельным самостоятельным игроком в мировых делах.

Дмитрий Тренин раз за разом повторяет, доказывая это на огромном фактическом материале, — *историческая Российская империя (принявшая в XX веке форму Советского Союза) распалась в 1991 году окончательно*. Распад прошел сравнительно упорядоченно и мирно в силу того, что во главе распада стояла сама метрополия и ее элита, которая решила сбросить непосильный груз гонки вооружений и провести модернизацию,

преодолев тем самым нарастающее отставание от более развитых стран. Она захотела стать «просто Россией», сбросив с себя империю. При этом Россия не пошла по пути реваншизма (как поствеймарская нацистская Германия), но одновременно полна решимости стать «великой державой с региональной базой и глобальными интересами».

«Постимпериум» определяется Дмитрием Трениным как неопределенное переходное состояние страны от имперского к новому состоянию и продолжающей сохранять многие черты старого порядка, который никогда уже не вернется. Определяя неопределенное, автор, однако, не дает ясного определения тому, что есть современная Россия, кроме констатации ее переходности. Элементы империи все еще живы, отмечает он, во внутренней и внешней политике, а политический режим является мягким авторитаризмом с согласия народа.

Стратегические постимперские дилеммы действительно стоят перед Россией в полный рост и 20 с лишним лет спустя после распада СССР. Сможет ли она стать полиэтническим национальным (гражданским) государством? Станет ли федерацией не только по названию? Сумеет ли найти решение проблемы своего собственного Юга и интегрировать мусульманское население? Пока что Кремль, судя по всему, больше склоняется к обеспечению контроля традиционными имперскими, авторитарными мерами — но смогут ли они обеспечить долгосрочную прочность государства, не говоря уже о его эффективности и эффективности экономики?

Еще один миф, от которого пришло время отказаться, — сохраняющееся единство «постсоветского пространства». 15 постсоветских государств сохранили и укрепили свою независимость, создали свою оригинальную политическую систему и пошли своей своеобразной дорогой. Дмитрий Тренин выделяет три региона, сформировавшиеся на месте бывшего СССР: Новая Восточная Европа (Украина, Белоруссия, Молдавия), Южный Кавказ (Армения, Азербайджан, Грузия) и Центральная Азия (Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан). Что же касается трех прибалтийских республик, то они вошли в состав ЕС и НАТО. С каждой из этих стран Россия выстраивает уникальную модель отношений, будучи устремлена внутрь себя, а не вовне, что *«радикально меняет традиционную модель ее действий»*.

Стремление России заниматься прежде всего внутренним развитием выразилось не только в мирном роспуске империи, но и практически в

полном завершении процесса установления, политического и правового закрепления и демаркации новых границ. При этом важнейшими стали договоры о границах, заключенные с Китаем, Казахстаном и Украиной.

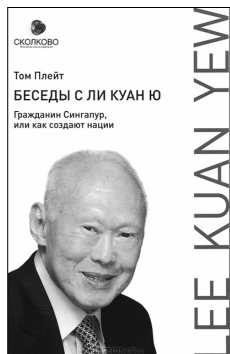
Между тем продолжающаяся «подморозка страны» сама по себе не гарантирует России целостности и устойчивого развития. Потенциальные угрозы подспудно накапливаются и грозят возможными будущими взрывами. Среди них основные — растущая зависимость страны от сырьевого экспорта, огромный разрыв в доходах и развитии между регионами, национальный вопрос, особенно острый на Северном Кавказе, в Москве, но потенциально опасный также в Приволжье, Сибири и на Дальнем Востоке. Дмитрий Тренин справедливо подчеркивает, что *формирование многонациональной гражданской нации* (россиян) является ключевой для страны задачей. А само это формирование возможно только в результате модернизации — политической, общественной, социальной, экономической.

После попыток интеграции с Западом (впрочем, скорее риторических, чем реальных) в 1990-е и начале нулевых годов Россия, по выражению Дмитрия Тренина, *«выбрала одиночество»*. Великодержавие стало новой официальной национальной идеей Москвы. Но важно, замечает он, что россияне понимают великодержавие как *независимость от других* (прежде всего от США), а не зависимость других от России. Одновременно российская элита стремится быть независимой не только от внешнего мира, но в отношении собственного народа — это и есть суть суверенной демократии (а на деле, как пишет автор, — «суверенной бюрократии»). От Запада российская правящая элита хочет одного — полной свободы рук внутри страны, посылая Западу сигнал — «оставьте нас в покое»!

Однако претензии на величие по-прежнему мало подкреплены экономической, технологической и интеллектуальной мощью, а политика в отношении соседей часто бывает неуклюжей и провоцирующей недоверие и конфликты. Дмитрий Тренин предлагает России быть меньше «Россией Грозной» и больше — «Россией Благой».

Современная Россия — уже не империя и никогда не будет империей, но она не стала современным государством. *«Кремлевские лидеры хотят быть похожими на Петра, но боятся кончить как Горбачев. В результате пока они действуют как Брежнев»*. Система скорее отторгает, чем способна привлечь западные технологии и принципы управления, так как в ней правят бал коррупция, отсутствие правовой защиты и бюрократия. Вопрос будущего выбора встает все острее, предупреждает Тренин, — *модернизация или маргинализация*.

Будущее России — в ее руках. Несмотря на все ошибки и потери последних двух десятилетий, Россия мирно вышла из советской империи и строит свою новую судьбу. В случае успешной модернизации и современной внешней политики, основанной на принципах мягкой силы, Россия еще долгие десятилетия будет оставаться одной из ведущих, определяющих развитие мира держав.

ПОСТИМПЕРСКИЙ УСПЕХ

Том Плейт. Беседы с Ли Куан Ю. Гражданин Сингапура, или Как создают нации. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2012. — 232 с.

Как и Россия, Сингапур решал сложнейшие задачи государственного и национального строительства после распада Британской империи. Однако его путь имел принципиально иные предпосылки. Россия сбросила с себя бремя империи, будучи метрополией. Сингапур же, дальний военный и торговый форпост Лондона в Юго-Восточной Азии, важнейший пункт британской колонизации в Азии, вовсе не хотел выходить из империи — его оттуда буквально вытолкали, бросив на произвол судьбы, со всеми бесчисленными проблемами (фактически с 1959 года).

Между Россией и Сингапуром крайне мало общего. Россия — огромная северная страна, Сингапур — маленький тропический остров с небольшим населением. В России большинство населения составляют хорошо воюющие, но хуже работающие русские, в Сингапуре 85% составляют ловкие в торговле и трудолюбивые китайцы.

Однако задачи государственного и национального строительства везде примерно одинаковы. И здесь пути России и Сингапура не только можно, но и полезно сравнивать. Создание армии и полиции, судов и министерств, формирование внешней политики, отношения с соседями, с имперским наследием, поиск своих конкурентных преимуществ в мировой экономике, борьба за инвестиции, формирование своей национальной социально-экономической модели, решение острых национальных проблем — повестки России и Сингапура мало отличались после внезапного краха двух великих империй.

В России задачу строительства современного государства на месте империи решают уже почти 30 лет последовательно три лидера — Горбачев, Ельцин и Путин. И, как справедливо показал в своей книге Дмитрий Тренин, притом что отказ от империи является окончательным, главные задачи государственного и национального строительства по-прежнему не решены и Россия все больше стагнирует. В Сингапуре большинство этих задач успешно решены, под бессменным руководством одного человека, Ли Куан Ю, Сингапур сегодня одно из самых богатых, высокоразвитых и динамично развивающихся государств мира. Интерес к истории успеха Сингапура и личности архитектора этого успеха, Ли Куан Ю, неизменно высок во всем мире, в том числе и в России.

Новая книга, вышедшая в России, — «Беседы с Ли Куан Ю» американского журналиста Тома Плейта — основана на двух обширных интервью с 86-летним Ли летом 2009 года, а также на большом дополнительном материале о современном Сингапуре. Задача, которую ставил перед собой автор, — организовать максимально откровенный разговор с престарелым Ли, составив своего рода «политическое завещание» великого азиатского реформатора, по возможности, без пресловутой политкор-

ректности, вытащив на свет самое ядро убеждений и представлений лидера Сингапура. При всей комплиментарности книги, в общем, задача решена. Книга ясно показывает ядро убеждений Ли, основные принципы его политической стратегии и тактики, подходы к задачам государственного и национального строительства. Многое из этого пригодилось бы во многих странах, включая Россию.

Например, ключ к успехам Ли Куан Ю — его легендарный *прагматизм*, который позволил ему выстроить хорошие отношения одновременно с такими антиподами, как США и Китай, Япония и Индия, Малайзия и Индонезия. Который помог внедрить в Сингапуре лучшие модели медицинского и социального страхования, ипотечного строительства, создать лучшие в мире аэропорт и авиакомпанию. Прагматизм помог Ли привлечь в Сингапур крупнейшие мировые кампании и найти внешнеполитический баланс между основными центрами мировой силы.

Российские лидеры также любят представлять себя прагматиками. Однако это далеко не так. Доставшиеся от советского прошлого антиамериканизм и антизападничество, экономические представления, неадекватное отношение к соседям, засилье бюрократии и ее произвола — прямая противоположность трезвому прагматизму Ли и главные причины хронических неудач России.

Больше прагматизма! — этот главный рецепт Ли вчера и сегодня для России — самый актуальный.

России, с ее природными богатствами, пока трудно понять еще один фундаментальный принцип Ли — в наше время природные богатства значат меньше, чем знания, люди и управленческое мастерство. Сингапур, маленький болотистый островок, умело использовал это знание, в то время как Россия продолжает терять свои лучшие умы (с 1991 года Россию покинули 20 тысяч докторов наук!).

Ли скептически относится к любым доктринам — он повторяет «меня интересует только результат»!

Еще один принцип, принесший успех Сингапуру — британский **утилитаризм** (сам Ли в конце 1940-х учился в Кембридже), то есть состояние, когда правительство должно преследовать *«наибольшую пользу для наибольшего числа людей»*. В результате в Сингапуре 95% населения имеют в частной собственности жилье, работает отличная система современных публичных школ и вузов, а прежде бедные и малообразованные малайцы подтянулись по уровню образования и жизни к этническому большинству. Принципы общего блага и утилитаризма также в крайнем дефиците в современной России, бал правят частные и корпоративные, а не общие интересы.

Могут возразить, что бывшим колониям проще строить современные успешные государства и нации, чем бывшим метрополиям. И потому Сингапуру было проще, чем нынешней России. Этот аргумент не выдерживает критики. Достаточно посмотреть, сколько бывших колоний продолжают прозябать и мучиться в Африке, Азии и Латинской Америке, а также каким сложным оказался путь от империи к современности у Испании, Португалии и даже Франции и Британии.

Возможно, ответ в третьем руководящем принципе Ли — **элитизме и меритократии**. Этот принцип является и самым проблематичным. Ли не слишком верит в демократию с ее принципом «один человек — один голос», в то, что демократия приводит к власти наиболее компетентные правительства. На этом стоит его «мягкий авторитаризм», когда сам он был премьер-министром 31 год, а сегодня премьер Сингапура его сын (Ли Сяньлун). За это Ли подвергается критике демократов всего мира и «Эмнести Интернэшнл». *Элитизм и меритократия лучше демократии* — вот суть вызова, брошенного Ли остальному миру. Эффективность, а не демократическая легитимность — главный критерий хорошего правителя, полагает Ли. Китайская система эффективна, потому что позволяет привлекать к управлению лучших, и каждое новое поколение лидеров Китая не только моложе, но и образованнее предшествующего. Мудрое правление — это не демократия, а «путь развития».

Резюмируя опыт и философию Ли, Том Плэйт описывает эту систему взглядов так: *«устойчивое развитие может быть реализовано и может поддерживаться в перспективе только в том случае, если политика находится под более-менее полным контролем талантливой элиты, наделенной властными полномочиями»*. Малокультурный народ, как и группы лоббистов, могут только навредить делу. А значит, демократия несет в себе риски для принятия оптимальных решений в реальных условиях.

Успехи, достигнутые Сингапуром, весомо подкрепляют престиж авторитарной системы Ли, восходящей, как пишет Том Плэйт, к «идеальной республике» Платона, советам «государям» Макиавелли и принципам хорошего правления Конфуция (в Сингапуре «Платон встречается с Макиавелли на земле, где царят традиции Конфуция»). А самого Ли Куан Ю можно назвать «прагматичным конфуцианцем и неоутопистом».

При ближайшем рассмотрении при всей привлекательности и верности как минимум двух первых принципов — прагматизма и утилитаризма — и безусловной верности меритократического подхода (который вполне успешно реализуется и в эффективных демократических системах — например, в Германии, США или той же Великобритании), система Ли все же кажется одиноким исключением из множества удручающих правил.

Во-первых, сам Ли признает, что его систему невозможно перенести на большие страны.

Во-вторых, десятки, если не сотни лидеров по всему миру, как и Ли, провозглашают себя профессионалами и прагматиками, поборниками «общего блага», утверждают, что назначают на посты министров лучших из лучших, но на самом деле все обстоит с точностью до наоборот, лишь позволяя им десятилетиями цепляться за власть ценой упадка своих стран и народов. Провозглашая принципы меритократии, прагматизма и утилитаризма, на деле они не в состоянии встать над личными, семейными, корпоративными, коррупционными интересами, погружая свои народы в пучину нищеты и депрессии.

В-третьих, противопоставление элитизма и меритократии демократии является натянутым. Да, демократия нередко дает сбои, приводя к вла-

сти некомпетентных лидеров, а система назначений часто ставит партийные интересы и интересы спонсоров избирательных кампаний выше интересов общего блага. Однако демократии давно нашли способы сдерживания корпоративных и партийных интересов.

И главное — демократии дают простое решение для случаев, когда у власти оказываются коррумпированные, неэффективные режимы, не способные на практике следовать принципам прагматизма, утилитаризма и меритократии. Тогда народ меняет такие правительства на выборах.

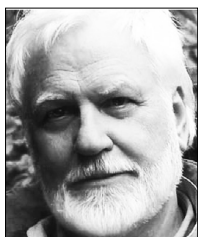
Если посмотреть еще глубже, то Ли Куан Ю и апологеты его системы не хотят признать главного — что его собственный впечатляющий успех является не доказательством, а, напротив, опровержением его системы. Ведь если, **по исторической случайности**, в начале государственного строительства во главе государства не встает прагматичная, эффективная, утилитаристская элита, то шанс на успех становится проблематичным. И блестящие проспекты Сингапура, на которых не увидишь выброшенного окурка или жевательной резинки, могут оказаться не дорогой в будущее, а глухим тупиком. Если бы в 1959 году премьер-министром Сингапура стал не молодой блестящий выпускник Кембриджа, а малообразованный капитан, наемник британской армии из числа малайцев или же коммунист-китаец маоистского разлива, то Сингапур сегодня мало бы отличался от самых коррумпированных и грязных портовых городов Юго-Восточной Азии. Случайное стечение счастливых обстоятельств, главное из которых — исключительные личные качества самого Ли Куан Ю, ключ к разгадке сингапурского чуда, а вовсе не жизненность и всепобедимость созданной Ли системы. Но это, повторю еще раз, не значит, что опытом Сингапура следует пренебрегать. Напротив, он уже на протяжении пяти десятилетий остается востребованным, не только в Азии. Советы Ли Куан Ю внимательно слушал в 1978 году перед стартом своих великих реформ Дэн Сяопин, а позже индийский реформатор Сингх. Идеи Ли об открытом мире, его практические решения по привлечению инвестиций, защите природы, жилищному строительству, развитию науки и технологий, борьбе с коррупцией и поддержанию межнационального мира заслуживают самого внимательного изучения и широкого использования.

Ли Куан Ю все равно — какая где политическая система и где кто и как управляется с экономикой и обществом. Ему по душе идеи Хантингтона и Тойнби о разных цивилизациях и системах, которые конкурируют между собой. Сам он — наследник тысячелетних традиций китайского конфуцианства, открытого при этом всему новому. Ли уважает все формы государства, которые эффективны, — идет ли речь об американской демократии или правлении нынешних китайских коммунистов.

Тех же, кто не умеет добиваться результатов, он откровенно презирает, включая «сильных» диктаторов. Так, о правящих в Мьянме (Бирме) генералах он говорит коротко и ясно: *«идиоты, демонстрирующие силу»*.

В этом номере публикуются еще два выступления участников семинара, который проходил 4–9 августа 1992 года под эгидой общества «Моральное перевооружение» в конференц-центре в Ко под Женевой (Швейцария).

Моральные уроки советской истории*

«Что может предложить современная этика?»

Евгений Барabanов, искусствовед, историк русской философии и литературы, почетный доктор теологии Тюбингенского университета

В первый день мы выработали программу нашей работы и отвели этот день под проблематику теологического или религиозного осмысления тех моральных уроков, которые предлагает нам советская история.

Чтобы избежать двусмысленности, попытаюсь кратко пояснить свою позицию. Я родился в атеистической семье ортодоксальных коммунистов. Достаточно рано пережил религиозное обращение и пришел в церковь. В православную церковь. Было самое начало 60-х годов — время хрущевского гонения на церковь. Строго контролируемая властью деятельность церкви сводилась к «отправлению культа». И — никаких форм социальной активности, кроме участия высших иерархов в пропагандистских акциях вроде «борьбы за дело мира». В Москве тех лет я ощущал себя «белой вороной» среди старух. Молодежи в храмах практически не было. Были дети священников, были семинаристы, встречались отдельные чудаки. Но уже в середине 60-х возникло что-то вроде процесса цепной реак-

ции. Теперь мы — имеем в виду нескольких сверстников, непостижимым образом пришедших к вере, — стали находить друг друга: встречаться, устраивать домашние семинары, переводить книги, налаживать религиозный самиздат, открывать для себя русскую религиозную философию. Круг новообращенных стремительно расширялся. К концу 60-х с разных сторон заговорили о близящемся религиозном возрождении в России.

И вот сегодня, спустя почти четверть века, — теперь уже на фоне восстановления храмов и монастырей, обращений и крещений — я пытаюсь понять: как, в какой мере это связано с опытом жизни в условиях тотальной несвободы? Является ли то, что сегодня принято называть «духовным возрождением», также утверждением ценностей свободы, личной ответственности, права? Или, как говорят скептики, мы имеем дело с реставрацией когда-то отвергнутого историей варианта авторитарной идеологии? Если нет — как объяснить популярность в сегодняшней церковной среде идей национал-патриотической державности, ксенофобии, агрес-

* Начало см.: «Общая тетрадь», 2013, № 1 (61). — С. 113–124.

сивного преследования инакомыслия? Что означают эти тенденции в горизонте общего, в том числе западноевропейского, перехода от эпохи модерна к постмодерну? Что это? Новый фундаментализм? Реакция на модернизацию и вестернизацию? С чем мы имеем дело: с неоромантической реставрацией Средневековья? Или, быть может, с узаконенной русской традицией формой коллективного невроза? Или — с очередной утопией идеального порядка? Иначе как объяснить перемены в отношениях власти и церкви? Не имеем ли мы дело с новой государственной идеологией, которую циничное правительство подсовывает потерявшему всякие опоры человеку? Неужели — очередная ловушка для обреченных на идейную резервацию инфантильных сирот-идеалистов?

Вчера мы говорили о тоталитарной системе принуждения. О системе предписанных сверху общезначимых истин, обязательных для всех приоритетов, ценностей, норм, правил, образцов. О системе, в которой готовые ответы предшествовали вопросам и служили руководством в распознавании признаков истины и заблуждения, добра и зла... Само же выпадение из системы или противостояние ей оценивались двузачно. Официальными представителями системы такие люди клеймились «отщепенцами», «идеологическими противниками», «врагами»; с позиций же несогласных они воспринимались героями, носителями общественной совести, высокой жертвенной нравственности.

Перестройка разрушила целостность советского мира и сопутствовавшие ей правила распознавания истин и заблуждений, добра и зла. Сменились ориентиры патернализма, а вместе с ними — контуры привилегированного пространства. Образцом для преобразо-

ваний стал мир Запада. Мир или, быть может, миф Запада: открытая система правового государства, экономически процветающего. Именно с этой системой и связывались достоинство и свобода человека, права человека, демократия, плюрализм, экономическая инициатива и так далее.

Правда, в альтернативе советскому прошлому скоро обнаружился и другой полюс. Плюрализм, свобода, демократизация, экономическая инициатива предстали на нашей почве как произвол, нигилизм, этический релятивизм, как грозные знаки духовного и морального одичания. И одновременно — в ответ! — как потребность нового порядка, властной опоры, единой картины мира, общей системы ценностей, наделяющих особым статусом привилегированное пространство коллективной идентичности. Заговорили об историческом уроке советского режима, когда в наиболее острый для себя период Второй мировой войны Сталин открыл православные церкви и обратился к национально-патриотическому чувству населения. Сегодня восстановление такого привилегированного пространства снова претендует на фундамент национально-государственного единства. Такова в предельно упрощенной форме трагическая дилемма посткоммунистической ситуации.

Итак, с одной стороны, свобода и плюрализм, угрожающие релятивизмом, потребительским материализмом, эгоизмом, хищничеством, нигилизмом. С другой — потребность во всеохватывающей правде целого, в целостной системе, в духовности, в восстановлении национальных традиций и прав на особый русский путь, что в совокупности отменяет, — да, я это подчеркиваю, — отменяет ценности свободы и плюрализма.

Как подобная дилемма трактуется русским православием? В христиан-

Ай Вейвей. Табурет. 2008

ской этике обычно говорят об оппозиции автономии и теонии (от греч. Theos — Бог и nomos — закон). Сразу оговорюсь: автономия, если не сводить ее к карикатуре, — это не только своезаконность, но и самоответственность человека за облик мира, который он обрел в процессе секуляризации. Главным предметом автономной этики являются этические вопросы совершеннолетия. Вопросы, которые не раз-

решить простой апелляцией к авторитетам. Например, вопросы экономического роста, безработицы, защиты окружающей среды, регулирования рождаемости, политической власти, контроля над ней и так далее. При этом автономия предполагает большую или меньшую релятивизацию того, что представлялось раньше безусловными нормами и правилами. То есть нормы и структуры правильны в той мере, в

какой они способствуют раскрытию возможностей человека, помогают его идентичности, его самоосуществлению. Социально важно лишь, чтобы это самоосуществление не наносило ущерба другому. В этом смысле автономная мораль может совпадать с классическим золотым правилом: не делай другим того, чего не хочешь, чтобы сделали тебе.

Теономия — полагание закона Бога определяющим принципом всякой человеческой жизнедеятельности. В христианской этике теономия предполагает ультимативный характер божеских норм и правил. Здесь этика опирается на безусловный императив: ты должен. Возлюби Бога, возлюби ближнего, как самого себя, не укради, не пожелай, не убий — все это императивы. Не гипотетическое «хорошо бы» или «ты мог бы», не социальное «так удобно тебе и другим», но — «ты должен». Не какое-то безличное «мы должны», но личностное «ты». Ты — степень абсолютной личной ответственности. Безусловное здесь не доказывается «чистым разумом» и не выводится из природных и социальных условий. Оно обосновывается абсолютным. В христианско-библейской традиции это слово Бога и его воля. Безусловное есть Бог, его слово, его воля, которые наделяются качеством откровения и принимаются в аспекте беспредельной актуальности.

Обычно автономия противопоставляется теономии как самозаконная деятельность разума или этика личной свободы, противостоящая высшим ценностям. И обратно: теномию обвиняют в авторитарной репрессивности, в подавлении инициативы и пытливости творческой активности. Этот теоретический спор между теологией и философией легко становится опасным конфликтом в широком пространстве социальных

отношений. Для современной России он перерастает в системный конфликт между ценностями своего прошлого и ценностями новоевропейского Просвещения, между ценностями антично-византийского наследия и ценностями секуляризации.

Что здесь может предложить современная этика? Прежде всего — необходимое самоограничение: сама по себе система даже очень высоких этических норм не есть абсолютное. Мы выходим за границы теонмии, когда абсолютизируем мораль. То есть абсолютизация морали — это уже не мораль, а морализм, некая отвлеченная идеология, когда говорят, мыслят и живут от лица некоего «мы», от лица некоего «у нас», от лица неких «наших». То есть от лица того морального «мы», которому обязательно противостоят аморальные «они». Конечно, это уже не теонмия, но авторитарная этика, авторитарная мораль — соблазнительная имитация морали теонмной. И конечно, все тот же инфантилизм, хотя и выступающий под гримом взрослости. То есть авторитарная мораль, или господство морали, всегда является моралью господства, господства некоего целого, не важно — партии, класса, передового общества, народности, конфессии. Некая принудительная мораль для всех и для других. Мораль для избранных, где все равны, но всегда есть кто-то, кто более равен, чем другие.

Итак, с точки зрения взрослости, совершеннолетия, о котором говорил Кант, автономную и теонмную мораль вовсе не обязательно противопоставлять друг другу. Забота христианской теонмии — грех, а не абсолютизация этического кодекса. Этика — только динамическая проекция решений проблемы греха и спасения. При этом современная теология позволяет рассматривать секуляризацию как осуществление

или радикализацию самих принципов христианства. Сами же безусловные требования Бога можно рассматривать как то, что принципиально нуждается в условном, что от этого условного неотторжимо. Так, например, мы не знаем слово Бога как таковое. Мы не слышим, не читаем слово Бога помимо слова человека, помимо всех условностей человеческого языка. И взрослый, открытый безусловному, принимает условное как условное, не смешивая его с абсолютным. Сама потребность различения и есть факт наличия интеллектуально и морально взрослого сознания. Ведь сознание — при всем многообразии его содержаний! — есть прежде всего работа критического различения. С личной ответственности за ясность и точность такой работы и начинается совершеннолетие.

Если говорить об этике взрослости с точки зрения содержания морального сознания, вспомним Андрея Дмитриевича Сахарова, его мужество говорить и действовать в защиту гонимых. Вспомним его решительный протест против афганской войны. Протест этот не был воспринят ни обществом, ни церковью той страны, в которой он жил. Полагаю, не только из-за страха. С позиций господствующей авторитарной морали голос Сахарова был всего лишь голосом отщепенца. Он оставался отщепенцем и для советского общества, и для Русской православной церкви. Была ли этика Сахарова автономной? Возможно. Он никогда не ссылался на Бога, на сакральные тексты и священные предания. Но всякий духовно чуткий человек найдет в его словах и делах следы трансцендентного.

Вспомним известную притчу о страшном суде в Евангелии от Матфея: «В тюрьме был, и вы посетили меня. Жаждал, и вы напоили меня. Алкал, вы накормили меня. И то, что вы сделали

одному из людей, сделали мне», — говорит Христос.

А что же православная церковь? Понятно, ее позиция не есть позиция автономной этики. Но в какой мере известная нам жизнь церкви воплощает этику теонормную? Живет ли она в согласии с ней? Я не призываю к суду справедливости над русской церковью. Судьба Русской православной церкви — страшная, трагическая судьба. Вера церкви не отступала от благой вести о спасении через Иисуса Христа. Но никакой ясно сформулированной этики, соединяющей Евангелие с правом человека на свободу и достоинство, наша церковь не предложила. Нужно определенно и ясно сказать, что господствующая этика Русской православной церкви — этика преимущественно обиходная, нежели книжная, — это авторитарная этика, этика самодостаточного целого, этика коллективного «мы». Личное же — поглощено освоением великой аскетической традиции спасения, борьбы с соблазнами мира сего. Поставленная в условия резервации, церковь была вынуждена защищать идентичность собственной целостности. И только отсюда мы можем понять, почему русская церковь также вынужденно предавала своих мучеников, называя их политическими преступниками. Вспомним письмо Солженицына Патриарху: почему церковь замкнулась в соглашательском молчании? Почему не поднимала голоса в защиту гонимых? Почему преследовала всякое инакомыслие внутри, в своих рядах?.. Таких «почему» можно задать великое множество, включая сегодняшние национальные конфликты, включая сегодняшнюю конфессиональную борьбу между христианскими православием и инославием, между разными юрисдикциями внутри православия, борьбу

ожесточенную, порой доходящую до ненависти и прямой агрессии.

И здесь мой главный вопрос — вопрос сегодняшней встречи: означает ли все сказанное, что теонормативная этика лишь пережиток прошлого? Для многих людей, живущих по законам и технологиям социальной адаптации либо по законам правоты того целого, к которому они принадлежат, вопрос лишен смысла. Императивы Бога для них — архаический реликт, рудимент седой старины. Сегодняшний мир, если и допускает право Бога на свое слово в мире, то лишь при условии соблюдения пакта о взаимном ненападении: место слова Бога к человеку — в древних священных книгах, представляющих наши «культурные традиции». И если современная этика порой ссылается на них, то делает это исключительно для собственных нужд, для подтверждения собственной правоты. Конечно же, «нашей» правоты!

И все-таки иногда что-то останавливает нас в нашей непобедимой правоте. Иногда всего лишь одна фраза, скажем: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный». Что это? Мы пре-

красно знаем, что никакой человек, никакой святой не может быть совершенен как Бог. Бессмыслица? И все-таки именно это недостижимое совершенство, ультимативное призвание к нему почему-то возвращает нам чувство свободы и достоинства, открывает совсем иное, новое измерение взрослой ответственности. Это может случиться по обе стороны идеологического фронта: и среди защитников этики автономной, и среди апологетов этики теонормативной. Свободно принятый императив решительно меняет масштабы в отношении ко всему, что грозило поработить нас. Поработить не только отчаянием и неудачами, но и ловушками успехов, достижений, престижа, самолюбия, амбиций и прочих издержек одномерной автономии. И здесь, даже в самой ожесточенной войне принципов, идей, приоритетов, мы вдруг догадываемся о том, что однажды открылось замечательному русскому философу Семену Людвиговичу Франку. В 1943 году он написал в записной книжке: «Да, фашизм будет побежден. Но кто победит? Победит тот, кто простит первый. Победит Бог».

Советская полития как моральный феномен

*Алексей Салмин
(1951–2005)*

Что такое советская полития, почему я выбрал этот не вполне обычный термин? Я сделал это специально, чтобы избежать слишком известных коннотаций. Этот термин в известном смысле псевдоним того явле-

ния, которое нам надо еще определить. Определить после исследования. Что это было такое? Когда оно возникло? И каков круг явлений, включенных в него?

Советская полития, как я ее понимаю, и шире и уже СССР. В антенатальном состоянии она сводилась к субкультуре,

главным элементом которой была, конечно, большевистская партия. В момент максимальной экспансии она охватила гигантскую территорию от Гаваны до Ханоя. Но это ее определение в пространстве и времени.

Как определенный тип культуры советская полития (я специально сейчас говорю достаточно парадоксально) родилась в недрах христианской цивилизации, в оппозиции к церкви задолго до 1917 года. Как технико-политическая система она получила возможность кристаллизироваться в мировом взрыве 1914–1917 годов как явление мирового порядка. Как явление, которое тем не менее, видимо, неслучайно все же осуществилось в первую очередь в России.

Сегодня приводили пример из истории российской политической полиции. Этот пример мне очень близок, потому что я глубоко убежден, что очень многие институты, которые мы привычно связываем с большевистским периодом, либо возникли целиком, либо в значительной своей части — в период предреволюционный. Это относится и к полиции, и к армии в период после милютинских реформ, и к многим другим институтам. Если мы внимательно проанализируем их структуру, их дух, если можно так выразиться, то с удивлением и некоторым ужасом обнаружим, что в 1917–1919 годах надо было не столько надстраивать их, сколько убрать лишнее. То, что явно мешало развитию этих институтов, что было несовместимо с их развитием. Надо было убрать сакральную монархию или то, что от нее оставалось. Надо было убрать церковь. Надо было дискредитировать или уничтожить социальные авторитеты. Надо было уничтожить интеллигенцию.

Так как же нам подойти к анализу этого феномена? Здесь очень важно найти тот

кончик нити, за который можно потянуть. А это непростое дело. Я не верю в познавательную оправданность этой задачи, если это только познавательная задача. Советская полития — это тот самый фабульный слон, о котором так много сегодня говорили. И я во всяком случае не отношусь к тем людям, которые считают, что если я потяну за кончик хвоста этого слона, то сегодня скажу всю истину о советской политии. Я, к сожалению, не верю и в то, что из опыта советской политии можно извлечь непосредственные моральные уроки. Как, к чему их можно применить, собственно говоря? Польза-то от них какая? Может быть, это моя личная особенность, но в возможность возрождения тоталитаризма у нас, как политии, я не верю в ближайшем будущем. А на других уровнях, на уровне семьи, на уровне группы, тоталитаризм может продолжать существовать сколь угодно долго. И никакое понимание здесь ничего равным счетом не изменит. Да и сама задача, сама проблема опыта противостояния злу тоже вызывает у меня вопросы. Я вспоминаю один житийный текст. Речь в нем идет о некоем святом, который, узнав, что где-то на дороге засел бес, не стал его прогонять, а стал бросать в прохожих камни.

И тем не менее я думаю, что анализировать эту политию мы можем сейчас не потому, что извлечем из этого какие-то уроки, а потому, что это сильнее нас. Мы, пытаясь понять ее, пытаясь вжиться в нее постфактум, создаем, быть может, таинственную паутину культуры так же неосознанно, как это делает паук со своей паутиной, в которой нам и предстоит жить. И я думаю, что сейчас рассуждения о нашем опыте семидесяти лет очень напоминают рассказ о страшном событии, который каждый переживший такое событие повторяет много раз. Он просто научается жить в

ситуации, в которой, как кажется вначале, жить невозможно.

Попытаюсь все-таки хотя бы разобраться с одним, по возможности. С культурным кодом этой политики. Заранее оговариваясь, что это, может быть, только один из культурных кодов этого разнообразного явления. Сложного хотя бы потому, что это было явление, конечно, глобальное и явление тысячелетнего порядка.

Когда говорят, что в основе коммунистической идеи лежит идея создания рая на земле, это мне кажется не совсем точным. Если бы это было так, то катастрофические неудачи погубили бы систему и уничтожили ее в считанные годы. Потому что рай на земле все-таки требует какой-то верификации. Более того, у меня создается впечатление, что с идеей эвдемонического, счастливого рая носились в основном маргиналы этой культуры, а не представители ее основного течения. Городские сумасшедшие, а не идеологи и не вроде бы обманутый народ. Ведь ни счастья, ни справедливости, ни благосостояния эта культура, в сущности, не обещала. Точнее, если и обещала, то в такой идиотской и оскорбительной форме, что эти обещания с самого начала, с первого и до последнего дня, во всех слоях общества вызывали насмешки. Эта система, в отличие от той, которая предполагала бы действительно идею эвдемоническую, никогда не развивалась, она всегда пребывала. И в этом смысле, по-моему, вполне типичен известный анекдот, который любит рассказывать господин Бурлацкий о появлении концепции развитого социализма. Им было предложено создать какой-то жизненный, реальный идеал, а потом этот социальный инже-

нер, автор этой идеи, с ужасом обнаружил, что реальный социализм был объявлен уже построенным. Если уж эту идею, это общество сравнивать с чем-то, то, конечно, ни с раем, а с чистилищем, скорее вечным чистилищем.

Если советская политика и внесла здесь что-то новое, то одно: системность, которая выражена в трех проявлениях. Первое, в имперсональности. Второе, в двойном коде. И третье, в технологизме

Григорий Соломонович Померанц дал сегодня такую формулу: «Дух ненависти в борьбе за правое дело». В свое время по поводу известных сентябрьских убийств [1792 г.] — печального эпизода Французской революции — Жюль Мишлен высказался так. Он назвал их яростной жаждой морального самоочищения. Вот это и есть тот идеал, которым увлекались все великие революции, которым увлеклась в том числе и русская революция.

Но это одна только сторона. После этого возникает довольно сложный вопрос, который имеет две стороны. Первое. Почему этому духу ненависти так трудно противостоять вообще? Какие, собственно, струны он затрагивал в неяростных душах? И второй вопрос. Почему так трудно было противостоять ему в России в течение семидесяти лет?

Действительно, экстагическая, неодолимая жажда самоочищения себя и мира, полного, тотального искоренения греха в себе и в мире до мельчайших прегрешений, не обращаясь к Богу, собственными человеческими силами, конечно, довольно мощная духовная сила. Это превращенное аскетическое стремление, которое грозит физиче-

Мৃত্ত্যু Монаган. Полночная миссия. 2009

ским уничтожением носителям любой порчи. Ведь в сущности, если вдуматься, в такой культурной системе любой человек заранее приговорен. Просто в силу того, что он человек, что он объективно существо падшее, способное проявить свою падшесть в любой момент. Если этот приговор не приведен в исполнение, то только из политической целесообразности, по злему умыслу или из гуманности, как правило, мягкотелой.

Кстати говоря (это заметка на полях), когда эта система начинает разлагаться, она довольно легко, используя вот этот последний аргумент, становится действительно более гуманной или по крайней мере менее кровавой. У нее есть вот этот способ ускользнуть от себя. И не в этом ли разгадка, почему так быстро, в одночасье, она рухнула?

Если принять эту культуру всерьез, а почему ее приняли всерьез это другой вопрос, то в ней, в сущности, действительно не остается выхода, кроме как стать честным палачом, доносчиком, ищейкой либо честной жертвой. А все остальные — это перерожденцы, разложившиеся, примазавшиеся. Хотя физически и статистически именно они и составляют большинство, как и во всех обществах. Это более или менее нормальные люди.

Можно действительно задуматься, почему так до сих пор притягательна для многих идея эпохи 20–30-х годов, несмотря на все дурное, что о ней известно? Почему к ней тянутся психологически, подсознательно, как показывают многие опросы, до сих пор те, кто, скорее всего, никак уж не хотел бы ее буквального повторения? Говорят, тогда была вера, были идеалы. Но не вера вообще и не идеалы вообще. Говорят, что мы были молоды, страна была молодая. Это тоже аргумент очень важный. Но дело-то ведь здесь не в

естественной ностальгии по собственной молодости, свойственной всем и всегда. Ибо заморожены этим периодом и те, кто, по сути, его не помнит. Я думаю, что скорее ностальгия по ранней молодости и естественная ностальгия имеют между собой что-то общее. И в том, и в другом случае тянутся к какой-то простоте, чистоте и искренности. Поэтому участники этой эпохи и творцы ее не всегда склонны к покаению. Разве их намерения не были благородны? И разве, в самом деле, в юридической стороне здесь дело? Естественно, человек грешен, даже если он не обвинен юридически. И не в этом ли разгадка, мучающая уже не одно поколение коллаборационистов? Вспомните, ведь в двойственном сознании, в неполноценности веры каялся Бухарин на своем процессе. В данном случае не важно, искренне или нет. Главное, что говорилось именно это, а не что-то другое. И фраза Пастернака «я знаю, я вам не нужен» — это не дурная шутка, но и кое-что побольше шутки.

Так что человека с таким комплексом, какими бы субъективными качествами он ни обладал, гораздо легче заморочить в экстремальной сюрреалистической ситуации, чем простого среднего человека с нормальными человеческими грехами и нормальным житейским здравым смыслом. Ведь простой человек может отнестись к средним нормам повседневной морали более или менее независимым от особенностей личности и эпохи. А у человека нового типа кроме идеала чистоты и всесовершенства ничего за спиной нет, у него нет другого. И он не может в то же время не признать его недостижимость, видя это несовершенство в себе эмпирически.

И еще один вопрос, который уже был задан в нашей дискуссии. Был ли советский тоталитаризм сходен с остальными деспотическими правле-

ниями? Я думаю, и да, и нет. В сущности, идеал тирана всех времен, идеал тирана именно такого типа, это пушкинский Анжеон, этакий романтический Савонарола. Это вечный тип, по крайней мере в Новое время. Если советская полития и внесла здесь что-то новое, то одно: системность, которая выражена в трех проявлениях. Первое, в имперсональности. Второе, в двойном коде. И третье, в технологизме.

В советской политии, где власть десакрализована, не было неприкосновенных, в отличие от традиционного деспотизма. Все правители советской политии, кроме первого, естественно, после смерти или после отставки — палачи, недоумки или нравственные уроды. А первый не таков, потому что он вечный укор последующим.

Двойной код. Наука и мораль. Собственно, советская полития — это двойная система вроде двойной звезды с единым центром тяжести. Это неуязвимая наука, которая только раскрывается, а не дополняется. Мир чистоты учения. И мир, поддерживаемый, чистоты жизни. Узвление одного не затрагивало другого. Вспомните, как Лен Вячеславович Карпинский сказал, что Сталин палач, но великий марксист. Это определенный момент осознания этой фигуры.

Третье, технологизм системы. Она буквально искрошила, например, церковь, когда численность священников сократилась в десяток раз. Она уничтожила любое сопротивление, уничтожив мораль теонормную. Она ввела технологию без благодатного покаяния, технологию цензуры и так далее, и очень многие другие технические штучки.

Система как культура исподволь зрела в христианской цивилизации, представляя собой, если угодно, отход от тела церковной культуры при сохранении формальной грамматики христианской

культуры. В недрах этой же культуры, но как бы независимо и автономно подготавливалась и техническая сторона системы. И в прошедшее семидесятилетие эти стороны наконец соединились. То, что мы наблюдали, это, видимо, был кризис вековой христианской цивилизации как мотора мирового развития, если можно так выразиться. Это еще надо осмыслить.

Не будем обманываться. Система рухнула тогда, когда исчерпала себя ее технологическая сторона, когда зашаталась ее основа. И именно тогда победила слабенькая коалиция духа, высокой морали и иронического или опасливого здравого смысла. Победила малыми силами, потому что противники были либо в смятении, либо отрезвели, пока система медленно разлагалась. Итак, эмпирический вывод таков: не добро победило зло, а жизнь пережила систему. Правда, есть, видимо, и другой, духовный вывод. Трагически, но эта история показала, что свободу воли невозможно одолеть. Бог сильнее, хотя власть гораздо больше, чем казалось раньше, несравненно больше.

Поскольку у меня осталось, кажется, пять минут, постараюсь коротко все-таки сказать о том, как же можно представить себе выход из этой системы. Я думаю, что он сводится к тому, что невозможно забраться куда-то по тому же склону, по которому скатился вниз. Вчера Евгений Барабанов очень глубоко, очень интересно и очень провокативно говорил о теонормной и автономной морали. Действительно, я убежден, что автономная мораль, легитимированная христианством как инобытие естественной морали, это неплохое подспорье, помогающее избежать экзистенциальных слоев культуры. Но вот в чем дело, ведь у автономной морали в реальной истории есть реальный субстрат. Это тот самый средний европеец,

гражданин, буржуа, назовите его как угодно в зависимости от политических пристрастий. Ведь его европейская культура вырабатывала веками. Искусственно, в колбе его не создашь. И не создашь отдельно от него автономную мораль. Это просто два аспекта, две стороны одного процесса.

Значит ли это, что «пиши пропало»? Не думаю, ибо рядовой гражданин — это не единственный таксон культуры. Существуют и другие таксономические основы культуры. К чему ведет вина человека вообще, идеал человека вообще, это мы видели. Но ведь и индивидуальная интимная духовность сейчас, увы, не социальна, учитывая слабость церкви сегодня.

Значит ли это, что надо махнуть рукой на мир или вовсе отчаяться? Не думаю, хотя бы потому, что церковь и христианский мир или просто мир в христианской цивилизации связаны между собой таинственно и прочно.

Есть ли у нас субъект одухотворенной социальности, если можно так выразиться? Вы знаете, я думаю, что да. Возьмите хотя бы такую естественную стратификацию нашего общества, как профессиональная стратификация. Разве не нужна особая профессиональная этика? Ну, что-то вроде клятвы Гиппократова не только для врачей, но и для многих других.

Я лично очень живо почувствовал необходимость такого рода этики для той области, которой я занимаюсь, год назад, когда 20 августа перед рассветом под дождем мы вдруг стали ждать атаки всерьез, потому что уже к тому моменту пролилась кровь, это был как раз хороший момент для раздумья. И я понял с раздражающей ясностью, что мое положение среди защитников Белого

дома, в сущности, случайно. Что, вообще-то говоря, очень многое, что я делал до этого момента, скорее должно было меня привести в другой лагерь. И если я там не оказался, то либо потому, что они лично мне были глубоко несимпатичны, либо, что уж совсем неприятно, они вообще во мне не нуждались. Ведь в конце концов те проекты улучшения государственного устройства, как бы ни оценивать их с чисто политологической точки зрения, чем я занимался, могли вполне быть поводом в попытке решить проблемы государственности однозначно и в один момент.

Именно тогда я очень четко понял, что в любом политологическом анализе должно быть две фазы. Первая — это по возможности точное и честное изложение проблемы, ее анализ и соответствующее предложение. Но это только первая фаза, и упаси бог, если она станет и второй.

Вторая же — это когда предлагаемый проект, выдерживающий критику с точки зрения чисто интеллектуальной, должен стать поводом для серьезного общественного процесса, серьезной общественной дискуссии. Он должен доказать свою неуязвимость с моральной и с юридической точек зрения.

Я понял, что наиболее жизнеспособные политические и общественные устройства, как правило, не очень совершенны внешне. Иногда они просто уродливы. И у них только одно достоинство — они живут и работают.

Так что в тот день, когда действительно слышалась стрельба, я понял одну вещь. Стрельба начинается не только со стреляющих слов. Иногда она начинается и с умиротворяющих слов, но вырванных из духовного контекста.

CONTENTS
№ 2 (62) 2013

TO OUR READER

<i>Thorbjurn Jagland</i> Complimentary Address of the General Secretary of the Council of Europe to the Alumni Meeting Dedicated to the Twentieth Anniversary of the School	5
<i>Vladimir Lukin</i> Congratulations	7

SEMINAR

Why Do I Trust in the Spiritual Strength? <i>Catherine Lalumiure</i>	8
Discussion	15

THEME OF THE ISSUE

Power and Morality <i>Alvaro Gil-Robles</i>	22
Discussion	28

DEMOCRACY AND PERSONALITY

Will the Democracy Survive when Institutions are Mistrusted? <i>Ivan Krastev</i>	37
Discussion	43

A PERSONALITY IN HISTORY

Shakespeare and Keynes on the Subject of Money <i>Robert Skidelsky</i>	55
--	----

CIVIL SOCIETY

Civic Education in the History of Western Philosophy <i>Alexander Sogomonov</i>	60
---	----

CULTURE AND POLITICS

Civic Organizations in Russia (Tradition and Modernity) <i>Nikita Sokolov</i>	66
---	----

A VIEWPOINT

Questions to Every One of Us (Notes on the US Seminar) <i>Stanislav Stanskikh</i>	76
---	----

ANNOUNCEMENT

A Blue Master <i>Serguei Belokon'</i>	89
--	----

BOOKS

Six Persons of Putin <i>Nikolai Petrov</i>	100
Regional Book Review <i>Guzel' Sitdikov</i>	104
Counterpoint <i>Vladimir Ryzhkov</i>	107

NOTA BENE

Moral Lessons of the Soviet History <i>Evguenii Barabanov</i> <i>Alexei Salmin</i>	114
--	-----

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ КРИЗИСА

СЕМИНАР

(Голицыно, 21–27 июля 2013 г.)

Наши авторы:

Надежда Арбатова

Александр Гессель

Андрей Захаров

Владислав Зубок

Алексей Кара-Мурза

Иван Крестев

Мария Липман

Вадим Межуев

Хью Рифкинд

Владимир Рыжков

Роберт Скидельски

Александр Согомонов

Никита Соколов

Зилке Темпель

Подписано в печать 17.09.2013.

Формат 70×108/16.

Усл.-печ. л. 8.

Тираж 500 экз.

Заказ №

Московская школа
гражданского просвещения
127006 Москва,
Старопименовский пер., д. 11/6, строение 1
e-mail: msps@msps.su
<http://www.msps.su>

ISBN 978-5-91734-034-0